

П.Т. Подлесный

СССР и США

50 ЛЕТ

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

«Международные
отношения»

П. Т. Подлесный

СССР и США

**50 ЛЕТ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

Москва
«Международные
отношения»
1983

Подлесный П. Т.

П 44 СССР — США: 50 лет дипломатических отношений. — М.: Междунар. отношения, 1983. — 136 с.

Монография посвящается истории установления и развития дипломатических отношений между СССР и США. Особое внимание уделяется отношениям СССР и США в последние десятилетия: переходу от «холодной войны» к разрядке международной напряженности в 70-е годы и обострению по вине Вашингтона международной обстановки, негативным переменам в советско-американских отношениях, усилиям Советского Союза, направленным на нормализацию отношений с Соединенными Штатами.

Для историков-международников, преподавателей, лекторов, пропагандистов.

П 0801000000—070
003(01)—83 КБ—5—4—1983

ББК 66.4

ВВЕДЕНИЕ

Пятидесятилетие установления дипломатических отношений между СССР и США уже само по себе является более чем достаточным поводом для того, чтобы вновь оглянуться назад, поразмыслить над историческими уроками и опытом развития советско-американских отношений на протяжении столь длительного периода времени. Вряд ли стоит доказывать, что знание истории, тенденций, которые были характерны для советско-американских отношений в истекшие десятилетия, поможет правильнее понять и оценить современный этап отношений между двумя странами, а также заглянуть в их завтрашний день, определить вероятные перспективы их развития в последующие годы.

Важность изучения полувекового опыта советско-американских отношений, в развитии которых имели место и периоды сотрудничества, как, например, в годы второй мировой войны, и глубокое отчуждение времен войны «холодной», длившейся практически до конца 60-х годов, диктуется и рядом других достаточно веских причин, о которых нельзя не напомнить.

Во-первых, необходимо учитывать ту исключительно важную роль, которую отношения между СССР и США играют в системе международных отношений в целом. Конечно, современный мир являет собой весьма сложную картину. В нем сталкиваются и взаимодействуют различные политические силы и течения. Огромное значение для оздоровления международной обстановки в наши дни имеет последовательная борьба Советского Союза, других стран социалистического содружества за укрепление мира, обуздание гонки вооружений, развитие международных отношений по пути разрядки. В решении мировых проблем возрастает политический вес и влияние развивающихся государств, в частности, группы неприсоединившихся стран.

Однако, как это не раз подтверждалось самой жизнью, от взаимоотношений СССР и США, их готовности сотруд-

ничать друг с другом на основе принципов мирного сосуществования во многом зависит общее состояние мировых дел, решение самых сложных международных проблем, и прежде всего наиболее неотложной из них — предотвращения ядерной войны и сохранения всеобщего мира, а значит и сохранения самой жизни на нашей планете. Так, нормализация советско-американских отношений, развитие широкого сотрудничества между двумя странами в первой половине 70-х годов благотворно сказались на международно-политическом климате. И наоборот, нынешнее обострение отношений по вине реакционных сил США самым отрицательным образом влияет на всю систему международных отношений.

XXVI съезд КПСС подтвердил готовность Советского Союза продолжать ленинскую политику мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества с капиталистическими государствами, в том числе, разумеется, и с Соединенными Штатами. При этом было вновь подчеркнута исключительно важное значение советско-американских отношений для судеб всеобщего мира, безопасности всех народов. «Общепризнано, — отмечалось на XXVI съезде КПСС, — что международная обстановка во многом зависит от политики СССР и США...

СССР хочет нормальных отношений с США. С точки зрения интересов как народов обеих наших стран, так и человечества в целом, другого разумного пути просто не дано»¹.

Во-вторых, речь идет о взаимоотношениях двух крупнейших государств, являющихся полюсами противоположных социально-экономических систем, борьба между которыми составляет основное содержание современного периода мировой истории.

В-третьих, антисоветский курс Вашингтона, который стал особенно заметно проявляться уже к исходу 70-х годов и получил новые импульсы с приходом к власти администрации Рейгана, привел к осложнению советско-американских отношений и обострению международной обстановки в целом в начале 80-х годов.

Путем нагнетания напряженности в мире, резкой активизации военных приготовлений, принятия всякого рода экономических «санкций», раскручивания сменяющих одна другую антисоветских, антикоммунистических кампаний Вашингтон стремится оказать силовой нажим на СССР, добиться от советской стороны разного рода предваритель-

ных уступок в качестве некоей «платы» за согласие США пойти на улучшение отношений с нашей страной.

Классовая ненависть к социализму наиболее воинственных группировок правящих кругов США, как это уже неоднократно бывало раньше, берет верх над чувством реальности, а подчас просто над здравым смыслом. Вся история советско-американских отношений убедительно свидетельствует о несостоятельности попыток говорить с Советским Союзом языком угроз, которые наносят лишь огромный ущерб этим отношениям, в то время как проявления реализма с американской стороны способствуют нормализации и улучшению отношений между двумя странами.

«Империалисты, — подчеркивал в этой связи Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, — не расстанутся с замыслами экономической войны против социалистических стран, вмешательства в их внутренние дела в надежде расшатать их общественный строй, пытаются добиться военного превосходства над СССР, всеми странами социалистического содружества.

Конечно, эти планы обречены на провал. Никому не дано повернуть вспять ход исторического развития. Попытки «удушить» социализм срывались даже в то время, когда Советское государство только становилось на ноги и было единственной социалистической страной в мире. И уж тем более из этого ничего не выйдет теперь»².

Наконец, размышляя о полувековом опыте советско-американских отношений, нельзя не учитывать стремления реакционных кругов в США, проявившегося с особой силой в последние годы, исказить историю этих отношений, перечеркнуть достигнутый позитивный опыт, доказать, что сотрудничество с СССР — будь то в военные или в 70-е годы — было якобы односторонне выгодным Советскому Союзу, не отвечало интересам США и т. п. Показать несостоятельность и опасность подобных вымыслов является сегодня важнейшей задачей любого исследования по проблемам советско-американских отношений.

Советский Союз как в прошлом, так и в настоящее время последовательно и целеустремленно проводит курс на поддержание конструктивных отношений с Соединенными Штатами, рассматривая это в качестве одной из важнейших задач своей внешней политики. «Для того чтобы исключить возможность войны, и прежде всего ядерной войны, — заявил первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, —

для этого в первую очередь необходимо изменить в лучшую сторону характер отношений между Советским Союзом и США... Нелишне напомнить, что было время, когда мы были союзниками по войне, значит, находили общую основу для сотрудничества, хотя и тогда это были государства с различным общественным строем, с различной идеологией. Но мы считаем, несмотря на эти различия в общественном строе, в идеологии, две наши державы, державы огромного военного потенциала, могут наладить отношения между собой. Уверены, что от этого народы обеих стран — Советского Союза и США — только бы вздохнули свободнее»³. СССР искренне стремится к достижению справедливых, взаимоприемлемых, отвечающих принципам равенства и одинаковой безопасности договоренностей на переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений, по ограничению ядерных вооружений в Европе, сокращению войск и вооружений в Центральной Европе, а также к взаимодействию в устранении наиболее опасных очагов военных конфликтов, например, на Ближнем Востоке. Мирные инициативы и новые конструктивные предложения, выдвинутые товарищем Ю. В. Андроповым, еще раз свидетельствуют о желании СССР вернуть развитие событий в русло разрядки, открывают новые возможности для урегулирования спорных вопросов международной жизни.

Однако Вашингтон снова, как и десятилетия назад, пробует говорить с Советским Союзом языком «холодной войны» — отвергает советские предложения о достижении мирных соглашений, демонстрирует свое неуважение к уже достигнутым договоренностям. От того, сумеют ли США в конечном счете более реально и объективно подойти к отношениям с Советским Союзом, понять, что с точки зрения элементарного выживания их ухудшение вряд ли отвечает интересам самих США, интересам американского народа, будет в немалой степени зависеть и характер дальнейшего развития взаимоотношений между СССР и США, международной обстановки в целом.

Данная монография не претендует на воссоздание полной исторической панорамы советско-американских отношений за 50 лет. Основное внимание в ней уделяется периоду 70 — начала 80-х годов. При этом автор исходил из того, что анализ итогов и уроков развития советско-американских отношений в истекшем десятилетии имеет важнейшее значение, учитывая тот факт, что это была, по сути дела, первая крупная попытка перестройки отношений между двумя государствами применительно к условиям ядерного века.

Вместе с тем в первых двух главах автор попытался в сжатой форме напомнить об основных вехах развития отношений между двумя странами — от установления дипломатических отношений в ноябре 1933 года и до конца 60-х годов.

При написании книги автор опирался на исследования советских историков-американистов, в частности монографии В. А. Валькова, Р. Ш. Ганелина, Л. А. Гвишиани, Д. Н. Сташевского, Г. Н. Цветкова, В. К. Фураева, Н. Н. Яковлева и др., в которых глубоко и всесторонне анализируются причины, лежавшие в основе непримиримого в отношении СССР внешнеполитического курса Вашингтона в период с 1917 по 1933 год, на конкретных примерах показываются основные его проявления, подробно освещается борьба в правящих кругах США вокруг вопроса о признании СССР, а также о развитии отношений с нашей страной в последующие годы.

При рассмотрении вопросов, относящихся к периоду 70 — начала 80-х годов, автор опирался на работы и статьи акад. Г. А. Арбатова, в которых содержится глубокий анализ американской внешней политики, в том числе и в сфере отношений с СССР. Проблемы советско-американских отношений в истекшем десятилетии, эволюция американских подходов к таким важнейшим вопросам современности, как разрядка напряженности, мирное сосуществование с СССР, рассматривались в работах других советских ученых-международников, и прежде всего В. С. Аничкиной, В. В. Журкина, В. Ф. Петровского, Г. А. Трофименко, И. Л. Шейдиной, Е. С. Шершнева, А. О. Чубарьяна и др.

Написание монографии потребовало также изучения большого числа иностранных источников. В частности, определенный интерес представляют собой рассекреченные документы американского правительства 1947—1950 годов, которые касаются принципов основополагающей доктрины послевоенной политики США — так называемой доктрины «сдерживания» СССР, сил социализма в целом. Немалый интерес для понимания политики Соединенных Штатов в отношении нашей страны в 70-е годы имеют, несмотря на свойственные им субъективизм и конъюнктурный характер, мемуары таких политических деятелей США, как С. Вэнс, Р. Никсон, Г. Киссинджер, Дж. Картер, Дж. Форд. Наконец, автор критически использовал и многие монографии, написанные в последние годы американскими историками (в частности, Дж. Гэддисом, Дж. Кеннаном, Д. Колдуэллом), а также исследования двусторонних отношений, подготовленные американскими научными центрами.

ОТ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1982 году в США вышла книга известного американского историка и дипломата Дж. Кеннана «Ядерные иллюзии: советско-американские отношения в атомный век», в которой суммированы его взгляды по этому вопросу. К каким же выводам приходит один из создателей основополагающей доктрины американской политики в отношении СССР в период после второй мировой войны — небезызвестной доктрины «сдерживания» Советского Союза, который затем все же встал на более реалистические позиции и уже длительное время выступает за нормализацию советско-американских отношений? Оглядываясь назад, рассматривая эволюцию американского подхода к отношениям с Советским государством с первых дней его существования и до нашего времени, Кеннан вынужден признать, что «идеологическая враждебность» правящих кругов США к нашей стране мешала им разглядеть два «ключевых и неизменных», по его словам, элемента советско-американских отношений. Первый из них, по мнению автора, состоит в том, что Соединенные Штаты не располагали тогда возможностями уничтожить новый социальный строй в Советской России. «Этот императив мирного сосуществования, — отмечает он, — был очевиден с самого начала». Другим элементом, продолжает далее он, является наличие, несмотря на всю глубину социально-экономических противоречий между двумя странами, ряда сфер обоюдной заинтересованности. «Тот факт, — пишет Кеннан, — что именно это и являлось двумя основными элементами взаимоотношений, не всегда ясно осознавался

американскими политическими деятелями.., равно как и различными группами американской общественности»¹.

В вопросе о том, как строить отношения с Советским государством, в правящих кругах США постоянно сталкивались и сталкиваются две тенденции, две точки зрения. Сторонники реакционной, агрессивной линии с первых дней создания Советской Республики отрицали саму идею мирного сосуществования с ней, противились развитию взаимовыгодного сотрудничества, будь то в области торгово-экономических связей или в решении тех или иных международных проблем. Сторонники же более реалистического курса, ни в коей мере не отказываясь от своего классового подхода к Советскому государству, тем не менее в определенной мере признавали, что социалистическая революция в России отражала логику развития объективных внутренних процессов в стране, пользовалась поддержкой широчайших народных масс.

Потребовалось 16 лет для того, чтобы здравая точка зрения на отношения с СССР возоблудала и чтобы Соединенные Штаты отказались от политики непризнания Советского Союза, которую они продолжали упорно проводить даже тогда, когда к исходу 20-х годов на путь признания Советского государства и поддержания с ним нормальных отношений встали все другие ведущие страны капиталистического мира. Характеризуя суть этой политики, лежащие в ее основе мотивы, нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов в своем выступлении 29 декабря 1933 г. на IV сессии ЦИК СССР отмечал, что Америка «упорно отказывалась не только признать формальные отношения с Советским Союзом, но и признать его существование... Упорствовала она не потому, что у нее были большие государственные споры с нами, чем у других стран, или что она больше других пострадала от революционного законодательства. Нет, она, по существу, продолжала борьбу, провозглашенную всем капиталистическим миром после Октябрьской революции, против новой советской системы государства, поставившей себе целью создание социалистического общества. То была борьба против мирного сосуществования двух систем»².

Таким образом, главной причиной враждебной позиции Соединенных Штатов по отношению к Советской стране было нежелание правящих кругов США смириться с появлением первого социалистического государства, бросившего исторический вызов прежней социально-экономической системе — капитализму. Вместе с другими капиталистичес-

кими странами Соединенные Штаты поставили перед собой цель задушить молодое Советское государство, остановить развитие мирового революционного процесса, сохранить в мире устои капитализма. Известно, что США первыми среди капиталистических стран ввели экономическую блокаду Советского государства, а затем встали на путь его дипломатического бойкота и активной поддержки российской контрреволюции. Американский империализм принял непосредственное участие в вооруженной интервенции против Советской России, а также развернул внутри самих Соединенных Штатов широчайшую антисоветскую кампанию, используя миф о «большевистской опасности», с целью вызвать ненависть американцев к Советской Республике.

Этих очевидных фактов не могут отрицать и многие американские историки. Один из них — Ф. Даллес — указывал в 1944 году в своем исследовании, посвященном русско- и советско-американским отношениям, что США «испытывали страх перед коммунистическим режимом, поскольку он бросал вызов нашей собственной экономической и политической системе... Мы отказывались признать Советское правительство из-за нежелания хоть сколько-нибудь укрепить его влияние и наличия определенных надежд на то, что такая политика будет поощрять мятеж против большевизма и в конечном счете возвратит Россию на орбиту демократического капитализма»³. Аналогичные признания можно найти и в ряде работ, опубликованных в США в последние годы. Так, известный американский обозреватель С. Тэлботт в одной из статей по истории советско-американских отношений пишет: «Соединенные Штаты не шли на протяжении 20-х годов на дипломатическое признание большевистского правительства. Одной из причин этого были надежды на то, что, повернувшись спиной к новым лидерам в Москве, Запад мог бы изменить их революционные взгляды. Советский коммунизм рассматривался в качестве своего рода эпидемии, против которой должен быть установлен карантин»⁴. И наконец, в книге американского историка Дж. Гэддиса «Россия, Советский Союз и Соединенные Штаты» содержится четкое признание того, что тогдашний президент США В. Вильсон был «твердо убежден в необходимости уничтожения большевизма тем или иным путем» и что именно эта «фундаментальная ненависть» к советскому строю предопределила курс действий его администрации по отношению к Советской России⁵.

Антисоветизм — главный мотив политики непризнания

О том, сколь скудным и однобоким являлся философский «фундамент» политики непризнания, дает представление меморандум по «русскому вопросу», который был подготовлен тогдашним государственным секретарем США Р. Лансингом в начале декабря 1917 года для президента В. Вильсона. В этом меморандуме обращали на себя внимание следующие моменты. Во-первых, в нем крайне примитивно и с враждебных позиций трактовался характер Великой Октябрьской социалистической революции, извращались ее истоки, исключалась возможность закрепления Советской власти на местах. «Россия как нация,— утверждал Лансинг,— никогда, конечно, не отдаст себя под власть петроградских большевиков. Гораздо более вероятно, что она распадется на отдельные части, требующие независимости». Во-вторых, большевикам клеветнически приписывалась «решимость свергнуть все существующие правительства и на развалинах установить в каждой стране деспотию пролетариата». И наконец, отвергалась возможность признания Советского правительства. «Признав их (большевиков.— П. П.) в России,— доказывал Лансинг,— мы поощрили бы их самих и их последователей в других странах. Это было бы серьезной ошибкой»⁶. Эти постулаты, продиктованные классовой ненавистью к первому в мире социалистическому государству, предопределили игнорирование администрацией Вильсона призывов и предложений советской стороны установить нормальные отношения между двумя странами.

С образованием Советского государства в основу его внешней политики были положены разработанные В. И. Лениным принципы мирного сосуществования со всеми капиталистическими странами, в том числе и с Соединенными Штатами. Хорошо известно, что основатель первого в мире государства рабочих и крестьян выступал за всестороннее развитие отношений с США, и прежде всего в торгово-экономической области в целях преодоления хозяйственной разрухи, а также подведения прочного фундамента под эти отношения в целом. «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой,— подчеркивал В. И. Ленин,— со всеми странами, но особенно с Америкой»⁷. Отвечая 18 февраля 1920 г. на вопросы корреспондента американского информационного агентства, В. И. Ленин заявил: «Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем. Мы готовы даже заплатить им золотом за полезные для

транспорта и производства машины, орудия и проч. И не только золотом, но и сырьем»⁸.

В соответствии с принципиальной установкой на развитие мирных отношений с США Советское правительство неоднократно предлагало Соединенным Штатам наладить нормальные торгово-экономические и политические отношения, устранить все возможные препятствия на этом пути. Напомним, что в мае 1918 года Советское правительство передало правительству США через главу миссии американского Красного Креста в России Р. Робинса план экономического сотрудничества двух стран. Однако администрация Вильсона не только отвергла этот план, но и в августе того же года приняла решение направить американские войска в Советскую Россию для участия в вооруженной интервенции.

Но намерениям интервентов не суждено было осуществиться. Уже в феврале 1919 года президент Вильсон высказал опасение, что армии, посланные для борьбы с Советской властью, сами окажутся «пропитанными большевизмом». В этих условиях, пытаясь найти выход из создавшегося положения и избежать от крушения силы контрреволюции, США и страны Антанты предложили созвать на Принцевых островах в Мраморном море конференцию с участием представителей всех воюющих на территории России сторон. Советское правительство, руководствуясь неизменным стремлением к достижению мира и установлению нормальных отношений с капиталистическими странами, 4 февраля 1919 г. выразило готовность принять участие в работе конференции. Однако из-за разногласий, возникших между союзниками, конференция не состоялась.

Тогда было решено направить в Советскую страну американского представителя У. Буллита, который прибыл в Петроград 8 марта 1919 г., имея при себе одобренный президентом США В. Вильсоном и премьер-министром Англии Л. Джорджем проект предложений об условиях прекращения военных действий в России. Этот проект был доработан В. И. Лениным и создавал предпосылки для установления реального мира. В своем выступлении на VII съезде Советов в декабре 1919 года Г. В. Чичерин подчеркивал, что по выработанному «проекту должна была быть созвана специальная конференция для заключения соглашения на основании определенных, заранее установленных принципов: воюющие стороны в России перестали бы стремиться свергать друг друга силою, сохраняя имеющиеся в их распоряжении территории, за исключением таких территориальных

перемещений, какие были бы произведены этой конференцией, причем само население этих территорий могло бы вслед за тем изменить у себя политический строй; блокада была бы снята, и Советская Россия получила бы свободу товарообмена и сношений с другими странами; Антанта обязалась бы прекратить оказание какой бы то ни было помощи борющимся против Советского Правительства политическим группировкам; все воюющие стороны провели бы у себя политическую амнистию; между Советскими Республиками и государствами Антанты были бы восстановлены дипломатические сношения»⁹. При этом правительство Советской республики было готово взять на себя обязательство принять данный проект, если он будет официально предложен не позднее 10 апреля 1919 г. Однако и на этот раз со стороны Антанты и США позитивного отклика не последовало. Причиной тому было начавшееся в марте 1919 года наступление Колчака, поддержке которого в расчетах задушить молодое Советское государство тогдашние правители США уделяли особое внимание. Как отмечают американские историки, президент Вильсон, «сославшись на головную боль», отказался принять У. Буллита и запретил публикацию представленного им доклада.

В настоящем исследовании нельзя не привести некоторые содержащиеся в докладе оценки, которым были присущи элементы реализма в трактовке политической ситуации в Советской России. «Советская форма правления, — писал Буллит, — установилась твердо. Наиболее поразительной чертой положения в России является повсеместная поддержка, оказываемая Советскому правительству населением страны, несмотря на голод. Люди возлагают вину за переживаемые ими бедствия на блокаду и правительства, которые ее осуществляют. Создается впечатление, что советская форма правления стала для народа России символом его революции»¹⁰.

У. Буллит сделал четкий и ясный вывод о том, что «никакое иное правительство, кроме социалистического, не может быть создано в России» и что любое сформированное «с помощью иностранных штыков» правительство «падет немедленно после того, как такая поддержка будет прекращена». «Никакого реального мира в Европе или в мире, — подчеркивал он далее, — не будет достигнуто до тех пор, пока не будет установлен мир с этой революцией. Предложение Советского правительства предоставляет возможность — возможность уникальную — установить с ней мир на справедливой и разумной основе»¹¹. В заключение Бул-

лит призвал руководителей США и стран Антанты дать в максимально сжатые сроки ответ, который бы соответствовал общей направленности предложений Советского правительства.

Конечно, Буллит отнюдь не был свободен от надежд добиться ослабления Советской власти с помощью «мирных» средств, в том числе путем поощрения антисоциалистических сил внутри страны. Известно также, что взгляды Буллита позднее эволюционировали в негативном по отношению к нашей стране направлении. Но его суждения тех времен свидетельствовали о том, что он был одним из деятелей, которые с более трезвых позиций подходили к проблеме выработки политики США в отношении Советского государства.

Продолжая последовательно бороться за установление нормальных отношений с Соединенными Штатами, Советское правительство поручило в июле 1920 года наркому внешней торговли Л. Б. Красину вступить в переговоры с американским правительством «о заключении с РСФСР политического соглашения и договора о полном восстановлении мирных отношений между обеими странами и всякого рода экономических соглашений». Однако администрация Вильсона, ослепленная классово-ненавистью к первому в мире социалистическому государству, проигнорировала и это предложение советской стороны.

Год 1920-й ознаменовал крушение агрессивных планов США и Антанты подавить вооруженным путем Советскую власть, восстановить буржуазные порядки в Советской стране. Интервенция империалистических держав закончилась полным провалом. В этих условиях нормализация отношений между Советской Россией и США, делает весьма любопытное признание Дж. Гэддис, «зависела от способности каждой из сторон подняться выше разделяющих их идеологических антагонизмов. В известной мере паразитично, что высоко идеологизированное Советское государство проявило в этом вопросе больше гибкости, нежели плюралистические и, следовательно, не столь подверженные идеологическим мотивам Соединенные Штаты»¹².

Новым подтверждением намерения администрации Вильсона продолжать следовать прежним курсом твердолобого антисоветизма стала направленная 10 августа 1920 г. государственным секретарем США Б. Колби, сменившим на этом посту Р. Лансинга, нота итальянскому правительству, которая формально являлась ответом на итальянский запрос относительно точки зрения Вашингтона на

события в Польше. В этом пространном документе Колби открыто изложил реакционную позицию администрации Вильсона по вопросу о признании Советской России. Для Соединенных Штатов, утверждалось в нем, не представляется возможным признать государство, существование которого-де зависит от «революций во всех других великих цивилизованных странах, включая США», которое-де проводит «подрывную деятельность» против американских институтов, «не выполняет» взятых на себя международных обязательств и т. п.¹³

С помощью таких клеветнических домыслов администрация Вильсона пыталась дискредитировать Советское государство в глазах американской общественности, представить дело таким образом, будто бы нормальные отношения между нашей страной и США невозможны. Вместе с тем Вашингтон стремился оказать давление на другие капиталистические государства, с тем чтобы не допустить установления ими нормальных, конструктивных отношений с Советской Россией.

Нота Колби, как отмечает советский историк Л. А. Гвишиани, стала «программным внешнеполитическим документом правительства США в отношении Советской России, в котором оно открыто отказывало в праве на существование советскому строю в России. Если ранее правительство США свою антисоветскую деятельность и участие в рядах интервентов сопровождало заявлениями об уважении к русскому народу и России вообще, то документ от 10 августа явился свидетельством перехода правительства США к новому, еще более ожесточенному и открытому политическому и идеологическому этапу антисоветской борьбы»¹⁴. Такой же точки зрения придерживается и другой советский исследователь — В. К. Фураев: «После провала вооруженной интервенции значительно возростала роль дипломатического бойкота как антисоветского политического оружия. Именно этим можно объяснить появление декларации Колби...»¹⁵.

Советское правительство не могло пройти мимо этой враждебной дипломатической акции администрации Вильсона. В телеграмме НКИД, разосланной советским полномочным представителям за границей, были разоблачены грубые попытки Вашингтона исказить суть внешней политики Советского государства, приписать не свойственные ему намерения силой навязывать другим народам социалистический строй. Была вновь подтверждена готовность Советского правительства установить и поддерживать мирные,

конструктивные отношения с существующими правительствами в других странах. Правительство Советской Республики, говорилось в телеграмме, «слишком ясно сознает, что элементарные экономические потребности народов как России, так и других стран требуют установления между ними нормальных отношений и правильного товарообмена, и неперменной предпосылкой этого является взаимное доверие и невмешательство во внутренние дела с обеих сторон. Г-н Колби глубоко ошибается, полагая, что только при условии господства в России капиталистического строя возможны нормальные отношения между ней и Северной Америкой. Мы считаем, наоборот, необходимым в интересах как России, так и Северной Америки установление между ними уже теперь, несмотря на противоположность их социального и политического строя, вполне корректных и лояльных мирных дружественных отношений, необходимых для развития между ними товарообмена и для удовлетворения экономических потребностей той и другой стороны». В ноте также выражалась твердая убежденность в том, что не только трудящиеся массы, но и более дальновидные представители американских деловых кругов «отвергнут близорукую и вредную для самой Америки политику»¹⁶.

На бесперспективность политики непризнания Советского государства указывал в октябре 1920 года В. И. Ленин: «Нравится им или нет, Советская Россия — великая держава. После трех лет блокады, контрреволюции, вооруженной интервенции и польской войны Советская Россия сильна, как никогда прежде. Америке ничего не даст вильсоновская политика благочестивого отказа иметь с нами дело на том основании, что наше правительство им не по вкусу»¹⁷.

Однако сменявшие друг друга республиканские администрации У. Гардинга, К. Кулиджа и Г. Гувера, не желая смириться с реальностью существования государства с противоположной социальной системой, продолжали систематически отклонять предложения Советского правительства, направленные на установление политических и экономических отношений между двумя странами, достижение взаимоприемлемых решений по всем спорным вопросам.

Хорошо известно, что 20 марта 1921 г., вскоре после избрания Гардинга на пост президента, Советское правительство обратилось в Вашингтон с официальным предложением наладить торговые связи между обеими странами, указав, что их отсутствие представляется советской сторо-

не «особенно ненормальным и вредным для обоих народов», а также подчеркнув, что для решения данной проблемы «должны быть вообще урегулированы отношения» между двумя государствами¹⁸. В обращении вновь подтверждалась принципиальная линия Советской страны на установление мирных, дружественных отношений с Америкой.

В ответ на мирную инициативу Советского государства правительство Гардинга заявило 25 марта 1921 г., что, несмотря на «глубокое сочувствие» к русскому народу, американская администрация связывает вопрос о восстановлении торговли между двумя странами с требованиями «коренных изменений» в политическом устройстве Советского государства. До тех пор, утверждалось в заявлении, пока правительство США не получит «доказательств» таких изменений, оно «не может считать, что существует надлежащая база для рассмотрения вопроса о торговых сношениях»¹⁹.

Становилось очевидным, что, оставаясь на позициях ярого антисоветизма, проповедуемого президентом Вильсоном, республиканская администрация Гардинга дополнила его выдвижением в ультимативном тоне неприемлемых для советской стороны политических и экономических требований в качестве некоего условия признания Советского государства. Такого рода подход получил наиболее полное отражение в заявлении государственного секретаря США Ч. Юза в марте 1923 года, в котором он потребовал от Советского правительства отказаться от декрета об аннулировании всех иностранных займов, выплатить компенсацию американским гражданам за их собственность, «национализированную в Советской России», а также прекратить так называемую «разрушительную пропаганду Советской власти». В своих последующих выступлениях Юз систематически делал упор на то, что торговля с Советской страной не возобновится до тех пор, пока Советское правительство не обеспечит-де «твердую гарантию частной собственности, безопасности контрактов и права на свободный труд». Иными словами, как признают и американские историки, в частности Дж. Гэддис, установление нормальных экономических отношений с Советской Россией увязывалось с «требованием фундаментальных перемен во внутривнутриполитической организации Советского государства»²⁰.

Сугубо антисоветская направленность внешней политики администрации Гардинга стала одной из причин срыва планов представителя определенной группы американских

промышленных кругов В. Вандерлипа заключить с Советским правительством договор о концессии на Дальнем Востоке. Осенью 1920 года Вандерлип прибыл в Москву для ведения переговоров с советскими официальными лицами по данному вопросу. Советские руководители отвергли первоначальное предложение Вандерлипа о продаже части дальневосточной территории, но выразили готовность заключить с ним соглашение о концессии на эксплуатацию рыбных промыслов, разведку и добычу нефти и угля на Камчатке и в некоторых районах Восточной Сибири. Разумеется, речь шла о соглашении на приемлемых для Советской России политических и экономических условиях. В частности, Советское правительство заявило, что договор о концессии мог бы вступить в силу лишь по восстановлении де-факто нормальных отношений между двумя странами не позднее 1 июля 1921 г. При этом Советское правительство исходило из того, что заключение такого договора способствовало бы налаживанию взаимовыгодных торгово-экономических отношений, содействовало бы ослаблению антисоветских настроений в самих США, что могло бы повлечь за собой нормализацию двусторонних отношений в целом.

Но президент Гардинг занял резко отрицательную позицию относительно соглашения о концессии. «Дважды, — отмечает в этой связи Л. А. Гвишиани, — Советское правительство по просьбе Вандерлипа продлевало срок вступления в силу концессионного договора (в мае 1921 г. и в апреле 1922 г.). Однако и в последний срок — 1 января 1923 г. концессионный договор так и не был подписан»²¹.

Непримиримую позицию в отношении Советского государства занимала и администрация К. Кулиджа, пришедшего к власти в августе 1923 года. В послании Кулиджа американскому конгрессу в декабре того же года вновь подчеркивалось, что правительство США намерено препятствовать установлению дипломатических отношений с СССР, развитию торгово-экономических связей до тех пор, пока Советское государство не признает долги Временного буржуазного правительства, покончит с «враждебным отношением» к социальному строю Америки и представит «доказательство раскаяния»²². Такая твердолобая антисоветская позиция вызвала осуждение даже со стороны некоторых тогдашних американских законодателей. Так, на заседании сената 20 декабря 1923 г. сенатор Дж. Норрис заявил, что «никогда до этого не было столь грубого письменного

заявления, избегающего даже всякой видимости этикета, чем это. Я сомневаюсь в том, что вы смогли бы найти аналогичное заявление за всю историю нашего правительства»²³.

Более того, 19 декабря 1923 г. госдепартамент США, ссылаясь на якобы имевшиеся в его распоряжении «документальные свидетельства», выступил с клеветническим заявлением о «подрывной деятельности» Коминтерна в США. Однако правительство Кулиджа уклонилось от ответа на предложение Г. В. Чичерина представить эти «документы» на рассмотрение любому беспристрастному третейскому суду, состав которого мог бы быть согласован обеими сторонами. Госдепартамент предпочел передать этот вопрос в одну из сенатских комиссий, где он и был похоронен.

Ведущее место отводилось антисоветизму и во внешнеполитическом курсе администрации президента Г. Гувера. По свидетельству американской печати, Гувер, уже будучи президентом, в одной из частных бесед цинично заявил: «Говоря по правде, ...цель моей жизни — уничтожить Советскую Россию»²⁴. В соответствии с этим грубым заявлением администрация Гувера не только не проявляла желания установить нормальные отношения с Советским Союзом, но, наоборот, в своей практической деятельности всеми средствами стремилась осложнить его отношения с капиталистическими странами Европы, а также с государствами Латинской Америки. «В области политической взаимоотношения между САСШ и СССР, — указывал заместитель народного комиссара иностранных дел в письме в Политбюро ЦК ВКП (б) от 18 сентября 1931 г., — характеризуются прежде всего тем упорством, с которым Америка отстаивает свое положение единственной из великих держав, отказывающейся признать Советский Союз». Всякий раз, подчеркивалось далее в письме, когда в связи с теми или иными обстоятельствами госдепартамент США «считает нужным высказаться по вопросу о взаимоотношениях с СССР, он ограничивается стереотипной отсылкой к формуле Юза. Всякий раз, когда САСШ участвуют в заключении какой-либо многосторонней международной конвенции, в которой участвует также и СССР, американское правительство считает необходимым оговорить, что его участие в договорном акте, в котором участвует также и СССР, отнюдь не означает признания Америкой Советского Союза»²⁵.

Однако все усилия правящих кругов США добиться

изоляции Советского государства на мировой арене, ослабления социалистического строя и реставрации капиталистических порядков в СССР оказались тщетными. Советская страна не только успешно построила социалистическое общество, но и превратилась в важнейший фактор международной жизни. Несостоятельность политики непризнания становилась все более очевидной.

Установление дипломатических отношений — победа реализма и здравого смысла

Необходимость пересмотра американской политики в отношении Советского Союза обуславливалась возрастанием значения ряда факторов, которые уже не могли игнорироваться правящим истеблишментом Америки.

Во-первых, это было связано с провалом самой политики непризнания Советского государства, которая не привела ни к подрыву социализма в СССР, ни к отказу его от принципиальных основ своей внешней политики. Этому не в состоянии отрицать и многие американские историки. Как подчеркивал, в частности, Дж. Гэддис, «политика непризнания не достигла своих целей: она не изменила ни международное положение, ни внутреннюю политику Советского государства»²⁶. Абсурдность политики непризнания становилась очевидной для многих американцев, посещавших нашу страну в тот период. Так, побывавший в 1926 году в СССР известный политический деятель А. Гарриман впоследствии следующим образом суммировал свои впечатления: «Когда Россия из первой мировой войны предстала в облике первого марксистского государства, многие политические наблюдатели в Европе и Америке были убеждены, что она не сможет выжить. В 1926 году находились еще политики, которые предсказывали ее крах в не более чем пятилетний срок. В том же году я поехал в Москву, чтобы самому убедиться, каковы же шансы строя выжить. Я не увидел ничего, что свидетельствовало бы о его близком развале»²⁷.

Успехи, достигнутые советским народом в развитии народного хозяйства страны в годы первой пятилетки, наглядно продемонстрировали преимущества социалистической общественной системы, повлекли за собой переоценку многими американцами на рубеже 20—30-х годов своих прежних негативных, а зачастую и враждебных взглядов на Советскую страну. Отмечая много лет спустя этот сдвиг в сознании американцев, Дж. Кеннан писал: «Только в конце 20-х годов, через десятилетие после самого события, в Соеди-

ненных Штатах стал получать всеобщее признание тот факт, что в России произошла революция такой силы и глубины, что ей предначертано навсегда войти в историю нашего времени»²⁸. Выражая настроения трезво мыслящих американцев в тот период, американский историк Ф. Шуман в исследовании, посвященном политике США в отношении Советского государства после Великой Октябрьской социалистической революции, писал в 1928 году о необходимости «безусловно отказаться от надежды на свержение советского строя и замену его прокапиталистическим режимом. Тешить себя подобной надеждой и впредь — значит иметь дело не с реальной действительностью, а с иллюзиями и химерой, сыгравшими и без того чересчур большую роль в отношениях между двумя странами после 1917 года»²⁹.

Во-вторых, рост экономической и оборонной мощи СССР, его настойчивая борьба за укрепление международной безопасности и предотвращение мировой войны усилили влияние СССР в международных делах, повысили его авторитет в мире. Становилось очевидным, что без участия Советской страны невозможно решать важнейшие вопросы мировой политики. К началу 30-х годов все ведущие капиталистические государства, кроме США, установили дипломатические отношения с СССР. Потерпели крах и надежды американских правящих кругов на формирование антисоветского замкнутого блока в форме пресловутого «пакта четырех». «Последовательная борьба за мир, — отмечается в «Истории внешней политики СССР», — снискала Советской стране широкое международное признание. Игнорировать СССР при решении вопросов мировой политики стало уже невозможно. Именно этим и объясняется в первую очередь решение правительства США пересмотреть свое отношение к Советской державе»³⁰.

В-третьих, к началу 30-х годов наметились серьезные изменения внутри самого капиталистического мира вследствие появления группы агрессивных фашистских государств во главе с Германией, открыто вступивших на путь подготовки войны с целью нового раздела мира; «1933 — 1945 годы, — писал советский историк Н. В. Сивачев в своей статье, посвященной 100-летию со дня рождения президента Ф. Рузвельта, — были временем крутого, коренного изменения положения США в мире и столь же радикального пересмотра внешнеполитической стратегии американского правительства. К приходу Рузвельта в Белый дом уже вполне определенно вырисовывались два очага

войны — на Дальнем Востоке и в центре Европы. Было ясно и то, что силой, способной сыграть важнейшую роль в предотвращении войны и в укреплении мира, являлся Советский Союз. Но Вашингтон продолжал уже шестнадцатый год делать вид, будто не замечает величайшего государства мира. Эта игра в прятки становилась не только абсурдной, но и чреватой серьезными опасностями для США. В первую очередь политико-стратегическими. Вашингтон, понимая нарастание угрозы из Берлина и Токио своим государственным интересам, все более уяснял себе, что Москва очень может пригодиться на случай столкновения с создателями «нового порядка», замахнувшимися и на империалистические позиции США»³¹.

В-четвертых, жесточайший экономический кризис 1929—1933 годов, проявившийся в резком сокращении промышленного производства, небывалом росте безработицы, активизации классовой борьбы в капиталистическом мире, до предела обострил все межимпериалистические противоречия, в том числе и борьбу за рынки сбыта между США и другими ведущими капиталистическими странами. Объясняя воздействие экономических факторов на американскую политику в отношении Советского Союза, Дж. Гэддис пишет, что, хотя Рузвельт и не считал, что признание СССР и развитие с ним взаимовыгодных торговых отношений приведет к значительному улучшению положения дел в экономике США, он все же рассматривал СССР в качестве «слишком важного элемента мировой экономики, чтобы продолжать политику отчуждения»³².

16 мая 1933 г. Рузвельт направил главам 53 государств, в том числе и Советского Союза, послание по вопросам о разоружении и созыве международной экономической конференции. Это послание, явившееся первым непосредственным обращением американской администрации к правительству СССР, было расценено многими в США как симптом предстоящего признания Советского государства. В ходе конференции, состоявшейся в июне 1933 года, советский представитель — нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов — заявил о готовности Советского правительства разместить за границей заказы на сумму 1 млрд. долл. при условии получения долгосрочных кредитов и создания нормальных условий для советского экспорта. Летом того же года начались первые после установления в России Советской власти советско-американские переговоры на правительственном уровне о стабилизации цен на продажу пшеницы.

Хорошо известно, сколь существенными для Соединенных Штатов являлись двусторонние связи с СССР в области торговли. Вопреки воле официального Вашингтона, противившегося установлению не только политических, но и экономических отношений с первой в мире страной социализма, американские деловые круги в 20 — начале 30-х годов шли на развитие экономического сотрудничества с Советским Союзом. В 1931 году в СССР было направлено около 40% всего американского экспорта промышленного оборудования, в том числе: 66% металлорежущих станков, 75 — кузнечно-прессового оборудования, 96 — локомотивов, 28 — экскаваторов, 25% горнорудного оборудования. В 1931 году Советский Союз занимал первое место по закупкам промышленных товаров среди иностранных контрагентов американских фирм, а в выполнении советских заказов участвовали сотни тысяч американских рабочих. «Значительные закупки Советского Союза на американском рынке в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., — отмечается в книге «СССР — США: экономические отношения. Проблемы и возможности», — имели немаловажное значение для американской экономики. Они помогли многим американским фирмам пережить эти трудные для них годы, дали работу многим тысячам рабочих. СССР закупал в США как раз те товары, сбыт которых в годы кризиса был особенно затруднен, и, наоборот, поставлял в США такие виды сырья, в которых американское производство весьма нуждалось»³³. Еще 15 февраля 1930 г. орган деловых кругов США — журнал «Бизнес уик» — писал: «Непризнанная политически Россия... пришла на помощь американской экономике, находящейся в кризисе»³⁴.

К концу 20-х годов достаточно ощутимых масштабов достигло советско-американское научно-техническое сотрудничество. Свыше 40 крупнейших американских фирм подписали к этому времени соответствующие соглашения с советскими внешнеторговыми организациями. Сотни американских специалистов откликнулись на приглашение Советского правительства принять участие в строительстве промышленных предприятий на территории Советского Союза, причем многие из них за успешную работу были удостоены советских правительственных наград. Возвращаясь в Соединенные Штаты, они способствовали распространению среди американского народа правдивой информации о первом в мире социалистическом государстве, активно выступали за развитие делового сотрудничества и установ-

ление дипломатических отношений между обеими странами.

Таким образом, рост экономического сотрудничества в значительной мере содействовал созданию предпосылок для нормализации политических отношений между двумя странами. В упоминавшейся выше монографии «СССР — США: экономические отношения. Проблемы и возможности» на этот счет сделан следующий вывод: «Широкий по тем временам размах советско-американских торговых и научно-технических связей сыграл важную роль в установлении взаимопонимания между двумя народами, поскольку ничто не может служить лучшим средством сближения разных стран и наций, чем обмен опытом и достижениями»³⁵.

В-пятых, американское правительство не могло не считаться и с движением прогрессивных сил Америки за нормализацию отношений с Советским Союзом, к которому в начале 30-х годов стали подключаться и многие представители делового мира. Проведенный в 1933 году Комитетом по русско-американским отношениям опрос американских газет показал, что из 1139 ежедневных газет 718, или 63%, безоговорочно высказались за установление дипломатических отношений с СССР; 306 газет, или 27%, заявили о своем отрицательном отношении к этому вопросу, а остальные газеты не дали определенного ответа или сделали различные оговорки³⁶.

Наконец, немаловажное значение имел и факт прихода к власти в США реалистически мыслящего политического деятеля — Франклина Д. Рузвельта, с именем которого связана целая эпоха в советско-американских отношениях. Хотя предложения установить дипломатические отношения с СССР выдвигались в США, в частности в американском конгрессе, задолго до того, как Рузвельт занял пост президента (так, сенатор У. Бора, другие законодатели на протяжении 20-х годов неоднократно вносили на рассмотрение в сенат резолюции с требованием признания Советского государства), практическому решению этого вопроса препятствовал ярый антисоветизм американских правящих кругов, лежавший в основе внешней политики США в тот период.

Отойдя от многолетней практики дипломатического бойкота СССР, США тем самым признали Советский Союз в качестве реальной силы на международной арене, силы, с которой они отныне не только не могли не считаться, но и надеялись к тому же использовать в своих внешнеполитических расчетах. Рузвельт как дальновидный

политик, умевший отделить главное от второстепенного, смог преодолеть инерцию политики непризнания, подчинить вопросы «материальных претензий» к Советскому правительству куда более важным в тех условиях государственным интересам США, связанным в первую очередь с необходимостью укрепления их международных позиций в условиях растущей мощи фашистской Германии и милитаристской Японии.

Объясняя мотивы, которыми руководствовался президент Рузвельт, положив конец политике непризнания, некоторые американские авторы, в частности Дж. Гэддис, пишут, что президент пытался найти такие средства для осложнения условий, в которых пришлось бы действовать Германии и Японии, «избегая одновременно обязательств предпринимать какие-то конкретные действия со стороны Соединенных Штатов Америки. Открытие дипломатического канала с Москвой хорошо вписывалось в эту стратегию»³⁷.

Правда, правительство Рузвельта не сразу пошло на установление дипломатических отношений с СССР, что в значительной степени было связано с попытками противников нормализации отношений, в том числе в госдепартаменте, выдвинуть все те же неприемлемые для СССР условия восстановления дипломатических связей. Так, тогдашний руководитель восточноевропейского отдела госдепартамента Р. Келли выступил с призывом «увязать» установление отношений между США и СССР с отказом Советского правительства от «проведения международной коммунистической деятельности», признанием им долгов Временного правительства и выплатой американцам компенсации за их собственность в России, «национализированную Советской властью». Аналогичную позицию по этому вопросу занимал и тогдашний государственный секретарь США К. Хэлл, направивший президенту Рузвельту 5 октября 1933 г. письмо с приложением меморандума своего помощника Мура и специального помощника Буллита об основных условиях признания Советского государства.

Однако Рузвельт, не отвергая прямо эти рекомендации, избрал иной путь действий. 10 октября 1933 г. президент направил Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину послание, в котором, в частности, говорилось: «С начала моей администрации я считал желательным сделать попытку покончить с теперешними ненормальными отношениями между 125-миллионным населением Соединенных

Штатов и 160-миллионным населением России. Достоинно большого сожаления, что эти два великих народа, между которыми существовала свыше столетия выгодная для обеих сторон счастливая традиция дружбы, находятся теперь без практического метода прямого сношения друг с другом»³⁸. В послании содержалось предложение направить в Вашингтон для переговоров лично с президентом представителя Советского Союза.

Советская сторона с готовностью откликнулась на американское предложение, хорошо понимая историческое значение этого шага. В ответе М. И. Калинина президенту Рузвельту говорилось: «...Ненормальное положение, на которое Вы справедливо указываете в своем послании, неблагоприятно отражается не только на интересах заинтересованных двух государств, но и на общем международном положении, увеличивая элементы беспокойства, усложняя процесс упрочения всеобщего мира и поощряя силы, направленные к нарушению этого мира»³⁹. Представителем СССР на переговорах с американским президентом был назначен нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов.

Советско-американские переговоры, продолжавшиеся в Вашингтоне с 7 по 16 ноября 1933 г., завершились подписанием 12 документов, в которых были зафиксированы правовые нормы официальных отношений между двумя странами. 16 ноября 1933 г. состоялся обмен идентичными нотами между М. М. Литвиновым и Ф. Рузвельтом об установлении дипломатических отношений между СССР и США. В этих нотах выражалась обоюдная «надежда, что установленным ныне между нашими народами отношениям удастся навсегда остаться нормальными и дружественными и что нашим нациям отныне удастся сотрудничать для своей взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира»⁴⁰.

В этой связи необходимо отметить, что единство понимания партнерами роли и места советско-американских отношений в системе международных отношений в целом, провозглашенное 16 ноября 1933 г., сохраняет свою актуальность и в наши дни. Решение таких важнейших проблем современности, как обуздание гонки вооружений, ликвидация опасности ядерной войны, глобальных проблем, чреватых серьезными последствиями для всего человечества, зависит от доброй воли сторон, их готовности преодолеть существующие разногласия.

Нельзя не напомнить и о том, что в этих документах были закреплены важнейшие принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем. В них

стороны зафиксировали свои обязательства уважать право каждой стороны «строить свою жизнь в пределах своей собственной юрисдикции по своему усмотрению и воздерживаться от вмешательства каким-либо образом во внутренние дела» другой стороны; удерживать всех лиц, находящихся на правительственной службе, и все организации, подконтрольные правительству той или иной стороны, «от какого-либо явного или скрытого акта, могущего каким-либо образом нанести ущерб спокойствию, благосостоянию, порядку или безопасности» одной из сторон; не разрешать создания или пребывания на своей территории какой-либо организации или группы, «имеющей своей целью... свержение или подготовку свержения... политического или общественного строя» другой стороны⁴¹.

Установление дипломатических отношений между СССР и США явилось важным международным событием. Оно укрепило внешнеполитические позиции нашей страны в мире, стало новым весомым доказательством правильности и плодотворности неизменной линии Советского государства на развитие отношений с капиталистическими странами на основе принципов мирного сосуществования. В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии говорилось: «Не может быть сомнения, что этот акт имеет серьезнейшее значение во всей системе международных отношений. Дело не только в том, что он поднимает шансы дела сохранения мира, улучшает отношения между обеими странами, укрепляет торговые связи между ними и создает базу для взаимного сотрудничества. Дело в том, что он кладет веху между старым, когда САСШ (Североамериканские Соединенные Штаты. — П. П.) считались в различных странах оплотом для всяких антисоветских тенденций, и новым, когда этот оплот добровольно снят с дороги ко взаимной выгоде обеих стран»⁴².

Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки приветствовали широкие слои американской общественности. Американский журнал либерального толка «Нейшн» расценил этот шаг как крупнейшее достижение «нового курса» президента Рузвельта, вклад в дело всеобщего мира, «возврат к здравому смыслу после длительного царствования фантазий и опасений». Другой журнал — «Нью рипаблик» — в редакционной статье от 29 ноября 1933 г. прокомментировал это событие следующим образом: «Спустя два десятилетия историк, бросая ретроспективный взгляд на этот день, вероятно, без труда придут к заключению, что восстановление

дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Россией — одно из двух или трех выдающихся событий за 15 лет после окончания первой мировой войны»⁴³.

Первым полпредом нашей страны в США был назначен А. А. Трояновский. Вручая 8 января 1934 г. верительные грамоты президенту Рузвельту в Белом доме, он заявил: «Я верю.., что новая эра нормальных и дружественных взаимоотношений между нашими народами будет существенным образом содействовать развитию широчайшего сотрудничества между нами в самых различных областях человеческой деятельности, прежде всего в области сохранения международного мира»⁴⁴. Первым американским послом в Советском Союзе стал У. Буллит, которому, как он позднее вспоминал, был оказан «сердечный прием» со стороны советских руководителей, стремившихся с самого начала установить с правительством США политические и дипломатические контакты, основанные на доверии и взаимопонимании.

Установление дипломатических отношений между СССР и США ознаменовало начало нового этапа в истории их взаимоотношений. На более прочной основе стали развиваться торговля, научно-технические и культурные контакты, что не могло не содействовать росту симпатий к нашей стране со стороны различных слоев американской общественности. Президент Рузвельт устранил ряд дискриминационных для советского экспорта условий. В 1935 году было заключено первое торговое соглашение между обеими странами сроком на один год, продленное затем еще на год. В 1937 году было подписано новое соглашение, регулировавшее советско-американские торговые отношения уже на долгосрочной основе — вплоть до 1941 года и предусматривавшее взаимное предоставление сторонами режима наибольшего благоприятствования в торговле.

Однако, несмотря на определенные сдвиги, достигнутые в области нормализации отношений между двумя странами, советско-американские отношения в целом в период после установления дипломатических отношений до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз оставались довольно натянутыми. Последовательный курс СССР на расширение взаимовыгодных связей с капиталистическими странами не встречал во всем позитивного отношения со стороны Соединенных Штатов. Это касалось в первую очередь налаживания сотрудничества в деле защиты мира и отпора агрессии. Администрация Рузвельта вместе с правительствами других западных стран упорно отказывалась

принять предложения Советского Союза по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Заявляя о своем невмешательстве в европейские дела и ссылаясь на закон о нейтралитете, принятый конгрессом США в 1935 году, американские правящие круги фактически не препятствовали фашистским державам готовить новую мировую войну. Не будучи заинтересованным в усилении Германии и Японии, Вашингтон вместе с Лондоном и Парижем все же старался переложить всю тяжесть противостояния агрессии на СССР, с тем чтобы ослабить обе стороны, попытаться изменить социально-политический строй в социалистическом государстве, сохранить «свободу рук» на будущее для игры на «балансе сил». Раскрывая империалистическую направленность политики невмешательства США, Н. Н. Яковлев подчеркивает, что «американская политика проявляла в отношении СССР уважение и понимание ровно в той мере, в какой Советский Союз, по мнению правящих кругов США, мог сыграть роль в мировых делах, рассматриваемых Рузвельтом через призму теории «баланса сил». Вследствие этого отношения между СССР и США должны были улучшаться лишь прямо пропорционально росту угрозы Соединенным Штатам со стороны агрессивных держав. Эту тенденцию и выражал Рузвельт. Им руководило сознание растущей мощи СССР, служившей надежной гарантией защиты человечества, включая американский народ, от угрозы фашистского порабощения»⁴⁵.

Исходя из своих империалистических интересов и надежд на то, что Гитлер вследствие курса на поощрение его захватнических притязаний начнет войну против СССР, Соединенные Штаты всецело следовали пресловутой политике невмешательства, когда Германия захватила Австрию, и с «пониманием» отнеслись к мюнхенскому сговору Англии и Франции с гитлеровской Германией, что в итоге ускорило развязывание второй мировой войны.

Правительство США не пошло на совместные шаги с СССР в укреплении безопасности даже на Дальнем Востоке, где непосредственная угроза американским интересам со стороны Японии была наиболее ощутима. Американская сторона отказалась от заключения предложенного Советским Союзом 16 ноября 1933 г. Тихоокеанского пакта о ненападении между СССР, США, Китаем и Японией. После нескольких лет маневрирования президент Рузвельт заявил 29 июня 1937 г. А. А. Трояновскому: «Пактам веры нет... Главная гарантия — это сильный флот... Посмотрим, как выдержат японцы морское соревнование»⁴⁶. Рузвельт ограничился

словесным осуждением и агрессии Японии против Китая, развязанной в июне 1937 года.

Иными словами, углубление советско-американского взаимопонимания с целью сохранения мира отнюдь не входило в планы Вашингтона в предвоенный период. «В 30-е годы оказалось очень трудным достичь истинного «модус вивенди» между Америкой и Россией, — свидетельствует американский историк Дж. Стоссинджер. — Если бы это случилось, стало бы возможным создание единого фронта против держав «оси» до того, как катаклизм второй мировой войны заставил две великие державы превратиться в близких, хотя и временных, союзников. Нельзя не задуматься над тем, каким бы был мир в настоящее время, если бы СССР и США смогли активно сотрудничать в 30-е годы, обуздав рост держав «оси» и тем самым предотвратив последовавшие несчастья»⁴⁷. При этом искренность стремления Советского государства к налаживанию такого сотрудничества не ставилась под сомнение даже многими американскими деятелями. Так, Д. Дэвис, занимавший в 1936—1938 годах пост посла США в Москве, в своих сообщениях в Вашингтон давал в определенной мере реалистические и непредвзятые оценки миролюбивым намерениям Советского Союза.

Вместе с тем установление дипломатических отношений между СССР и США, достигнутые в последующий период некоторые позитивные результаты способствовали появлению в этих отношениях определенного доверия и взаимопонимания, что, в свою очередь, облегчило создание антигитлеровской коалиции. К такому выводу приходят и американские историки, в частности Дж. Гэддис, по мнению которого восстановление дипломатических отношений «облегчило развитие советско-американского сотрудничества после 22 июня 1941 г.»⁴⁸

Совместная борьба против фашизма

Не будет преувеличением сказать, что военно-политическое сотрудничество Советского Союза и Соединенных Штатов в годы второй мировой войны — это высший этап в истории их взаимоотношений. В эти годы страны, представляющие противоположные общественно-социальные системы, объединились в борьбе против общего врага — фашизма.

Хорошо известно, что сам Рузвельт, а также некоторые политические и военные советники президента еще до начала второй мировой войны осознавали в полной мере реаль-

ность угрозы Соединенным Штатам со стороны агрессивных государств. В этих условиях Рузвельт, как отмечалось выше, намеревался использовать возросшие мощь и влияние Советского Союза в качестве противовеса агрессивным устремлениям фашистской Германии и милитаристской Японии. Он не разделял взгляды некоторых сотрудников госдепартамента, а также американского посольства в Москве, слепой антисоветизм которых не позволял им увидеть реальную основу для налаживания сотрудничества с СССР в военной области, рассматривать миролюбивую политику Советской страны в качестве одного из ключевых факторов мирового развития. Настрою президента были более созвучны выводы посла США в Советском Союзе Д. Дэвиса о том, что «дружественные отношения (с СССР. — П. П.) в будущем могут иметь большую ценность»⁴⁹.

Налаживанию сотрудничества между СССР и США в годы войны в немалой степени способствовала поездка в Москву в июле 1941 года личного друга и советника президента — Гарри Гопкинса. Как известно, в первое время после нападения Германии на СССР большая часть американских официальных лиц, военных и политических деятелей полагала, что Советский Союз вскоре потерпит поражение. Реакционные же круги в США надеялись на взаимное обескровливание сторон в ходе войны и на использование этого в империалистических целях Соединенных Штатов. Однако выводы, к которым пришел ближайший советник президента, были совершенно иные. «Я глубоко уверен в этом фронте, — информировал Гопкинс Рузвельта, — моральный дух населения необычайно высок. Здесь существует твердая решимость победить»⁵⁰. Убежденность Гопкинса в том, что советский народ, несмотря на серьезные неудачи в самом начале войны, готов сражаться до победы, оказала большое влияние на дальнейший подход Соединенных Штатов и Великобритании к сотрудничеству с Советским Союзом.

В августе 1941 года было продлено на год советско-американское торговое соглашение, причем в ноте, направленной в этот же день американской стороной правительству СССР, говорилось: «Правительство Соединенных Штатов Америки решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии. Это решение продиктовано убеждением правительства Соединенных Штатов, что укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но

и всех других народов, соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов»⁵¹.

11 июня 1942 г. было подписано Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, в соответствии с которым Соединенные Штаты обязывались продолжать снабжение СССР оборонными материалами, а также обеспечивать необходимым обслуживанием и информацией. Причем в основу выполнения этих обязательств был положен закон о ленд-лизе, принятый конгрессом США 11 марта 1941 г. Наряду с советско-английским Договором о союзе в войне против Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве после войны, заключенным 26 мая 1942 г., данное соглашение означало юридическое оформление антигитлеровской коалиции.

По мере нарастания в ходе войны успешных действий Красной Армии в американских правящих кругах укреплялось понимание решающей роли СССР в разгроме гитлеровской Германии. Напомним, что в августе 1943 года, когда уже обозначился коренной перелом в ходе войны в пользу СССР, на встрече Рузвельта и Черчилля в Квебеке американская делегация огласила документ, в котором указывалось: «Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы. Поскольку она, безусловно, будет занимать господствующее положение в Европе после поражения держав «оси», еще более важно поддерживать и развивать самые дружественные отношения с Россией»⁵². Решение об оказании Соединенными Штатами всесторонней помощи СССР, по мнению американского историка К. Куигли, было «одним из самых знаменательных решений», принятых в ходе войны официальным Вашингтоном⁵³.

В результате совместной борьбы против общего врага в военные годы произошло существенное расширение советско-американских экономических связей. Известно, что за этот период Соединенные Штаты Америки поставили по ленд-лизу Советскому Союзу товаров на общую сумму 9,8 млрд. долл. В целом же американские, а также английские поставки в СССР составили всего 4% советского военного производства. Они сыграли свою положительную роль, но, естественно, не имели и не могли иметь определяющего значения для решения тех военных задач, которые стояли перед Советским Союзом. Сам президент Рузвельт в конце войны признал этот очевидный факт: «Мы никогда не считали,

что поставки по ленд-лизу явились главным фактором в поражении Германии. Этого добились воины Красной Армии, которые отдавали свою жизнь и кровь в борьбе с общим врагом»⁵⁴.

В годы войны успешно развивалось советско-американское сотрудничество в военной и политической областях: согласовывались военные планы антигитлеровской коалиции, совместными усилиями решались важные политические вопросы, преодолевались возникающие при этом трудности. Опыт военных лет показал плодотворность проведения встреч на высшем уровне. Союзнические конференции глав государств СССР, США и Англии в Тегеране, Ялте и Потсдаме имели огромное значение для разработки совместных действий по разгрому фашизма и решения проблем послевоенного устройства мира, в том числе и образования Организации Объединенных Наций.

Таким образом, сотрудничество между СССР и США в годы войны явилось новым весомым подтверждением действительности советской политики мирного сосуществования, возможности объединения усилий государств с различным социальным строем. «И хотя, как известно, — отмечал член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, — в коалиции не обходилось без трений и разногласий, она осталась в истории и в памяти народов как пример сотрудничества государств, принадлежащих к различным общественным системам в борьбе против общего врага»⁵⁵.

В этой связи весьма неубедительными выглядят попытки реакционных сил США извратить итоги советско-американского сотрудничества в военные годы, найти какие-то признания самого президента о том, что такое сотрудничество «зашло дальше, чем он сам предполагал». Воспоминания современников Рузвельта свидетельствуют об обратном. Президент не только умел подчинить второстепенные моменты более широким политическим соображениям, но и ясно сознавал, что могли себе позволить США в тот период, а что попросту выходило за пределы их возможностей. Будучи реалистом, он в целом проявлял понимание законных интересов безопасности Советского Союза в Европе, не видел при сложившемся к исходу войны соотношении сил, и это сегодня признают объективно настроенные американские исследователи, иного пути, кроме продолжения сотрудничества с СССР в послевоенный период.

Противники нормализации советско-американских отно-

шений, искажая исторические факты, стремятся подвести базу под политический курс, отличающийся, по словам нынешнего президента США Р. Рейгана, «от всего того, что США делали за последние 50 лет»⁵⁶. Администрация Рейгана откровенно попирает внешнеполитическое наследие Рузвельта, проводит политику, нацеленную на достижение военного превосходства над Советским Союзом. Со стороны реакционных кругов в США раздаются призывы поставить под сомнение исторические итоги второй мировой войны, оживились нападки на Ялтинские и Потсдамские соглашения. Об этом красноречиво говорят попытки вмешательства Вашингтона во внутренние дела Польши на стороне контрреволюции, получившие решительный отпор польских властей.

К исходу второй мировой войны объективно были заложены все необходимые предпосылки для успешного послевоенного сотрудничества двух великих держав. Однако этого не произошло. Новый президент США Г. Трумэн и стоявшие за ним реакционные силы, не считаясь с реально сложившейся обстановкой, взяли курс на «ужесточение» политики США в отношении Советского Союза. На смену рузвельтовским принципам сотрудничества, компромиссов и соглашений после войны пришла старая философия непризнания, трансформированная в политику «сдерживания» СССР, которая была направлена в конечном счете на изменение существующего в Советском Союзе строя путем его изоляции и оказания всемерного давления в военном, политическом, экономическом, идеологическом и других отношениях.

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Период после окончания второй мировой войны вплоть до конца 60-х годов — весьма сложный этап в истории советско-американских отношений. Длительное отчуждение, возникшее между двумя странами, явилось следствием курса на «сдерживание», «оттеснение» СССР, проводимого США со второй половины 40-х годов. Правда, послевоенный период не был целиком однородным — в нем были свои, хотя и кратковременные, моменты смягчения напряженности как в мире в целом, так и в советско-американских отношениях. Но элементы напряженности и конфронтации преобладали. До конца 60-х годов Соединенные Штаты не проявляли готовности к существенному отходу от «холодной войны».

Переход правящих кругов США к «холодной войне» и его причины

Начало периода «холодной войны» в отношениях между двумя странами тесно связано со стремлением реакционных сил в США пересмотреть итоги второй мировой войны в пользу Соединенных Штатов, занять господствующие позиции в послевоенной системе международных отношений. После окончания второй мировой войны в Вашингтоне происходил радикальный пересмотр стратегии и тактики внешней политики США. При этом в американских политических кругах, в том числе и в самом правительстве, не было единой точки зрения на то, как строить дальнейшие отношения с Советским Союзом.

Политические деятели из окружения Ф. Рузвельта (Г. Гопкинс, Г. Икес, Г. Уоллес) исходили из целесообразности продолжения сотрудничества с СССР, полагая, что нет непреодолимой пропасти между интересами двух государств. Выражая настроения этой группы политиков, Гопкинс писал в августе 1945 года: «Мы знаем, что США и Россия являются двумя наиболее могущественными государствами в мире как по людским, так и по сырьевым ресурсам. Известно также, что мы смогли бороться бок о бок с русскими в величайшей войне в истории. Мы считаем, что интересы России в той степени, в какой мы в состоянии их предвидеть, не дают основания для серьезных разногласий между нами во внешних делах. Известно, что мы взаимозависимы в экономическом отношении.. Наша политика в отношении России не может диктоваться людьми, уже решившими, что нет возможности сотрудничать с русскими и что наши интересы сталкиваются и в конце концов должны привести к войне. Я считаю эту позицию несостоятельной, и она может привести к катастрофе»¹.

Представители другой группы американских политиков (Дж. Бирнс, А. Ванденберг, Т. Дьюи и др.) утверждали, что внешнеполитическая линия США в 1941—1945 годах не позволила им якобы полностью достичь поставленных в войне целей и имела своим результатом «расширение сферы влияния» Советского Союза за счет Запада. А посему-де необходима более «жесткая» линия в отношении своего бывшего союзника. Подобные взгляды были созвучны намерениям президента Г. Трумэна, который провозгласил военную силу одним из важнейших орудий послевоенной дипломатии США. Уже к концу 1945 года президент Трумэн сменил почти весь состав правительства, сформированного Рузвельтом, а в 1946 году завершил «чистку» кабинета увольнением двух ветеранов рузвельтовской администрации — Г. Икеса и Г. Уоллеса.

Антисоветские тенденции в политике США проявились еще в ходе обсуждения и решения вопросов послевоенного устройства мира, в частности на Потсдамской конференции руководителей трех держав, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. На конференции, как известно, были приняты решения, отвечавшие справедливому характеру войны против гитлеровской Германии и принципам демократического мирного урегулирования. Но уже тогда было ясно, что Соединенные Штаты и Великобритания пошли на подписание совместных с СССР документов во многом неохотно, под давлением возросшего международного авто-

ритета Советского Союза, резко усилившихся антивоенных, демократических настроений в послевоенном мире.

Усмотрев в укреплении международных позиций СССР после завершения второй мировой войны угрозу своим империалистическим интересам, правящие круги США со второй половины 40-х годов взяли курс на всестороннюю борьбу с Советским Союзом, с прогрессивными, демократическими движениями. Прежде всего Вашингтон стремился добиться изоляции СССР в послевоенном мире, не допустить дальнейшего укрепления его международных позиций. Характеризуя задачи политики «сдерживания» СССР, один из ее главных творцов Дж. Кеннан писал в своих мемуарах, что он «постоянно повторял мысль о существовании в мире пяти регионов — США, Великобритании, долины Рейна с прилегающими к ней индустриальными районами, СССР и Японии, — в которых только и возможно образование военной мощи внушительных масштабов. Я напоминал при этом, что только один из этих регионов (СССР. — П. П.) находится под контролем коммунистов и соответственно видел главную цель политики сдерживания в том, чтобы оставшиеся районы не очутились под таким же контролем»².

Дело, однако, заключалось не просто в желании США не допустить расширения сферы социализма, образования мировой системы социалистических государств. Вашингтон, по сути дела, ставил своей конечной задачей изменение социального строя в СССР, ликвидацию Советской власти. Обосновывая стратегию «сдерживания», тот же Кеннан писал: «Полностью в пределах возможностей Соединенных Штатов повлиять своими действиями на внутреннее развитие как самой России, так и всего международного коммунистического движения». Речь идет о том, продолжал Кеннан, чтобы «увеличить в колоссальной степени ту напряженность, под воздействием которой должна осуществляться советская политика.., и поощрять тенденции, которые должны в конце концов привести либо к распаду, либо к постепенному размягчению Советской власти»³.

Такие гегемонистские устремления американских правящих кругов дополнительно стимулировались обладанием США в первые послевоенные годы монополией на атомное оружие и вследствие этого чрезмерной уверенностью в американских экономических и научно-технических возможностях. Наличие атомного оружия создавало у лидеров США иллюзию беспредельного могущества. Они считали, что обрели эффективный военный инструмент,

одна лишь угроза использования которого может заставить СССР подчиниться американскому диктату. «Русские скоро будут поставлены на свое место, — уверял президент Трумэн, — а Соединенные Штаты возьмут на себя лидерство в управлении миром»⁴. Как отмечает американский историк Г. Алпровиц, атомная бомба укрепляла уверенность американских деятелей в том, что у них «будет достаточно сил для отказа от политики Рузвельта и для попытки активного воздействия» на Советский Союз. Он приводит весьма красноречивое высказывание тогдашнего государственного секретаря США Дж. Бирнса: «Атомная бомба позволит нам занять такие позиции, с которых мы сможем после окончания войны диктовать наши условия»⁵.

В то же время правящие круги США пытались взвалить на Советский Союз ответственность за возникновение «холодной войны». Социалистическому государству приписывались намерения, абсолютно чуждые самой его сущности, противоречащие его принципам. В этих условиях СССР продолжал активно бороться за проведение в жизнь политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Наша страна стремилась к тому, чтобы закрепить и развивать добрые отношения с США, основа которых была заложена в период войны, перейти к широкому мирному сотрудничеству с Соединенными Штатами. Тем не менее к исходу 40-х годов правящие круги США, опьяненные чувствами мнимого «всесилия» и «вседозволенности», объявили глобальную «борьбу против коммунизма» главной целью американской внешней политики. Начиная с провозглашенной 12 марта 1947 г. доктрины Трумэна антикоммунизм и антисоветизм стали основой официальной государственной политики США.

Основные установки политики «сдерживания»

О целях, которые преследовал Вашингтон, взяв на вооружение политику «сдерживания», о ее направленности сейчас уже можно судить не только по исследованиям советских или американских историков, но и по опубликованным в последние годы документам, которые были подготовлены в конце 40-х годов в высших эшелонах государственной власти при администрации Трумэна. Так, в 1978 году вышел в свет сборник под названием «Сдерживание. Документы об американской внешней политике и стратегии, 1945—1950»,

составленный американскими исследователями Т. Этцхолдом и Дж. Гэддисом.

Достаточно определенное представление об антисоветской направленности политики «сдерживания» дает помещенный в сборнике документ «Цели США в отношении СССР», который был подготовлен в августе 1948 года по распоряжению тогдашнего министра обороны США Дж. Форрестола группой планирования политики при госдепартаменте во главе с Дж. Кеннаном.

Составители этого документа выдвинули две основополагающие цели политики США в отношении Советского Союза: во-первых, «сокращение мощи и влияния Москвы» до уровней, «приемлемых» для империалистических устремлений США; во-вторых, достижение «фундаментальных перемен в теории и практике международных отношений, которых придерживается Советское правительство»⁶. Иными словами, речь шла об очередных попытках добиться от СССР отказа от принципов своей внешней политики.

Эти агрессивные установки были развиты и детализированы в ключевом документе послевоенной политики США — «Цели Соединенных Штатов и программы в области национальной безопасности», подготовленном в апреле 1950 года специальной исследовательской группой госдепартамента и министерства обороны США под руководством П. Нитце, сменившего Дж. Кеннана на посту председателя группы планирования политики при госдепартаменте США.

Обращает на себя внимание тот факт, что в этом документе отношения с Советским Союзом рассматривались исключительно сквозь призму бесконечных кризисов и конфронтации. Советский Союз изображался источником «самой серьезной угрозы» для Соединенных Штатов в тот период, поскольку в его намерения входило: «разрушение правительственного механизма и социальной структуры стран несоветского мира и замена их на аппарат и структуру, которые бы подчинялись и находились под полным контролем Кремля»; установление «господства над евразийским материком» и т. п.⁷

Из документа вытекает, что общей целью тогдашней американской внешней политики, являлось «ускорение разрушения советской системы», что должно было, по мнению авторов, привести к «изменению поведения» СССР на мировой арене, а в более отдаленной перспективе — к «фундаментальному изменению» характера этой системы, то

есть к уничтожению социализма в СССР. В документе также утверждалось, что цели американской внешней политики могут быть достигнуты лишь в условиях «холодной войны», и выдвигалась комплексная программа наращивания превосходящей военной, политической и экономической мощи США, Запада в целом. При этом определяющее, ключевое значение придавалось военной силе. «Суть, сердцевина политики «сдерживания», — говорилось в документе, — состоит и должна состоять и дальше в том, чтобы Соединенные Штаты либо сами, либо в надежном сочетании с другими близкими им по духу странами обладали общим перевесом сил. Военная сила — один из самых важных ингредиентов мощи. Согласно концепции «сдерживания», поддержание военной мощи рассматривается как существенно необходимое... Без превосходящей совокупной военной силы, находящейся в состоянии боевой готовности и быстро мобилизуемой, политика «сдерживания», которая в действительности представляет собой политику спланированного и постепенного принуждения, будет не более чем блеф»⁸.

Предлагаемая составителями документа «программа действий» начиналась рекомендацией значительно увеличить военные расходы США в целях интенсивного наращивания американского военного потенциала. Большое внимание уделялось расширению экономической и военной «помощи» другим государствам, с тем чтобы привязать их к американской внешней политике, а также установлению торговой блокады СССР и других социалистических стран, проведению против них разного рода подрывных операций. В частности, прямо говорилось о необходимости «интенсификации своевременных мер и операций тайными средствами» в экономической, политической и идеологической сферах с целью «вызвать и поддержать недовольство и восстания» в социалистических странах⁹.

В последние годы были рассекречены новые документы, свидетельствующие о подготовке администрацией Трумэна планов развязывания войны против СССР, в том числе и с применением ядерного оружия. Осуществлению этих планов помешало дальнейшее укрепление военной и экономической мощи Советской страны. Встав на путь «холодной войны», администрация Трумэна отказалась от поиска путей снижения напряженности в советско-американских отношениях. Известно, что летом 1948 года СССР дважды обращался к Соединенным Штатам с предложениями о проведении переговоров с целью урегулирования спорных вопросов между двумя странами. Но эти предложения не

получили никакого позитивного отклика с американской стороны.

Более того, администрация Трумэна стремилась к свертыванию отношений с Советским Союзом, в частности в торгово-экономической сфере, путем возведения разного рода дискриминационных барьеров. Так, в феврале 1949 года конгресс США принял закон о контроле над экспортом в СССР, в другие социалистические страны, с тем чтобы максимально ограничить поставки туда американской продукции. «В эти списки, — отмечают авторы книги «СССР — США: экономические отношения. Проблемы и возможности», — было включено подавляющее большинство товаров — от станков до жевательной резинки. Даже могильные решетки, канцелярские скрепки и пуговицы были признаны товарами, способными увеличить военный потенциал социалистических стран»¹⁰.

Следующим шагом в развязывании торговой войны против СССР стало подписание президентом Трумэном в октябре 1951 года «законопроекта Бэттла», получившего официальное название — закон 1951 года о контроле над помощью в целях взаимной обороны, в соответствии с которым США отказывали в предоставлении финансовой поддержки тем капиталистическим странам, которые продолжали торговые связи с Советским Союзом. Эти и другие дискриминационные акции официального Вашингтона ставили своей целью задержать экономическое развитие СССР, сохранить на длительное время монополию США на атомное оружие, обеспечить экономическую, а вследствие этого и политическую зависимость социалистических стран от капиталистических государств. Таким образом, «холодная война» была не чем иным, как попыткой глобального политического, экономического, психологического наступления американского империализма и подавления сопротивления американскому диктату средствами политики «с позиции силы», а при необходимости — и прямым применением силы.

Примечательно, что еще в процессе выработки политики «сдерживания» в американском правительстве находились деятели, которые уже тогда предупреждали, что эта политика обернется многими негативными последствиями для США, приведет к перенапряжению их ресурсов, поскольку в ней учитывались лишь кратковременные факторы и по существу игнорировались долгосрочные: переоценивались экономическая и военная сила США и недооценивались реальные возможности экономического развития других стран, в первую очередь — Советского Союза. Не принимались так-

же во внимание масштабы и необратимый характер антиколониального, антиимпериалистического революционного процесса, активизация которого в послевоенные годы свидетельствовала о возросшем стремлении народов к свободе и независимости, к существованию в условиях мира и безопасности. Заместитель директора Бюджетного бюро при президенте США У. Шауб в своем меморандуме от 8 мая 1950 г. указывал на опасность попыток приостановить усилившиеся после войны процессы социального и национального освобождения в мире, а также одностороннего и примитивного стремления видеть чуть ли не в каждом проявлении политического и социального недовольства в той или иной стране «руку Кремля»¹¹. Однако потребовались долгие годы, прежде чем подобные суждения, навеянные, кстати сказать, более реалистическим пониманием долгосрочных классовых интересов американской буржуазии, стали пробивать себе дорогу сквозь торосы «холодной войны».

Кризис «холодной войны» и первые шаги по нормализации отношений в 60-е годы

Несостоятельность исходных посылок внешнеполитического курса Вашингтона стала обнажаться уже к исходу 50-х годов. Рост оборонной и экономической мощи СССР опрокинул расчеты американских стратегов на сохранение монополии на ядерное оружие, на утверждение в мире «абсолютной силы» США, на достижение решающего военного превосходства над СССР. Становилось очевидно, что политика «с позиции силы» ведет не к социально-политическим преобразованиям в СССР, к чему стремились лидеры США, а к возрастанию напряженности в советско-американских отношениях и тем самым к росту угрозы возникновения нового мирового военного конфликта, что в условиях ликвидации американской атомной монополии означало самоубийство для самих США в случае перехода ими рубежа между войной и миром.

Весьма любопытно в этой связи следующее признание Дж. Даллеса, занимавшего в администрации президента Эйзенхауэра пост государственного секретаря: «Столь быстрое овладение Советами секретом производства атомной бомбы поистине является гигантским успехом Советского Союза, а конец атомной монополии США окажет настолько далеко идущее влияние на положение в мире, что его сейчас

даже трудно предсказать... Покончив с нашей монополией, Советский Союз тем самым радикально изменил в свою пользу стратегическое положение. Способность США сбросить атомные бомбы на Россию в значительной мере нейтрализована способностью последней сбросить атомные бомбы на США и Западную Европу»¹².

Другим свидетельством провала расчетов теоретиков «холодной войны» на экономическое ослабление СССР явился запуск в 1957 году первых советских искусственных спутников Земли. Запуск советских спутников, который президент Эйзенхауэр охарактеризовал как «подлинный технологический триумф»¹³, доказал многим в США, что Советский Союз представляет собой «жизнеспособную конкурирующую систему с передовой технологической базой». «Зерна упадка, которые Кеннан видел в СССР в 1947 году, — писал американский исследователь Д. Горовиц, — не только не прорастали, но и не проявляли никаких признаков жизни вообще. Вся основа, на которой базировалась американская политика «холодной войны», была уничтожена одним драматическим рывком, поскольку запуск советского спутника уничтожил возможности победы на тех условиях, как они понимались в Америке: крах Советской власти, недостижимое превосходство США, триумф американского внешнеполитического курса»¹⁴.

Характеризуя прозрение американцев, проф. Ф. Нил писал: «Советские спутники и межконтинентальные и другие ракеты наглядно показали нам, что мы давали неверную оценку советским возможностям... Мы неправильно оценивали почти все крупные события и явления в СССР со времени большевистской революции. Мы не предвидели революцию; когда же она произошла, мы не думали, что она увенчается успехом; когда революция была успешно совершена, мы думали, что от социализма откажутся; когда же этого не произошло, мы считали, что никогда не признаем новое Советское государство; когда мы его признали, мы вели себя вначале так, как если бы оно было подобно западным демократиям, а в дальнейшем так, как если бы оно было подобно нацистскому государству; когда немцы вторглись в СССР, мы думали, что русские продержатся не более шести недель, а когда они выдержали войну, мы считали, что они не смогут быстро оправиться от ее последствий; когда они быстро восстановили свои силы, мы думали, что у них не хватит знаний для строительства ракет, и т. д.»¹⁵.

Успехи Советского Союза в развитии своего народного хозяйства и укреплении военно-технического потенциала,

растущая активность советской внешней политики заставили Соединенные Штаты пойти в 50-е годы на некоторые ограниченные шаги в сторону политического диалога с СССР. Характерно, что даже такой закоренелый противник процесса нормализации отношений между двумя странами, как Дж. Даллес, незадолго до своей смерти стал подходить с более реалистических позиций к проблеме взаимоотношений с СССР, признав, в частности, в начале 1959 года, что Соединенным Штатам необходимо больше считаться с Советским Союзом, чем они это делали раньше.

Наряду с последовательной борьбой нашей страны за улучшение отношений с США и оздоровление международного климата в целом это позволило решить некоторые важные проблемы послевоенной международной жизни. 15 мая 1955 г. в Вене представителями СССР, США, Великобритании и Франции был подписан Государственный договор с Австрией, предусматривавший обязательство этой страны принять закон о нейтралитете, что и было сделано австрийским парламентом 26 октября 1955 г. В июле 1955 года в Женеве состоялось первое после Потсдама совещание руководителей четырех держав, в центре которого стояли вопросы послевоенного урегулирования и обеспечения безопасности в Европе. Хотя стороны не смогли договориться по стоявшим в повестке дня вопросам, Женевское совещание все же привело к некоторому смягчению отношений между государствами-участниками.

В январе 1956 года Советский Союз предложил Соединенным Штатам заключить договор о дружбе, но администрация Эйзенхауэра отклонила советское предложение. Тем не менее в январе 1958 года было заключено первое двухгодичное советско-американское соглашение об обменах в области науки, техники, образования и культуры, которое затем продлевалось каждые два года. В 1959 году впервые в послевоенной истории отношений между двумя странами были проведены американская промышленная выставка в Москве, а советская — в США. В связи с открытием американской выставки в июле 1959 года с визитом в СССР прибыл вице-президент США. Все это создало необходимые предпосылки для проведения встречи руководителей СССР и США в Кэмп-Дэвиде в 1959 году. В ходе этой встречи имел место, в частности, обмен мнениями по проблемам разоружения, германскому вопросу, а также по таким вопросам двусторонних отношений между СССР и США, как торговля, расширение научных и культурных связей.

В конце 50-х годов наметилось оживление официальных американских контактов с СССР по ряду международных проблем. В октябре 1958 года США совместно с Англией были вынуждены вступить в переговоры с Советским Союзом о прекращении испытаний ядерного оружия. 1 декабря 1959 г. между СССР, США, Англией, Францией и другими заинтересованными странами был подписан Договор о мирном использовании Антарктиды.

Согласие Вашингтона на ведение переговоров с Советским Союзом без каких-либо предварительных условий после десяти лет «запугивания» СССР, отказа от решения спорных проблем мирными средствами было в значительной степени проявлением показного «миролюбия» США, стремления к созданию видимости доброй воли при уклонении от каких-либо реальных перемен в американской политике. В конечном счете правительство Эйзенхауэра использовало эти переговоры как прикрытие для продолжения империалистической политики США. Об этом, в частности, свидетельствовали действия американской администрации, давшей указание направить в воздушное пространство над СССР 1 мая 1960 г. разведывательный самолет У-2, пилотируемый Пауэрсом. Эта враждебная в отношении СССР акция, которую взял под защиту и попытался оправдать сам президент Эйзенхауэр, разумеется, осложнила советско-американские отношения и привела к срыву намечавшегося на 16 мая 1960 г. в Париже совещания глав правительств СССР, США, Англии и Франции. Нельзя также не напомнить и о такой антисоветской акции, как принятие в июле 1959 года конгрессом США резолюции о проведении так называемой «недели поработанных стран», явившейся грубым вмешательством в отношения между социалистическими странами.

Провал попыток Вашингтона представить миру свидетельства своего «миролюбия» явился следствием несоответствия между «новой формой» и старым содержанием внешней политики США, банкротство которой к началу 60-х годов становилось все более очевидным. На это указывал в своих мемуарах Дж. Кеннан. Критикуя действия американской дипломатии в тот период, он, в частности, отмечал: «Год за годом не упускалось ни одной возможности для продвижения американских военно-воздушных и ракетных баз как можно ближе к советским границам. Год за годом американские военные корабли посылались для бесполезных демонстраций в Черное море, испытывая тем самым до такой степени терпение русских, какой у нас — случись

Это в отношении нас — не потерпели бы ни общественное мнение, ни конгресс... В результате алчной погони за военной информацией политические интересы приносились в жертву или подвергались опасности, а когда с нашей стороны не оказывалось должного сдерживающего влияния на подобного рода деятельность, как во время эпизода с У-2., в Вашингтоне было всего лишь небольшое замешательство, никому в вину это не поставили и никто не подумал даже провести серьезное расследование причин столь прискорбных ошибок в американской национальной политике»¹⁶.

Укрепление международного авторитета СССР, нарастание в 60-е годы потока национально-освободительных революций, а также социальных и демократических движений в странах капитала острее поставили перед Соединенными Штатами задачу приспособления американской внешней политики к быстро менявшейся обстановке в мире. В правящих кругах США стала усиливаться критика «холодной войны», раздавались требования о существенном ее пересмотре в целях приближения к реальностям начала 60-х годов. В ходе слушаний в комиссии конгресса США по атомной энергии, проходивших еще в июне 1959 года, было заявлено, что в случае развязывания ядерной войны в тот период только в течение первого дня военных действий будет убито 20 млн. американцев, а в последующие два месяца от радиационного заражения погибнет еще примерно 22 млн. человек. Выводы комиссии, а также некоторые другие оценки губительных последствий предполагаемой ядерной войны между США и СССР в случае ее возникновения произвели глубокое впечатление на общественные и политические круги Соединенных Штатов, в том числе и на избранного в ноябре 1960 года президентом США Дж. Кеннеди, который вскоре после прихода к власти высказал следующее реалистическое суждение: «Теперь только дураки могут отстаивать идею победы в атомной войне»¹⁷.

Именно в начале 60-х годов в среде внешнеполитической элиты США стали появляться исследования, в которых давались несколько более сдержанные оценки силовых возможностей США на мировой арене, выдвигались некоторые конкретные рекомендации относительно расширения диалога с СССР. Достаточно авторитетным исследованием, касавшимся перспектив развития советско-американских отношений в 60-е годы, явился подготовленный в тот период группой авторитетных американских специалистов для се-

натской комиссии по иностранным делам доклад о политике США в отношении СССР и социалистических стран Восточной Европы. Показательно, что в этом докладе выражалось сомнение в необходимости глобального противостояния Соединенных Штатов и Советского Союза, признавалось наличие «перекрещивающихся» интересов двух стран в таких областях, как предотвращение ядерной войны, проведение переговоров по острым международным проблемам, ограничение гонки вооружений, развитие экономических и научно-технических связей. Кроме того, в докладе содержался призыв к американскому руководству «изменить в определенных пределах акценты в своей внешней политике, делая при этом больший упор на конструктивные аспекты соревнования» с СССР, а также недвусмысленно признавалось, что Соединенным Штатам попросту не по силам подорвать внутренний строй Советского Союза¹⁸.

Однако администрация Кеннеди — частично под давлением старых догм, частично в силу собственной приверженности империалистической стратегии — переняла значительную часть внешнеполитических установок предыдущего правительства. Правда, многочисленные провалы политики Эйзенхауэра побуждали представителей очередной американской администрации неоднократно заявлять о своем намерении проводить иной курс во внешней политике. На самом же деле речь шла об изменении лишь формы этой политики, приспособлении ее к изменившимся международным условиям при сохранении неизменными сути и содержания. В результате такого двойственного подхода внешнеполитический курс Кеннеди отличался непоследовательностью, был подвержен колебаниям. Еще до прихода в Белый дом Кеннеди в книге «Стратегия мира» следующим образом сформулировал свою позицию относительно целесообразности диалога с Советским Союзом: «Во-первых, как США, так и СССР были бы рады освободиться от давящей тяжести гонки вооружений. Во-вторых, ни США, ни СССР не хотят термоядерной войны. В-третьих, ни США, ни СССР не хотят, чтобы ядерное оружие и возможность начать термоядерную войну перешли в руки слишком большого числа других стран... В-четвертых, ни американцы, ни русские не желают дышать радиоактивным воздухом. В-пятых, обе страны стремятся к прогрессу своих экономик и научных достижений и извлекли бы выгоду из гораздо большего обмена товарами, идеями и контактами между представителями наших двух стран»¹⁹.

В ходе своей предвыборной кампании наряду с призы-

вами ликвидировать пресловутое «ракетное отставание» от СССР, наращивать военную мощь США Кеннеди говорил и о возможности определенного сотрудничества с Советским Союзом в деле предотвращения ядерной войны. В своей речи при вступлении на пост президента он, несколько отойдя от обычной для послевоенных руководителей США риторики «холодной войны», обратился к социалистическим государствам не как к «врагам» США, а как к «тем странам, которые могли бы стать нашими противниками», и предложил «заново начать поиски мира прежде, чем темные силы разрушения, выпущенные на волю наукой, поглотят все человечество в результате преднамеренного или случайно возникшего самоуничтожения». «Давайте никогда не страшиться переговоров, — говорил Кеннеди. — Пусть обе стороны выяснят, по каким проблемам мы сходимся, а не обостряют проблемы, по которым мы расходимся»²⁰.

Однако последующие действия президента не имели ничего общего с миролюбивым тоном его первых официальных выступлений. После прихода в Белый дом Кеннеди, по свидетельству одного из его ближайших внешнеполитических советников У. Ростоу, занялся разработкой дальнейшей американской политики в отношении СССР и других социалистических стран. Одной из важнейших целей этой политики явилась установка на недопущение нарушения «равновесия сил» между СССР и США в пользу социализма, в соответствии с которой одни изменения, происходившие в мире, объявлялись не затрагивающими мировое соотношение сил, а другие — служили поводом для конфронтации с Советским Союзом.

Наша же страна в тот период, как и в предшествующие годы, неоднократно заявляла о своей готовности содействовать улучшению отношений с США, развитию торгово-экономических, научных и культурных связей в интересах советского и американского народов, в интересах упрочения международного мира. Неизменный и последовательный курс СССР на развитие конструктивных отношений со всеми капиталистическими странами, в том числе и с Соединенными Штатами Америки, был официально подтвержден в Программе КПСС, принятой на XXII съезде нашей партии в октябре 1961 года.

В этих условиях была достигнута договоренность о проведении советско-американской встречи в верхах, которая, как известно, состоялась 4 июня 1961 г. в Вене. В ходе встречи имел место откровенный обмен мнениями по во-

просам двусторонних отношений, а также по ряду важных международных проблем. В частности, были обсуждены проблемы разоружения, положение в Юго-Восточной Азии, другие международные вопросы. Президент Кеннеди подчеркнул необходимость свести к минимуму возможность «просчетов» во взаимоотношениях между СССР и США, даже уменьшить риск возникновения ядерного конфликта. Однако, несмотря на эти реалистические суждения, Кеннеди, как отмечают советские исследователи, тем не менее «попытался ввести в переговоры элемент угрозы применения силы для решения международных проблем», что, разумеется, не могло способствовать успеху встречи²¹. Отсутствие у американского президента конкретной, деловой программы для обсуждения на переговорах не позволило продвинуться в решении вопросов, поставленных советской стороной, в частности о запрещении ядерных испытаний, разоружении. Единственный вопрос, по которому сторонам удалось достигнуть согласия, касался будущего Лаоса, в отношении чего вскоре были заключены соответствующие соглашения.

Такой исход встречи не был случайным. Несмотря на заявления американской стороны о стремлении США к миру, правительство Кеннеди в своей практической деятельности делало ставку на расширение как ракетно-ядерного, так и обычного арсеналов вооружений США, что позволило бы, по замыслу вашингтонских стратегов, вести при необходимости и «ограниченные войны». Резкое увеличение военных расходов в период пребывания Кеннеди на посту президента было рассчитано также на «изматывание» СССР путем вовлечения его в новый цикл гонки вооружений, что должно было, по расчетам Вашингтона, в конечном счете ослабить СССР и привести к изменению соотношения сил на мировой арене в пользу США.

При такой общей ориентации внешнеполитического курса администрации Кеннеди оказалось невозможным сдвинуть с мертвой точки и решение проблемы разоружения, хотя обмен мнениями по этому вопросу начался летом 1961 года. Правда в его ходе удалось выработать и подписать 20 сентября того же года совместное заявление СССР и США о согласованных принципах ведения переговоров о всеобщем и полном разоружении. В нем, в частности, говорилось, что все мероприятия по разоружению должны быть сбалансированы таким образом, чтобы ни одно государство или группа государств не получили военных преимуществ ни на одном из этапов разоружения²².

Как известно, в полном соответствии с согласованными принципами СССР внес в ООН 15 марта 1962 г. проект Договора о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем. В апреле того же года США внесли свой проект этого договора. Однако советско-американские переговоры по этому вопросу зашли в тупик. Ибо Вашингтон, признававший на словах недопустимость получения односторонних военных преимуществ, на деле отказывался от принятия сбалансированных мер в области разоружения.

Присущее вашингтонским руководителям того времени нежелание встать на путь существенного ослабления международной напряженности во многом способствовало возникновению в октябре 1962 года опаснейшего карибского кризиса, поставившего СССР и США перед угрозой ядерной катастрофы. Правительство Кеннеди, прибегнув к наиболее типичной для послевоенной американской дипломатии тактике политического шантажа, не рискнуло, однако, развязать войну против Кубы и тем самым пойти на столкновение с СССР. Объясняя мотивы такого решения американского руководства, советский исследователь А. А. Громыко в своей работе, посвященной всестороннему анализу карибского кризиса, указывает: «Склонность американской внешней политики и дипломатии к довольно широкому и частому использованию политического шантажа в послевоенной стратегии и тактике была тесно связана с тем, что рамки применения реальной военной силы американским империализмом по мере укрепления оборонного потенциала социалистических стран, и прежде всего СССР, сужались. Это не означало, что США не шли на применение военной силы путем использования «классических» видов вооружения. Достаточно напомнить о событиях в Корее, Лаосе, Вьетнаме, Доминиканской Республике, на Кубе, чтобы убедиться в этом. Что касается, однако, прямой военной конфронтации с Советским Союзом, то США стремились ее избегать, хотя Пентагон и ЦРУ часто высказывали свое несогласие с таким курсом. Американские президенты принимали это к сведению, но на прямое военное столкновение все же не решались. Зато всюду использовались методы политического шантажа, призванные убедить противоположную сторону в том, что Вашингтон при возникновении той или иной «нежелательной» для него ситуации готов без промедления применить как обычные, так и ядерные силы»²³.

Лишь благодаря гибкой политике Советского правительства и проявленному президентом Кеннеди в тот опаснейший момент благоразумию удалось предотвратить це-

рерастание этого самого напряженного конфликта за всю послевоенную историю советско-американских отношений в новую мировую войну. Карибский кризис явился своеобразным водоразделом во взаимоотношениях двух держав. Он наглядно продемонстрировал, сколь серьезна опасность ядерного столкновения между двумя странами, показал, что возможности применения силы Соединенными Штатами в конфликтных ситуациях не беспредельны и что единственно разумный способ решения споров в ракетно-ядерный век — это путь переговоров.

Уроки карибского кризиса до сих пор привлекают внимание американских исследователей. Осенью 1982 года ряд политических деятелей, занимавших ключевые посты в администрации Кеннеди и принимавших непосредственное участие в разработке политической линии США в период карибского кризиса, — Д. Раск, Р. Макнамара, Р. Килпатрик, Т. Соренсен, М. Банди, Дж. Болл и др. — высказались за проявление сдержанности во взаимных отношениях, поддержание постоянных контактов между правительствами обоих государств в периоды обострения международной обстановки²⁴.

После событий 1962 года в кругах американской администрации возникло понимание необходимости шагов, направленных на ослабление напряженности в советско-американских отношениях, предотвращение ядерной войны. К подобным выводам все больше склонялся и президент Кеннеди. Этот сдвиг в подходе американской стороны к взаимоотношениям с СССР способствовал определенной нормализации советско-американских отношений начиная с весны 1963 года. 20 июля представители СССР и США подписали соглашение об установлении линии прямой связи между правительствами двух стран в целях облегчения и ускорения связи в случае возникновения острых международных ситуаций.

5 августа в Москве был подписан разработанный при самом активном участии СССР и США Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. По словам Дж. Кеннеди, подписание этого договора открывало «возможность избежать уничтожения»²⁵. Выступая 20 сентября на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Кеннеди предложил установить американо-советское сотрудничество в исследовании космоса, включая, в частности, совместную посылку экспедиции на Луну. В ходе состоявшихся 10 октября в Вашингтоне переговоров между министром иностранных дел СССР

А. А. Громыко и президентом Кеннеди была достигнута договоренность о запрещении вывода на космическую орбиту ядерного оружия, а 17 октября СССР и США внесли на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН совместную резолюцию по этому вопросу.

Принятые в последние месяцы жизни Дж. Кеннеди некоторые конкретные шаги в деле налаживания отношений с СССР свидетельствовали о том, что в условиях изменившегося не в пользу США соотношения сил на международной арене в подходе правящих кругов Соединенных Штатов к советско-американским отношениям стала несколько больше проявляться умеренно-реалистическая тенденция. Эта тенденция, как и прежде, пробивала себе дорогу в упорнейшей борьбе с приверженцами трумэнно-даллесовской политики «холодной войны», с теми реакционными силами страны, которые стремились наращивать американскую военную мощь для осуществления своих глобальных империалистических целей и вынашивали агрессивные замыслы в отношении СССР и других стран социализма.

После убийства президента Кеннеди борьба в правящих кругах США по вопросам советско-американских отношений усилилась, что вызвало очередное «ужесточение» внешней политики США. Новая администрация демократов во главе с президентом Л. Джонсоном, отойдя от более реалистического курса Кеннеди, совершила поворот в сторону агрессивной, реакционной политики: встала на путь резкой эскалации войны во Вьетнаме, тщетно пыталась играть роль «мирового жандарма», стремилась проводить политику «с позиции силы» в отношении Советского Союза.

Выступая на словах с заверениями относительно стремления США к миру и улучшению отношений с Советским Союзом, администрация Джонсона рассматривала отдельные договоренности с СССР как нежелательные уступки Советскому государству. Однако Вашингтону становилось все труднее игнорировать реальные процессы, происходящие в мире. Поэтому и при администрации Джонсона удалось достигнуть некоторых договоренностей как по отдельным областям двусторонних отношений, так и по некоторым международным проблемам. В частности, 1 июня 1964 г. в Москве состоялось подписание советско-американской консульской конвенции, 8 июня между СССР и США было заключено соглашение об обмене метеорологической информацией, а 18 ноября — соглашение о сотрудничестве в области опреснения соленых вод, в том числе с использованием атомной энергии.

Во второй половине 60-х годов осуществлялось известное сотрудничество СССР и США при подготовке Договора о нераспространении ядерного оружия, подписание которого в июле 1968 года явилось важным шагом на пути избавления человечества от угрозы ядерной войны. В результате длительных советско-американских переговоров удалось выработать и Договор об отказе от использования дна морей и океанов в военных целях.

Попытки лидеров Вашингтона, особенно при администрации Джонсона, объединить в одном курсе отдельные элементы разрядки на центральных направлениях советско-американских отношений с нагнетанием напряженности в «менее опасных», по их утверждениям, «периферийных» зонах путем военного «сдерживания» национально-освободительных движений, в частности в Юго-Восточной Азии, серьезно задержали наметившееся было в начале 60-х годов смягчение напряженности в советско-американских отношениях. Советский Союз занял принципиальную позицию в отношении попыток навязать такую формулу мирного сосуществования, составной частью которой оставалась бы американская политика силы. «Мы не раз заявляли о готовности развивать наши отношения с США и сейчас придерживаемся той же позиции, — прозвучало с трибуны XXIII съезда КПСС. — Но для этого требуется, чтобы США прекратили политику агрессии. На ядовитой почве агрессии и насилия не вырастить хороших плодов мирного сосуществования»²⁶.

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 70-Е ГОДЫ: ОПЫТ И УРОКИ

В полувековой истории дипломатических отношений СССР и США 70-е годы занимают видное место.

Во-первых, в эти годы, в основном в первой половине десятилетия, в советско-американских отношениях произошли существенные позитивные сдвиги, были выработаны основополагающие принципы этих отношений применительно к условиям ядерного века, стало налаживаться взаимовыгодное сотрудничество по широкому кругу проблем, был создан механизм такого сотрудничества и взаимодействия между двумя странами.

Во-вторых, опыт 70-х годов свидетельствует о том, что процесс перестройки советско-американских отношений на базе принципов мирного сосуществования сталкивается с огромными трудностями и препятствиями. Совершенно очевидно, что такая перестройка отношений между государствами, представляющими противоположные социально-экономические системы, даже при самых благоприятных международных условиях протекала бы весьма негладко. К тому же на состояние советско-американских отношений в тот период оказывали ощутимое воздействие колебания в международной обстановке. Однако практика 70-х годов убедительно показывает, насколько упорно сопротивление агрессивных сил в США, выступающих против разрядки, против конструктивного сотрудничества с СССР, сколь сильны и живучи пережитки и стереотипы периода «холодной войны». Действие этих факторов во многом обусловило серьезное осложнение советско-американских отношений к исходу 70-х годов.

Наконец, в-третьих, все то, что происходило в советско-американских отношениях в 70-е годы (и позитивного, и негативного), имеет большое значение и для понимания, какими путями может пойти развитие этих отношений в 80-е годы, удастся ли вернуть их в русло разрядки, или же события будут развиваться в направлении дальнейшего нарастания напряженности и сохранения конфронтации между двумя государствами.

Мирное сосуществование — единственная разумная основа отношений между СССР и США

В американской исторической и политической литературе весьма активно используется тезис о том, что разрядка в советско-американских отношениях в первой половине 70-х годов стала возможной-де прежде всего в результате «изменений» в советском подходе к отношениям с США. Однако такие утверждения, как известно, не соответствуют реальной действительности.

Советскому Союзу не нужно было вносить какие-либо коррективы в свою политику, поскольку он постоянно прилагал целенаправленные усилия для улучшения советско-американских отношений, международной обстановки в целом. С трибуны XXIV съезда КПСС вновь со всей определенностью было заявлено о готовности СССР к поддержанию нормальных отношений с США. «Мы исходим из того, — говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду, — что улучшение отношений между СССР и США возможно. Наша принципиальная линия в отношении капиталистических стран, в том числе США, состоит в том, чтобы последовательно и полно осуществлять на практике принципы мирного сосуществования, развивать взаимовыгодные связи, а с теми государствами, которые готовы к этому, сотрудничать на поприще укрепления мира, придавая максимально устойчивый характер взаимоотношениям с ними. Но нам приходится учитывать, имеем ли мы дело с действительным стремлением решать вопросы за столом переговоров или с попытками проводить политику с «позиции силы»¹.

Соединенным Штатам на рубеже 60—70-х годов действительно пришлось подвергнуть значительной переоценке внешнеполитические установки периода «холодной войны». Интервенционистский курс обернулся для США дальнейшим ослаблением их международных позиций, крахом попыток остановить объективные процессы исторического раз-

вития, развернувшись в мире. Именно к исходу 60-х годов на международной арене выявились постепенно накапливавшиеся качественные сдвиги таких масштабов, что они глубоко затронули не только всю систему международных отношений, сложившуюся после второй мировой войны, но и внутривнутриполитическое положение ведущих капиталистических государств, особенно Соединенных Штатов Америки. В этих условиях США в начале 70-х годов были вынуждены вступить на путь определенного улучшения отношений с СССР, развития мирного сотрудничества с ним в ряде сфер, и прежде всего в области ограничения стратегических вооружений.

Среди объективных причин, в силу которых Соединенные Штаты пошли на определенную нормализацию отношений с СССР, можно назвать следующие:

изменение соотношения сил в мире в пользу социализма, и прежде всего установление военно-стратегического паритета между СССР и США, между Организацией Варшавского Договора и НАТО; рост военно-экономического и политического могущества всех социалистических стран, их влияния на ход мировых событий;

углубление общего кризиса капитализма, обострение межимпериалистических противоречий, возросшее стремление ряда крупных государств Запада проводить более самостоятельный внешнеполитический курс;

исчезновение стратегической «неуязвимости» Соединенных Штатов в результате появления на вооружении СССР эффективных средств доставки ядерного оружия на межконтинентальные расстояния;

общий кризис концептуальных установок послевоенного внешнеполитического курса США на «сдерживание», «оттеснение» социализма, что наиболее ярко выразилось в провале агрессии США в Юго-Восточной Азии, которая не только серьезно подорвала международный престиж Соединенных Штатов, сузила для них возможности внешнеполитического маневрирования, но и породила глубокий раскол в стране;

серьезное осложнение внутривнутриполитической ситуации, обострение экономических и социальных проблем страны, в том числе проблемы распределения ресурсов между внутренними и внешними программами, обострение противоречий в американской политической элите, формировавшей и проводившей послевоенный курс США на международной арене.

«Потребность в изменении нашей политики,— отмеча-

лось во внешнеполитическом послании конгрессу тогдашнего президента США Р. Никсона от 3 мая 1973 г., — диктовалась целесообразностью приведения ее в соответствие не только с новыми реальностями в мире, но и с новыми настроениями в Америке. Многие американцы больше не желали безоговорочно поддерживать все аспекты послевоенной деятельности США в мире, которая истощала наши финансовые и особенно психологические ресурсы... В нашей стране стали высказываться мнения, что Соединенным Штатам следует умерить глобальные аппетиты и повернуться лицом к внутренним проблемам, поискам путей их решения. Следовательно, сам фундамент, на который опиралась наша политика, оказался в опасности, существовавший в прошлом двухпартийный консенсус относительно активного американского глобализма в настоящее время распался»².

Наконец, весьма существенной причиной (лично для Никсона) было стремление прикрыть очевидный провал политики США в Юго-Восточной Азии внешнеполитическими успехами в деле нормализации отношений с СССР и КНР и ослабить таким образом воздействие этого провала на глобальные позиции США (а заодно и обеспечить почву для своего переизбрания на второй срок).

Республиканская администрация Никсона — Киссинджера, пришедшая к власти в США в 1969 году, была вынуждена взять курс на более активное приспособление к новой расстановке сил в мире, на устранение разрыва между глобальными внешнеполитическими амбициями США и их реальными возможностями за счет некоторого сокращения американских внешнеполитических обязательств. Главным направлением такого приспособления стала нормализация отношений с Советским Союзом. Заявления тогдашних американских политических деятелей о том, что США «вынуждены сосуществовать» с СССР, что они «обречены» на такое сосуществование, в течение длительного периода времени отражало понимание в Вашингтоне глубины и масштабов происшедших в мире перемен. Как писал в своих мемуарах Р. Никсон, «более разумный и более безопасный путь — поддерживать контакты с коммунистическими государствами, нежели жить в ледяной атмосфере изоляции и конфронтации времен «холодной войны». Я действительно считал Советский Союз самым важным фактором, от которого зависело сохранение мира в период пребывания у власти моей администрации и после него»³.

В первом внешнеполитическом послании президента

Никсона конгрессу США (18 февраля 1970 г.) признавалось, что «существующий баланс ядерной мощи диктует необходимость делать главный упор на переговоры, а не на конфронтацию»⁴. В четвертом послании Никсона (3 мая 1973 г.) также говорилось, что конфликт между СССР и США уже «не может быть разрешен с помощью достижения победы в классическом смысле этого слова. Мы вынуждены сосуществовать... Признание этой реальности являлось краеугольным камнем американской политики начиная с 1969 г.»⁵.

Ретроспективный анализ политики этой республиканской администрации, мемуары Никсона и Киссинджера, несмотря на их очевидный конъюнктурный характер, дают основания полагать, что в Вашингтоне рассматривали нормализацию отношений с СССР как вынужденную временную передышку в конфронтации с Советским Союзом, необходимую для перегруппировки сил. Не отказываясь от противодействия СССР, идеологической борьбы с ним, администрация вместе с тем осознавала необходимость развития сотрудничества с СССР в сферах, представляющих взаимный интерес, поиска позитивных, компромиссных решений. Наряду с этим Вашингтон связывал с разрядкой надежды на сохранение Соединенными Штатами международных позиций, которыми они располагали в начале 70-х годов, недопущение их дальнейшего ослабления. Администрация Никсона — Киссинджера средствами своей внешней политики стремилась решить сразу несколько долгосрочных и краткосрочных задач, и среди них — следующие:

уменьшить угрозу ядерной войны между СССР и США, ставшей опасной для Вашингтона в условиях нового соотношения сил, путем шагов в области ограничения вооружений, создания механизма американско-советских консультаций на случай возникновения взрывоопасных ситуаций в мире;

договориться с СССР не столько о каком-то резком сокращении стратегических вооружений, сколько об определенном контроле над ними в целях создания более стабильной и предсказуемой стратегической ситуации;

в условиях заметного ослабления мировых позиций США выиграть время для перегруппировки своих собственных сил в целях борьбы за сохранение социально-политического статус-кво в мире, выгодного Америке;

создать возможности для сокращения формальных американских военных обязательств в мире при сохранении за

США роли основного «балансира» в мировой системе без необходимости перенапряжения сил или чрезмерного отвращения американских ресурсов (на достижение этой цели была направлена доктрина Никсона, основанная на том, что поддержание баланса на главном уровне США — СССР создает лучшие возможности и для поддержания региональных балансов, т. е. для обеспечения статус-кво);

найти приемлемый для США выход из войны во Вьетнаме, а также решить некоторые взрывоопасные проблемы, оставшиеся со второй мировой войны, в частности проблему Западного Берлина;

попытаться путем нормализации отношений с СССР обрести большую свободу маневра в отношении своих союзников и одновременно не допустить, чтобы развитие связей между СССР и западноевропейскими странами вышло за пределы общих (как их понимает Вашингтон) интересов капиталистического мира;

не допустить чрезмерной, с точки зрения правящего класса США, поляризации сил внутри страны, сбить накал антимилитаристических настроений — ослабить напряженность сложившейся в начале 70-х годов острой внутривнутриполитической ситуации с тем, чтобы предотвратить нежелательное для правящего класса США ослабление внутренних устоев американского капитализма;

усилить идеологическое проникновение в страны социализма, подтолкнуть некоторые восточноевропейские социалистические государства на проведение «внеблоковой» политики, или политики, в чем-то расходящейся с общим согласованным курсом социалистического содружества в мировых делах.

Однако, несмотря на присутствие в политике администрации Никсона негативных по своему содержанию целей в отношении СССР, последовательный миролюбивый курс Советского Союза, объективная логика происходивших в мире прогрессивных процессов позволили осуществить ряд позитивных сдвигов в советско-американских отношениях.

Позитивный опыт советско-американского сотрудничества

В первой половине 70-х годов в отношениях между СССР и США произошел определенный поворот в сторону нормализации, разрядки напряженности. Это нашло выражение не только в улучшении политического климата двусторон-

них отношений, но и в выработке ряда конкретных договоров и соглашений, охватывающих ключевые сферы их взаимоотношений, таких как меры по предотвращению военного столкновения и развитие научно-технических и культурных связей. Известно, что в 1971—1979 годах СССР и США подписали свыше 60 соглашений, то есть более половины всех подписанных ими совместных документов за пятидесятилетнюю историю дипломатических отношений.

Крупным шагом на пути к укреплению международной безопасности и ослаблению угрозы ядерной войны явилась разработка базовых политических принципов отношений между двумя крупнейшими ядерными державами, а также детализация этих принципов применительно к определенным сферам взаимодействия. При этом американское руководство впервые за послевоенный период не только признало, что в основе отношений между СССР и США должны лежать принципы мирного сосуществования, но и пошло на закрепление этих принципов в официальных советско-американских документах, и прежде всего в «Основах взаимоотношений между СССР и США», подписанном в ходе советско-американской встречи на высшем уровне в Москве в 1972 году. В этом документе было зафиксировано, что стороны «будут исходить из общей убежденности в том, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования. Различия в идеологии и социальных системах СССР и США не являются препятствием для развития между ними нормальных отношений, основанных на принципах суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды»⁶. К признанию принципов мирного сосуществования Соединенные Штаты пришли лишь тогда, когда, как заметил Х. Сонненфельд, являвшийся одним из ближайших советников Г. Киссинджера, убедились в том, что им не удалось «ни устранить или фундаментально изменить советскую систему, ни предотвратить рост мощи СССР и вытекающее отсюда усиление его влияния...»⁷.

В «Основах взаимоотношений между СССР и США» обе стороны зафиксировали принятые на себя обязательства: делать все возможное для того, чтобы избежать военных конфронтаций и предотвратить возникновение ядерной войны; проявлять сдержанность в своих взаимоотношениях и готовность вести переговоры по урегулированию разногласий мирными средствами; проводить обмен мнениями и переговоры по нерешенным вопросам в духе взаимности, с пониманием несовместимости с данными целя-

ми попыток получения односторонних преимуществ за счет другой стороны; продолжать усилия по ограничению вооружений, прежде всего стратегических, заключая, когда это становится возможным, конкретные соглашения; развивать связи в области экономики, науки, техники и культуры в качестве важного и необходимого элемента упрочения отношений между двумя странами. Обе стороны заявили, что не претендуют сами и не признают чьих бы то ни было притязаний на какие-либо особые права или преимущества в мировых делах. Кроме того, в этом документе был зафиксирован такой базовый принцип советско-американских отношений, как принцип равенства и одинаковой безопасности сторон, рассматриваемый как необходимая предпосылка для поддержания и укрепления мирных отношений между СССР и США.

Подписание высшими руководителями двух стран «Основ взаимоотношений между СССР и США» проложило путь другому документу большого принципиального значения — Соглашению между СССР и США о предотвращении ядерной войны, которое было подписано в июне 1973 года и направлено на то, чтобы максимально уменьшить и в конечном счете полностью устранить опасность применения самого разрушительного из существующих видов оружия — ядерного (этому соглашению ранее предшествовал еще один важный внешнеполитический шаг — подписание в 1971 году министрами иностранных дел двух стран Соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, нацеленного на предупреждение случайного или несанкционированного применения ядерного оружия).

Соглашение о предотвращении ядерной войны вступило в силу с момента его подписания и является бессрочным. В нем стороны заявили, что устранение опасности ядерной войны и применения ядерного оружия является целью их внешней политики, и согласились действовать так, чтобы предотвратить возникновение ситуаций, способных вызвать опасное обострение их отношений, избежать военных confrontаций и исключить возникновение ядерной войны между ними и между каждой из сторон и другими странами. Стороны декларировали свое обязательство воздерживаться от угрозы силой или ее применения против другой стороны, против союзников другой стороны и против других стран в обстоятельствах, которые могут поставить под угрозу международный мир и безопасность. Соглашение также предусматривает, что в случае возникновения

таких обстоятельств СССР и США незамедлительно приступят к срочным консультациям друг с другом и приложат все усилия для предотвращения этой угрозы.

Об этих основополагающих принципах следует напомнить прежде всего потому, что на их основе и при обоюдном проявлении доброй воли удавалось находить взаимоприемлемые решения по самым сложным проблемам как двусторонних, так и многосторонних отношений. И в современной обстановке их значение не только не уменьшается, но, наоборот, приобретает еще большую силу.

Важнейшей особенностью советско-американских отношений в 70-е годы являлся весьма широкий политический диалог между двумя странами на разных уровнях, в том числе и на высшем. Достаточно сказать, что на протяжении данного десятилетия состоялось пять советско-американских встреч в верхах. «Сдвиг в подходе США к отношениям с Советским Союзом, — пишут в этой связи авторы книги «Современная дипломатия буржуазных государств», — позволил ввести в практику советско-американских отношений непосредственные встречи руководителей двух стран. Эта форма дипломатии обуславливалась прежде всего масштабностью и важностью стоявших во взаимоотношениях двух стран проблем, затрагивающих кардинальные вопросы войны и мира, разрядки и налаживания сотрудничества между государствами различных социально-политических систем»⁸.

Важным результатом такого диалога явилось то обстоятельство, что Советский Союз и Соединенные Штаты впервые договорились о некоторых конкретных шагах по сдерживанию гонки вооружений, и прежде всего ограничению оборонительных и наступательных стратегических вооружений. Были подписаны такие важные соглашения, как Соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним (от 25 мая 1972 г.), бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны (от 26 мая 1972 г.), дополненный позднее протоколом (от 3 июля 1974 г.), в результате чего системы противоракетной обороны каждой из стран были ограничены одним комплексом. Было заключено пятилетнее Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (от 25 мая 1972 г.), установившее согласованные количественные потолки для межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет на подводных лодках каждой из стран. Была создана Постоянная консультативная

комиссия, призванная содействовать осуществлению целей соглашений об ограничении стратегических вооружений и предотвращении ядерной войны. На протяжении 1974—1979 годов были подписаны: Договор между СССР и США об ограничении подземных испытаний ядерного оружия (от 3 июля 1974 г.), который запретил проведение сторонами начиная с 31 марта 1976 г. любых подземных испытаний ядерного оружия мощностью свыше 150 кт; Договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях (от 28 марта 1976 г.), ограничивший такие взрывы согласованной мощностью взрывных устройств. Два последних договора до сих пор не ратифицированы американской стороной. Наконец, во время состоявшейся в июне 1979 года в Вене советско-американской встречи на высшем уровне был подписан Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), введение которого в действие было сорвано затем Соединенными Штатами.

В 70-е годы имело место также определенное сотрудничество двух стран в решении таких вопросов, как нераспространение ядерного оружия, запрещение использования окружающей среды в военных целях. Кроме того, проводились переговоры о сокращении войск и вооружений в Центральной Европе, о запрещении химического оружия, об ограничении морских вооружений в Индийском океане, о запрещении противоспутникового оружия, об ограничении поставок обычных вооружений третьим государствам. Конечно, речь шла лишь о первых шагах в решении главной задачи, стоящей перед человечеством — задачи предотвращения ядерной войны и сохранения всеобщего мира. Эти шаги помогли повысить степень доверия, укрепить стабильность в сфере стратегических вооружений, сдержать гонку вооружений по некоторым другим направлениям.

Результаты переговоров между СССР и США по различным аспектам ограничения гонки вооружений могли бы быть еще более весомыми, если бы на линию США в этих вопросах не оказывали воздействие противники разрядки с СССР. Оно проявлялось в противоречивости, двойственности подхода США к решению обсуждаемых проблем, в создании искусственных препятствий при выработке названных соглашений, а также в том, что, уступая требованиям советской стороны о сдерживании гонки вооружений по одним направлениям, американский военно-промышленный комплекс развертывал ее по другим.

Сфера взаимодействия Советского Союза и США в 70-е годы не ограничивалась только проблемами ограничения

гонки вооружений. Большое место во взаимоотношениях двух стран занимало также решение вопросов международно-политического характера, связанных с устранением существующих и недопущением новых конфликтов, способных привести к осложнению международной обстановки. При этом Советский Союз сочетал гибкость и готовность к поиску взаимоприемлемых решений в интересах всеобщего мира с твердым отпором агрессивным проискам американского империализма, противодействующего мировому революционному процессу. В своих контактах с США по актуальным международным проблемам Советский Союз твердо стоял на принципиальных, классовых позициях, активно защищая дело борьбы народов за свободу, независимость и социальный прогресс.

Именно таким был курс нашего государства в связи с вооруженной агрессией США против народов Индокитая, которым Советский Союз неизменно оказывал моральную и материальную поддержку. Выступая в защиту суверенитета и независимости народов Индокитая, СССР активно использовал контакты с Вашингтоном для скорейшего прекращения агрессивных действий США, для оказания активного содействия вьетнамским друзьям в достижении приемлемой договоренности.

Взаимодействие СССР и США содействовало нахождению компромиссных решений сложных международных проблем в Европе. Осенью 1971 года было подписано четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, которое явилось существенным шагом в деле ослабления напряженности на европейском континенте. Говоря о значении этой акции, советские исследователи подчеркивают: «Заключение четырехстороннего соглашения по Западному Берлину явилось новым конкретным подтверждением того, что бывшие главные участники антигитлеровской коалиции при наличии доброй воли и реалистического подхода всех сторон вполне могут и в мирных условиях плодотворно сотрудничать на благо разрядки напряженности и укрепления мира. В этом смысле заключение соглашения по Западному Берлину можно сравнить с разработкой и заключением Государственного австрийского договора»⁹.

Улучшение советско-американских отношений положительно сказалось на подготовке и проведении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, третий, заключительный, этап которого проходил с 30 июля до 1 августа 1975 г. в Хельсинки. Общеευропейское совещание, закрепившее принципы мирного сосуществования в качестве ос-

новы взаимоотношений государств с различным общественным строем, явилось важнейшим рубежом в развитии разрядки и сотрудничества на европейском континенте. Его значение определяется также и тем, что участники совещания признали нерушимость границ в Европе, обязались «воздерживаться сейчас и в будущем от всех посягательств на эти границы».

Определенные положительные результаты были достигнуты и в развитии двусторонних торгово-экономических связей, в создании механизма этих связей. Как известно, в ходе встречи в верхах в Москве в мае—июне 1972 года была учреждена советско-американская комиссия по вопросам торговли, которая выработала и подготовила к подписанию ряд соответствующих соглашений.

Важное значение имело Соглашение между правительствами СССР и США о торговле от 18 октября 1972 г. Оно охватывало гораздо более широкий круг вопросов, нежели любое из имевших место ранее (до второй мировой войны) советско-американских соглашений в этой сфере. Прежде всего предусматривалось взаимное безоговорочное предоставление сторонами режима наиболее благоприятствуемой нации в вопросах таможенного обложения, сборов и других формальностей при импорте и экспорте товаров. Таким образом, речь шла о развитии экономических отношений между СССР и США на общепринятом в мировой практике фундаменте равных условий в отношении друг друга и третьих стран. Соглашение предусматривало также, что каждая сторона не только отказывается от каких бы то ни было дискриминационных действий во взаимной торговле, но и обязуется поощрять установление эффективных деловых связей между коммерческими организациями и фирмами обеих стран с учетом ресурсов и долговременных потребностей каждой страны в сырье, оборудовании и технологии.

Вторым советско-американским соглашением, подписанным в тот же день, было соглашение об урегулировании расчетов по ленд-лизу. Окончательно согласованная сумма советских выплат Соединенным Штатам включила в себя и погашение оставшейся задолженности СССР США по кредитному соглашению 1945 года. При этом в соглашении специально оговаривалось, что платежи, производимые ежегодно равными долями до 2001 года в счет погашения задолженности по ленд-лизу, начнутся с момента предоставления СССР американской стороной режима наиболее благоприятствуемой нации. Таким образом, формулировки

нового соглашения перекликались с условиями соглашения о расчетах по ленд-лизу от июня 1942 года, о котором тогда президент Рузвельт говорил, что «финансовые издержки войны могут и должны покрываться таким путем, который будет способствовать длительному миру и взаимному экономическому благосостоянию»¹⁰.

В октябре 1972 года президентом США было принято также решение, которое отменило порочную практику дискриминации советских внешнеторговых организаций в деле получения коммерческих кредитов. На советских контрагентов были распространены общие правила, действующие в США в области обеспечения торговли кредитами, в соответствии с которыми им предоставлялась возможность получать кредиты государственного Экспортно-Импортного банка США или же его гарантии по кредитам частных банков (на основе взаимности подобные же услуги американским бизнесменам должен был оказывать Внешторгбанк СССР). В результате всех этих шагов товарооборот между СССР и США увеличился со 161 млн. рублей в 1970 году до 2,8 млрд. — в 1979 году¹¹.

Однако, несмотря на значительное увеличение товарооборота, все же в целом за десятилетие не удалось достигнуть широкомасштабного торгово-экономического сотрудничества между двумя странами в силу непоследовательности и двойственности позиции американской стороны, пытавшейся добиться от СССР политических уступок, а также установления американским конгрессом серьезных дискриминационных барьеров в торговле с Советским Союзом. Так, в декабре 1974 года после длительных дискуссий конгресс одобрил законопроект о торговой реформе, содержащий ряд дискриминационных положений в отношении нашей страны и других стран социалистического содружества. Попыткой открытого вмешательства во внутренние дела Советского Союза явилось зафиксированное в законе «право» конгресса США по истечении 18 месяцев решать вопрос о продлении режима наибольшего благоприятствования в зависимости от того, выполняется ли, по мнению американских законодателей, выдвинутое ими «условие» об изменении эмиграционной политики социалистических стран. Кроме того, принятый закон накладывал ограничения на деятельность Экспортно-Импортного банка США в торговле с СССР: общая сумма экспортных кредитов СССР на 1975—1978 годы лимитировалась 300 млн. долл. Совершенно очевидно, что принятое законодательство сводило на нет достигнутые ранее договоренности.

Такой подход был решительно отвергнут советской стороной; 10 января 1975 г. Советский Союз уведомил правительство США об отказе ввести в действие советско-американское торговое соглашение 1972 года ввиду принятия конгрессом дискриминационных поправок, содержащихся в вышеупомянутом законе. Одновременно было подчеркнуто, что это не означало и не могло означать изменений в политике разрядки, которую Советский Союз последовательно проводил во взаимоотношениях с Соединенными Штатами.

Наша страна постоянно выражала готовность к налаживанию торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества с США на основе полного и безусловного равноправия, невмешательства во внутренние дела друг друга и взаимной выгоды.

А тот факт, что даже относительно скромное сотрудничество с СССР, другими социалистическими странами (в 1980 г. товарооборот с ними составил 4% всего внешнеторгового оборота США) было выгодно американской стороне, признавался и продолжает признаваться и некоторыми правительственными учреждениями США, в частности министерством торговли и госдепартаментом. «Несмотря на относительно небольшие размеры, — говорится, например, в докладе министерства торговли США, направленном в объединенную экономическую комиссию американского конгресса в 1982 году, — мы считаем неправильным полагать, что торговля с коммунистическими странами не является важной, а издержки, связанные с отказом от нее, малы и легко переносимы. Учитывая нашу нынешнюю безработицу в промышленности, падающую производительность труда, снижающийся уровень экономического роста, необходимо поощрять американский бизнес активно расширять возможности для выгодного экспорта повсюду в мире., и мы не можем далее отдавать на откуп этот или другой значительный рынок нашим западноевропейским и японским конкурентам»¹².

В 70-е годы определенное развитие получило и научно-техническое сотрудничество между двумя странами. Научно-технические связи между СССР и США, как отмечалось выше, родились еще в конце 50-х годов, но до 1972 года контакты в этой области носили весьма ограниченный характер. В ходе советско-американских встреч на высшем уровне были подписаны первые в истории советско-американских отношений соглашения между правительствами СССР и США о сотрудничестве в области науки и техни-

ки, а также другие специализированные соглашения, в частности: о сотрудничестве в области охраны окружающей среды, исследования и использования космического пространства в мирных целях, медицинской науки и здравоохранения, сельского хозяйства, исследования Мирового океана, мирного использования атомной энергии и др.

О широких масштабах научно-технического сотрудничества свидетельствует тот факт, что в конце 1979 года около 100 смешанных советско-американских рабочих групп занимались вопросами реализации 300 совместных проектов в различных областях науки и техники. Продолжали развиваться прямые связи нашей страны с различными американскими фирмами. Многие американские бизнесмены, политики и эксперты неоднократно давали положительную оценку результатам такого сотрудничества, признавали большое значение непосредственных контактов для развития взаимной торговли в целом.

Немаловажной чертой советско-американских отношений 70-х годов было и развитие межпарламентских связей. Достаточно напомнить, что за период с 1973 по 1979 год Советский Союз посетили семь официальных делегаций американского конгресса. Кроме того, в СССР в индивидуальном порядке побывали такие известные американские сенаторы, как Р. Берд, Э. Кеннеди, Дж. Макговерн, Э. Стивенсон, Э. Брук, Э. Перси.

Достаточно интенсивно в 70-е годы развивались культурные связи и контакты между двумя странами. Так, в мае 1975 года в Ленинграде проходила выставка живописи из нью-йоркского музея «Метрополитен», 29 августа 1975 г. в Москве было подписано соглашение между Министерством культуры СССР и дирекцией музея «Метрополитен» об обмене художественными экспозициями сроком на пять лет. Осенью 1975 года в Вашингтоне и других городах США экспонировалась советская выставка «Сибирь научная». 23 октября 1976 г. в Вашингтоне была согласована программа культурных связей на 1977—1979 годы в соответствии с Общим соглашением между СССР и США о контактах, обменах и сотрудничестве. В мае 1979 года в США одновременно проходили две выставки: «Шедевры итальянской живописи из коллекций Государственного Эрмитажа» и «Сокровища музеев Московского Кремля».

Таким образом, позитивные перемены в советско-американских отношениях, в международной жизни в целом, происходившие в результате настойчивых усилий Советского Союза, всех стран социалистического содружества,

сторонников разрядки в других странах, привели к определенному снижению опасности ядерной войны. Они приносили обоюдные выгоды народам СССР и США. Однако сдвиг во внешней политике США в сторону некоторого приспособления к международным реальностям, в сторону разрядки напряженности во взаимоотношениях с социалистическими странами происходил в условиях непрекращавшейся борьбы внутри страны между сторонниками и противниками такого курса. Значительное углубление разногласий в правящих кругах США по вопросу об отношениях с СССР во второй половине 70-х годов повлекло за собой серьезные перемены в американской внешней политике.

Причины усиления антисоветизма во внешнеполитическом курсе США

Международная обстановка во второй половине 70-х годов характеризовалась рядом существенных особенностей.

Во-первых, в 70-е годы произошел значительный рост экономического и военного потенциалов СССР, укрепились его международный вес и влияние. Это вызывало недовольство и раздражение в правящих кругах США. В их среде возросла боязнь новых сдвигов в соотношении сил в мире в пользу социализма. Отсюда убеждение, что борьба с СССР («реагирование на повсеместный советский вызов») по-прежнему должна занимать ключевое место в общей совокупности внешнеполитических целей США, хотя в этих кругах и сохранялись расхождения относительно методов и средств решения этой задачи.

Во-вторых, важной чертой развития ситуации в мире явились революционные перемены в ряде развивающихся стран, связанные с усилением антиимпериалистической борьбы этих стран, прогрессивными внутренними преобразованиями, налаживанием широкого сотрудничества с миром социализма. Серьезный удар имперской политике Соединенных Штатов был нанесен революцией в Иране. Набирает силу процесс становления социализма в странах Индокитая. Активизировались выступления развивающихся стран против всех форм неоколониализма.

В-третьих, во второй половине 70-х годов заметно обострились внешнеэкономические проблемы Америки, острее стала ощущаться зависимость экономики США от

внешнего мира, конъюнктуры мировых рынков. Возникновение вследствие этого недопустимой, по мнению правящих кругов страны, экономической «уязвимости» США подтолкнуло рост воинственных, интервенционистских настроений. Весьма точно эти настроения охарактеризовал профессор университета имени Дж. Гопкинса Р. Такер: «Безопасность Соединенных Штатов не зависела от развития ситуации в мире до тех пор, пока их материальная зависимость от него была незначительной. Такая зависимость, рассматриваемая другими государствами в качестве одного из элементов нормального хода вещей, в Америке стала характеризоваться как чуть ли не противоестественное явление в американской судьбе»¹³. Группировки американской буржуазии, имевшие выход на внешние рынки, присоединились к правым силам и потребовали от правительства поддержки своих экономических интересов наращиванием глобального военного присутствия США в мире. В результате давление на Белый дом в плане активизации и ужесточения американской внешней политики с целью «защиты жизненно важных интересов США», в том числе интересов экономических, усилилось.

В 70-е годы в целом продолжали ослабевать позиции США в системе мировой капиталистической экономики (несмотря на некоторое улучшение в 1976—1977 гг.), обострились противоречия США с их западноевропейскими союзниками в экономической, а в известной степени и в политической области, в том числе и по вопросам международной разрядки. Это усилило беспокойство в правящих кругах США относительно их способности сохранять позиции лидера капиталистической системы.

Перечисленные выше особенности обстановки в мире во второй половине 70-х годов оказали существенное влияние на тенденции развития внутривнутриполитической ситуации в США, на общую политическую атмосферу вокруг взаимоотношений с Советским Союзом. Заметно активизировались правые консервативные группировки, тесно связанные с военно-промышленным комплексом, которые были особенно недовольны ослаблением американских глобальных позиций и выступали за возвращение к прежнему, силовому курсу в отношении СССР, социалистического содружества в целом, поскольку процесс разрядки, по их мнению, якобы «подрывал» как политические, так и стратегические позиции США.

Опасаясь дальнейшего укрепления в американском обществе антимилитаристских настроений, стремясь завое-

вать поддержку своим глобалистским внешнеполитическим устремлениям, реакционные круги США начиная со второй половины 70-х годов перешли в контрнаступление против разрядки. Советскому Союзу было предъявлено прямое обвинение в том, что он-де «не способствует стабилизации статус-кво в развивающемся мире», покушается на «жизненно важные интересы США», Запада в целом. Динамичное развитие советского общества и социалистического содружества стало преподноситься в виде «угрозы Западу», что немедленно было — для вящей убедительности — трансформировано в тезис о «советской военной угрозе» США и «всему западному миру». Прибегнув к муссированию тезиса о мнимой «советской военной и политической угрозе», Вашингтон стремился повернуть общественное мнение США в сторону антисоветизма, а также оказать соответствующее давление на своих западноевропейских партнеров.

Критика политики нормализации отношений с СССР стала своего рода закваской для появления новых крупных антисоветских организаций, выступающих против разрядки, таких как «Коалиция за мир с позиции силы», «Комитет по существующей опасности» и др., объединивших политических деятелей правого толка и располагающих большими финансовыми возможностями. Спекулируя на внешнеаполитических трудностях и неудачах США во второй половине 70-х годов, подавая их как свидетельство «стратегического отступления» США перед лицом СССР и солидарных с ним сил, используя в целях укрепления своей социальной базы и политического влияния широкое разочарование в эффективности традиционных либерально-реформистских методов, недовольство инфляцией и налоговым бременем, противники разрядки сумели в тот период перехватить инициативу в борьбе по вопросам внешней политики, заставили сторонников разрядки перейти к обороне.

Конечно, политическая борьба в США по вопросам будущего внешней политики страны продолжалась. Однако политическим деятелям, осознававшим необходимость поддержания нормальных отношений с СССР, приходилось действовать в более сложной внутривнутриполитической ситуации, в условиях, когда в стране не просто усилилось влияние правых сил, а сам политический центр руководящего истеблишмента в значительной степени сместился вправо.

Характеризуя сложившийся в стране на стыке 70—80-х годов внутривнутриполитический климат, Л. Гелб, занимавший в 1977—1979 годах пост директора управления госдепарта-

мента США по военно-политическим вопросам, отмечал, что реалистически мыслящим деятелям в США к исходу 70-х годов было сложно высказать свои сомнения по поводу тех или иных акций Вашингтона из опасения быть обвиненными в «мягкотелости», «уступчивости» по отношению к СССР. «Дело дошло до того, — констатировал он, — что умеренные политические деятели и должностные лица либо не хотят высказывать свое мнение, либо боятся выдвинуть более уравновешенную точку зрения из страха, что их заклеймят как апологетов Москвы. Я не хочу сказать, что господствует такая же атмосфера, как во времена Маккарти, но нападки правого крыла придали определенный крен политическим дебатам»¹⁴.

В ходе избирательной кампании 1980 года в немалой степени в результате усилий правоконсервативных группировок с политической арены были удалены такие известные деятели, выступавшие с позиций разрядки, как Дж. Макговерн, Дж. Калвер, Ф. Черч, Б. Бай и др. В пользу консервативных сил изменился и состав конгресса США. Согласно данным американской печати, Национальный консервативный комитет политических действий израсходовал 1,2 млн. долл. в целях нанесения на выборах в сенат в 1980 году поражения сторонникам реалистического внешнеполитического курса. Кроме того, в конце 70-х годов более «жесткими» деятелями были заменены «либералы» в госдепартаменте, Агентстве по контролю над вооружениями и разоружению и в других правительственных учреждениях.

В итоге правым силам удалось создать на определенном этапе дополнительные трудности на пути переговоров по ОСВ-2, заблокировать ратификацию Договора ОСВ-2, подтолкнуть правительство к развертыванию нового витка гонки вооружений, возбудить антисоветские настроения среди части американской общественности. Опросы общественного мнения, проводившиеся в 1978 — 1980 годах, показали, что, хотя большинство американцев продолжало в принципе высказываться за нормализацию отношений с СССР, ограничение гонки вооружений, среди опрашиваемых значительно возросли (по сравнению с первой половиной 70-х годов) настроения в пользу увеличения военных расходов, «более активной роли» США в мире, а также «озабоченность» так называемой «советской военной угрозой».

В контексте вышесказанного не приходится удивляться, что резкое «ужесточение» политики США в отношении

СССР в конце 70-х годов не вызвало сразу сколько-нибудь широкой оппозиции в стране. По сути дела, общественное мнение было готово воспринять такой ход событий, чему в значительной степени способствовала активная деятельность антисоветских группировок, политика самого правительства, а также такое сочетание внутренних и внешних проблем США, которое позволило правым кругам «оправдать» в глазах определенной части общественности проведение более «жесткого» внешнеполитического курса.

Одним из поводов для проведения такой политики послужил захват в Иране в ноябре 1979 года сотрудников посольства США в качестве заложников. Это событие было использовано правыми силами в США для того, чтобы проиллюстрировать свой коренной тезис о «внешнеполитическом бессилии» Америки и, сыграв на ура-патриотических чувствах американцев, склонить общественное мнение к поддержке «твердости» и решительности США во внешней политике. При этом официальная и неофициальная пропаганда Соединенных Штатов пыталась исказить позицию СССР в вопросе о захвате заложников. Эти попытки привели к усилению на какое-то время импульсивного антисоветизма, чем и воспользовались реакционные силы в США.

Существенными особенностями развития внутренней обстановки в Соединенных Штатах во второй половине 70-х годов было усиление роли конгресса в формировании американской внешней политики, активизация деятельности специфических политических группировок, занимающихся социальными вопросами или отражающих взгляды национальных меньшинств, уменьшение значения традиционного двухпартийного буржуазного политического механизма и т. п. Подобного рода тенденции были связаны прежде всего с общим усилением воздействия на формирование внутренних процессов в стране внешних факторов, подчас заметно сказывавшихся на непосредственных условиях жизни американцев, на «американском образе жизни» и т. п. Это усугубляло остроту реакции на те или иные изменения в мире не только со стороны правящей элиты, но и все более широких слоев населения. Активно действовавшая правоконсервативная пропаганда усиленно внедряла в сознание американцев выгодное ей представление о тесноте со всех сторон Америке, что отвечало интересам официального Вашингтона, преследовавшего цель нейтрализовать недовольство американцев внутренними экономическими и социальными трудностями, переключить их вни-

мание на внешнеполитические проблемы, на демонстрацию «твердости», и прежде всего — в отношении Советского Союза.

Осложнение советско-американских отношений на рубеже 70—80-х годов

Сдвиг вправо — в сторону внешнеполитической «жесткости» — начал проявляться в политике США еще при администрации Дж. Форда, которая не только не предпринимала каких-либо инициатив в развитие советско-американских отношений, но и положила начало реальному увеличению военных расходов после их некоторого сокращения вслед за окончанием агрессии США во Вьетнаме, активизировала усилия по консолидации капиталистического мира в целях проведения более согласованной линии в отношении социалистических стран, а также развивающихся государств и выдвинула лозунг «мир с позиции силы» в качестве основы отношений с Советским Союзом. «Правительство Дж. Форда, — отмечают советские исследователи, — которое высказывалось на словах в принципе за разрядку и улучшение отношений с СССР, на практике все более действовало с оглядкой на реакционные силы. В результате деятельность американской дипломатии в вопросах отношений с СССР оказалась во многом парализованной и какого-либо существенного продвижения вперед в то время не произошло»¹⁵.

Да и сам Форд в своих мемуарах признает значительное давление ультраправых на политику его администрации, выделяя при этом то обстоятельство, что принятая в 1976 году предвыборная платформа республиканской партии представляла собой не что иное, как «отклонение внешней политики», проводимой тогдашним американским правительством, вправо¹⁶.

Окончательное оформление негативных тенденций в политике американского руководства произошло в период правления администрации Дж. Картера в 1977—1981 годах. Внешнеполитический курс в этот период не был прямолинейен — его отличали неровность и зигзагообразность, однако главная линия на «ужесточение» прослеживалась довольно отчетливо. Субъективные моменты, связанные с приходом к власти новых лиц со своими идеологическими и политическими установками, со своей «степенью свободы» в политическом маневрировании, со своим пониманием воз-

возможностей США, конечно, сыграли определенную роль в акцентах, в новых подходах США к отношениям с СССР. Тем не менее главная причина того, что в правительстве Картера в конечном счете одержали верх сторонники «жесткой» линии (при всем значении ярого антисоветизма советника президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинского и степени его близости к президенту), кроется в том, что к концу 70-х годов, как это отмечалось выше, произошел поворот американского истеблишмента к более «жестким», силовым установкам в отношении Советского Союза.

Президент Картер, равно как и подавляющее большинство членов его администрации, входил в состав «трехсторонней комиссии». Группировка правящего класса США, поддерживающая деятельность этой комиссии, считала самой неотложной внешнеполитической задачей Америки активизацию усилий по консолидации сил капитализма в целях изыскания совместного решения обострившихся экономических, валютно-финансовых, энергетических проблем, а также в целях выработки более согласованного подхода к социалистическим и развивающимся государствам. Представители этой группировки полагали, что, хотя многие тенденции развития современного мира вступили в противоречие с глобальными интересами американского империализма, тем не менее США в состоянии выработать и осуществить курс на так называемое «выживание западной цивилизации», нейтрализацию нависших над капитализмом опасностей, значительно укрепить и расширить свои внешнеполитические позиции в системе международных отношений.

Характеризуя различия во внешнеполитической философии администраций Никсона и Картера, Л. Гелб пишет: «Для Киссинджера регулирование советско-американского баланса было определяющим, в то время как для Картера это явилось лишь одной из частей общей картины. Киссинджер также полагал, что время работает не на США. Если, например, какая-либо страна в Африке стала коммунистической, то это означает, что для Запада она потеряна навсегда. Картер же считал, что время на стороне США, что они в состоянии справиться с временными трудностями, будучи уверенными в конечных результатах...»¹⁷.

Группировкой, тесно связанной с «трехсторонней комиссией», была выдвинута и более жесткая концепция политики в отношении СССР — так называемая концепция «всеохватывающей», или «неделимой», разрядки. Опыт

второй половины 70-х годов показывает, что отдельные более или менее реалистические элементы этой концепции сочетались с неприкрытым стремлением добиваться односторонних преимуществ, активнее использовать различного рода рычаги давления на СССР как в сферах двусторонних отношений, так и в решении международных проблем. Иначе говоря, во внешнеполитических приоритетах США акцент делался на соперничество, а конструктивное взаимодействие с СССР отодвигалось Вашингтоном на последний план.

Такой подход к отношениям с Советским Союзом был суммирован в выступлении Картера в мае 1977 года в Нотрдамском университете, когда он заявил: «Я верю в курс на разрядку с СССР. С моей точки зрения, это означает прогресс в деле установления всеобщего мира. Однако этот прогресс должен быть и всеобъемлющим, и взаимным. Не может быть договоренности в одной части земного шара и обострения конфликтов в другой части. Результаты разрядки не должны также ограничиваться нашими двумя странами»¹⁸.

Оставляя в стороне специфическую буржуазную терминологию и антисоветскую направленность всего выступления Картера, необходимо отметить, что в таком толковании разрядки прослеживалось, во-первых, стремление представить Соединенные Штаты в качестве некоей «движущей силы» процесса международной разрядки, создать видимость инициативной политики США в решении актуальных вопросов международной жизни; во-вторых, намерение навязать Советскому Союзу такие «правила игры», которые противоречили бы классовой сущности его политики и интересам нашей страны, были бы односторонне выгодны Соединенным Штатам. При этом администрация Картера явно преувеличивала американские возможности оказывать влияние на ход мировых событий в желательном для США направлении. К такому выводу пришли и авторы упоминавшейся книги о современной дипломатии буржуазных государств: «Они вообразили, будто теперь, когда остались позади крах агрессии США против Вьетнама и уотергейтский скандал, вскрывший всю глубину кризиса американской буржуазной системы, позиции Соединенных Штатов настолько укрепились, что вовсе необязательно строить отношения с СССР на началах равенства. И Вашингтон счел, что можно не только отойти от прежних советско-американских договоренностей, но и подправить в свою пользу кое-что в самой их основе»¹⁹.

В первой половине 1977 года в Вашингтоне была проведена новая оценка соотношения сил в мире, и прежде всего между СССР и США. Последующие события показали, что сделанные в результате данной переоценки выводы во многом повлияли на становление американского внешнеполитического курса в отношении СССР. Наряду с Бжезинским в анализе участвовали его близкие коллеги по Гарвардскому университету и Массачусетскому технологическому институту — С. Хантингтон, У. Гриффитс, Р. Боуи, а также ряд других политологов.

Как отмечает Хантингтон, руководивший проведением этих оценок в рамках Совета национальной безопасности (СНБ), в администрации Картера были склонны выделять три периода в развитии советско-американских отношений в послевоенное время. Первый период — «эра-I» — длился с середины 40-х до конца 60-х годов и характеризовался состоянием «холодной войны». Второй период — «переходный период разрядки» — длился в основном в течение первой половины 70-х годов. Со второй половины 70-х годов, утверждает Хантингтон, «советско-американские отношения вступили в новую стадию — «эру-III», которая во многом отличается как от периода холодной войны, так и от краткого переходного периода»²⁰. При этом, указывает Хантингтон, все четче очерчивались две ключевые особенности современного периода советско-американских отношений. Во-первых, сочетание характерных для периода «холодной войны» борьбы и соперничества с сотрудничеством и определенным взаимодействием между двумя странами при доминирующем значении все же элементов соперничества. Во-вторых, в соответствии с новыми оценками соотношения сил признавалось наличие общего «примерного равенства» военных возможностей СССР и США. Вместе с тем утверждалось, что в других сферах США располагают большими возможностями, нежели СССР, что и предлагалось использовать в империалистических целях Соединенных Штатов.

Вышеприведенные выводы, как подчеркивает Хантингтон, отражала подписанная президентом Картером в августе 1977 года директива № 18. В области торгово-экономических связей, по его словам, этот документ предусматривал, что политика США должна «отражать двоякий характер советско-американских отношений, основанных на соперничестве и сотрудничестве, а также существующее распределение экономических и технических ресурсов между двумя странами», и что Соединенные Штаты должны более

активно использовать разнообразные рычаги воздействия на внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза²¹.

По свидетельству других американских наблюдателей, в частности профессора Калифорнийского университета А. Вулфа, в директиве основной упор делался на активизацию невоенных инструментов внешней политики США, а также на наращивание и возможное использование обычных видов вооружений, укрепление военного блока НАТО, повышение мобильности вооруженных сил, в том числе для быстрого развертывания их в развивающихся странах, а также выделялась растущая роль Ближнего Востока и зоны Персидского залива во внешнеполитических интересах США. Кстати, Вулф приводит любопытную деталь. Когда, отмечает он, Хантингтон изложил некоторые стороны этой директивы участникам одного из научных семинаров в Калифорнийском университете, в зале, где проходил семинар, установилась «ошеломляющая тишина». «Было ясно, — пишет Вулф, — что администрация мыслит теми же глобальными категориями, которые привели нас во Вьетнам»²².

Просочившиеся в печать сведения, а также мемуары таких деятелей, как С. Вэнс, Г. Браун, З. Бжезинский, говорят о том, что в правительстве Картера шла острая борьба между группировкой Бжезинского и Хантингтона и теми силами внутри администрации (их олицетворяли С. Вэнс, М. Шульман, Л. Гелб и др.), которые более трезво оценивали обстановку в мире и возможности США воздействовать на ее развитие. В результате названные выше документы имели все же менее амбициозный характер, чем это было задумано сторонниками «жесткой» линии в отношении СССР. Однако их влияние оказалось достаточно сильным, чтобы уже на начальном этапе пребывания у власти администрации Картера в ее подходе к отношениям с Советским Союзом стали появляться элементы определенного отступничества от согласованных ранее принципов разрядки, пренебрежения накопленным в советско-американских отношениях опытом, элементы общего ужесточения линии в отношении СССР.

При рассмотрении вопроса о формировании внешнеполитического курса Вашингтона в тот период необходимо учитывать и то влияние, которое оказывал на Картера З. Бжезинский, имевший неограниченный доступ к президенту. Как следует из мемуаров самого Картера, вышедших в 1982 году, большинство предложений Бжезинского получало его одобрение²³. Такая расстановка сил в прави-

тельстве имела следствием явное усиление идеологического компонента американской внешней политики, и прежде всего в отношении СССР. При этом речь шла об использовании средств идеологической борьбы в официальной государственной политике, ибо на неправительственном уровне и в первой половине 70-х годов антикоммунистическая пропаганда со стороны правых сил, средств массовой информации в Соединенных Штатах несколько не ослабевала.

Активизация идеологических аспектов американской внешней политики имела достаточно сложную политическую подоплеку. Она была и остается нацеленной на преодоление внутренних противоречий американской политической системы, создание более прочного «тыла» для проведения «новой глобальной» внешней политики. Ей также отводится роль одного из главных инструментов нажима на союзников США и на развивающиеся страны, особенно прогрессивной ориентации.

Однако острое этого процесса было направлено против СССР, о чем наглядно свидетельствовало усиление антисоветской пропагандистской деятельности подрывных радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа»; прямое участие официальных лиц, включая президента Картера, в так называемых кампаниях в «защиту прав человека» в СССР, других социалистических странах, причем в формах, представляющих собой неприкрытое вмешательство в их внутренние дела и носивших подчас провокационный характер; муссирование мифов о пресловутой «советской военной угрозе», «советской экспансии» и т. п.

Подобные антисоветские, антикоммунистические кампании развертывались с целью дискредитировать СССР, другие страны социализма в глазах международной общественности, ослабить их внутривнутриполитический строй, попытаться вбить клин между Советским Союзом и социалистическими странами, укрепить свои позиции лидера западного мира, «оправдать» раскручивание нового витка гонки вооружений.

Активизация применения идеологических средств политики была связана с попытками администрации Картера использовать фальшивый лозунг о «защите прав человека» в СССР для демонстрации своей «новой», более «принципиальной» и «жесткой» по сравнению с ее республиканскими предшественниками линии в отношении Советского Союза. Однако определяющее значение имело стремление представить Соединенные Штаты в качестве «лидера» в

так называемой «борьбе за права человека» в мире, повысить пошатнувшийся американский авторитет, который к середине 70-х годов был основательно дискредитирован войной США во Вьетнаме, поддержкой реакционных режимов, а также серией внутренних скандалов, многие из которых были связаны с ущемлением прав человека в самих США.

Выдвижение Вашингтоном лозунга «защиты прав человека» в качестве одной из кардинальных задач своей внешней политики служило и служит прикрытием для достижения неблагоприятных политических целей, не имеющих ничего общего с действительным обеспечением прав человека. Это не могло не отразиться на политическом климате в мире, и прежде всего на советско-американских отношениях. Касаясь этого вопроса в своих мемуарах, Картер вынужден признать, что деятельность США на поприще так называемой «защиты прав человека» в СССР «создавала напряженность между ними и мешала более гармоничному решению некоторых других спорных проблем»²⁴.

Другим и наиболее существенным направлением попыток американского руководства «скорректировать» процесс разрядки в свою пользу явилось стремление Вашингтона подвергнуть ревизии Владивостокскую договоренность 1974 года о принципах ведения дальнейших переговоров по ограничению стратегических вооружений. Об этом свидетельствовали американские предложения, изложенные тогдашним государственным секретарем США С. Вэнсом в ходе переговоров по ОСВ-2 с советскими руководителями в конце марта 1977 года в Москве, которые содержали ряд односторонних требований к СССР.

Даже некоторые американские политические деятели и военные эксперты признали, что предложения администрации Картера по ограничению стратегических вооружений шли вразрез с принципом равенства и одинаковой безопасности двух стран, положенным в основу переговоров, обеспечивали Соединенным Штатам получение односторонних преимуществ. «У Советского Союза, — отмечал в этой связи обозреватель по военно-политическим вопросам газеты «Нью-Йорк таймс» Р. Бэрт, — было достаточно стратегических соображений для того, чтобы отвергнуть американские предложения»²⁵. Подобное признание содержится и в книге С. Тэлботта «Эндшпиль»²⁶, в которой убедительно показывается негативная деятельность Пентагона, аппарата Бжезинского, а также сенатора Г. Джексона и его окружения по выработке этих предложений.

Податливость администрации воздействию правых сил вела к постоянным колебаниям ее внешнеполитического курса, к тому, что заявления Вашингтона о своем стремлении строить отношения с СССР на конструктивной основе повисали в воздухе. Так, в речи, произнесенной Картером в Чарлстоне в июле 1977 года, признавалось «жизненно важное значение» для США отношений с СССР, наличие между двумя государствами, несмотря на всю глубину разделяющих их противоречий, «множества важных перекрещивающихся интересов», которые необходимо использовать для «расширения областей сотрудничества на основе равенства и взаимного уважения»²⁷. И хотя в 1977 году были сделаны некоторые шаги в направлении развития советско-американских отношений (например, продлены соглашения о научно-техническом сотрудничестве, об освоении космического пространства, доведена до конца выработка в рамках Комитета по разоружению Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, которая была подписана 18 мая 1977 г.), на главных, ключевых направлениях существенного прогресса достигнуто не было. Более того, осенью 1977 года — буквально через несколько дней после достижения соответствующей договоренности в ходе советско-американских переговоров в Нью-Йорке и Вашингтоне — американская администрация отказалась от совместного с СССР поиска мирного урегулирования ближневосточного конфликта.

Не отличалось последовательностью и выступление президента Картера в Аннаполисе 7 июня 1978 г., которое было заранее объявлено как программное. В нем, в частности, Картер объявил, что разрядка между СССР и США является «ключевым элементом мира во всем мире», а также подчеркнул важность подготовки и подписания Договора ОСВ-2. Однако заявление президента о том, что СССР-де «может выбирать либо конфронтацию, либо сотрудничество, поскольку Соединенные Штаты готовы и к тому, и к другому»²⁸, справедливо рассматривалось реалистически мыслящими деятелями в США как попытка бросить Советскому Союзу своего рода вызов — или принять американский подход к урегулированию спорных вопросов, или столкнуться с конфронтацией. Эта речь была расценена многими американцами как свидетельство намерения Картера следовать курсом общего ужесточения американской политики в отношении СССР. Кроме того, подобными заявлениями американское руководство пыталось

как бы снять с себя ответственность за возможное ухудшение советско-американских отношений в будущем, хотя курс на такое ухудшение, как известно, был уже во многом взят именно Соединенными Штатами.

Тогдашняя администрация США не только не проявляла стремления к конструктивному завершению переговоров по ОСВ-2, но, наоборот, всячески затягивала выработку соглашения, требуя уступок в других политических вопросах, в частности, отказа СССР и Кубы от братской помощи правительству Эфиопии. Более того, администрация Картера фактически внесла идею «увязки» ОСВ в конгресс, что во многом предопределило трудности, с которыми пришлось впоследствии столкнуться Договору ОСВ-2 в сенате. Характеризуя данную сторону дела, сенатор Ч. Метайес говорил в июле 1978 года, что «правительство не приводило каким-либо систематическим и последовательным образом доводов в пользу переговоров об ОСВ... Мы не слышали, чтобы от Вашингтона исходили убедительные аргументы за контроль над вооружениями. Вместо этого на нас обрушивались ушата то холодной, то горячей воды. Один день утверждалось, что соглашение об ОСВ будет закончено через несколько недель. На другой день переговоры об ОСВ начинали увязывать с действиями СССР в Африке. Затем отказывались от такого увязывания. Однако редко кто-либо в Белом доме объяснял американскому народу, почему ведутся переговоры об ограничении стратегических вооружений. Поле деятельности оставалось широко открытым для противников этих переговоров»²⁹.

Тенденция к торможению прослеживалась и на некоторых других направлениях переговоров по ограничению гонки вооружений. Так, в феврале 1978 года американская сторона свернула переговоры с СССР относительно ограничения военной активности в Индийском океане в соответствии с принятым в Белом доме решением о наращивании американского военно-морского присутствия в этой зоне. Были свернуты переговоры об ограничении поставок обычных вооружений, а также переговоры между СССР, США и Великобританией о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. Не проявлял Вашингтон стремления к достижению позитивных результатов и на венских переговорах о сокращении войск и вооружений в Центральной Европе.

Стратегия «увязок» периодически проявлялась в попытках обусловить дальнейшее развитие торговых и научно-

технических связей с СССР осуществлением тех или иных перемен не только во внешней (что было характерно и для предыдущих администраций), но и во внутренней политике Советского Союза. Наглядным примером тому служит отмена летом 1978 года («в знак протеста» против решений советских судов по делу ряда лиц, нарушивших законы СССР) поездок в СССР представителей американских ведомств, занимающихся вопросами охраны окружающей среды, жилищного строительства и развития городского транспорта. Кроме того, Белый дом запретил продажу Советскому Союзу ЭВМ «Сперри — Юнивак» и усилил правительственный контроль над заключением контрактов американских фирм с советскими внешнеторговыми организациями, в частности на поставку в СССР бурового оборудования. Эти шаги администрации Картера заметно осложнили советско-американские отношения, по существу лишили их материального содержания, а также ухудшили общую политическую атмосферу в мире.

Однако попытки ужесточения курса в отношении СССР, предпринятые Вашингтоном летом 1978 года, не только натолкнулись на решительное противодействие Советского Союза, но и вызвали озабоченность реалистически мыслящих представителей правящих кругов в самих США, которые считали, что объективные интересы их страны требуют дальнейшей нормализации отношений с СССР, сдерживания гонки вооружений, в том числе и в целях выделения дополнительных ресурсов на решение обострившихся внутренних проблем. В поддержку политики разрядки с СССР продолжало выступать подавляющее большинство рядовых американцев. Линия на ужесточение американского курса не получила одобрения и основных союзников США. Резкое усиление этих попыток в тот период могло бы поставить Соединенные Штаты в невыгодное для них политическое положение в мире в качестве виновника срыва процесса международной разрядки.

В этих условиях на какое-то время стало возможным определенное усиление влияния тех лиц в правительстве Картера, которые высказывались за более взвешенный курс в отношении СССР. Отнюдь не случайно в выступлениях Картера в начале 1979 года стало впервые проскальзывать признание того, что в современном мире нет разумной альтернативы поддержанию нормальных отношений с СССР. Благодаря активным миролюбивым усилиям Советского Союза наметилась определенная тенденция к выравниванию советско-американских отношений на некоторых

направлениях. Несмотря на колебания и непоследовательность американской администрации, все же удалось довести до конца переговоры по ОСВ-2, а затем провести советско-американскую встречу на высшем уровне в Вене, главным результатом которой явилось подписание Договора ОСВ-2. Позитивные результаты встречи создавали в принципе предпосылки для того, чтобы расширить области советско-американского сотрудничества.

В ходе состоявшихся обсуждений Договора ОСВ-2 в комиссиях сената США во второй половине 1979 года представители администрации, многие политические деятели, ученые, отставные военные высказывались в пользу его ратификации. Так, в своем выступлении тогдашний министр обороны США Г. Браун заявил, что, если Договор ОСВ-2 не будет ратифицирован, то гонка в области стратегических вооружений в течение пяти последующих лет обойдется Соединенным Штатам дополнительно по меньшей мере в 30 млрд. долл. Рекомендуя сенату ратифицировать договор, Браун подчеркнул, что «его выполнение поддается контролю» и что договор обеспечит большую стабильность и предсказуемость военно-стратегической ситуации. Другой государственный деятель, С. Вэнс, высказался за принятие Договора ОСВ-2, а также за дальнейшие переговоры по ограничению стратегических вооружений. При этом Вэнс отмечал, что невозможно реально надеяться на изменение договора в пользу США посредством внесения поправок и оговорок. «Без ОСВ, — сказал он, — мы столкнемся с перспективой неограниченного ядерного соперничества и серьезного усиления напряженности в американо-советских отношениях». Тогдашний глава Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Дж. Сейниус заявил, что ратификация Договора ОСВ-2, возможно, и не повлечет за собой прогресс на других переговорах об ограничении вооружений, однако его провал почти наверняка нанесет им непоправимый ущерб³⁰.

Важно подчеркнуть, что в процессе этих обсуждений противники Договора ОСВ-2 (Ю. Росту, П. Нитце, Э. Рауни и др.), ставившие перед собой цель либо провалить договор, либо добиться его пересмотра в односторонне выгодном для США направлении, не смогли аргументировать какими-либо вескими доводами свою точку зрения о «невыгодности» для США данного договора, о «невозможности» проверки его выполнения национальными средствами. Однако обсуждения Договора ОСВ-2 были использованы консервативными кругами для «обоснования» необходимо-

сти нового тура гонки вооружений, то есть для подрыва разрядки де-факто. В конгрессе США со стороны правых сил все чаще раздавались требования значительно увеличить военный бюджет страны. В сентябре 1979 года сенат принял резолюцию о ежегодном увеличении военного бюджета в 1981 — 1982 годах на 5% сверх поправки на инфляцию. Принятие этой резолюции свидетельствовало о дальнейшем форсировании военных приготовлений Соединенных Штатов.

Борьба в правящих кругах Соединенных Штатов вокруг развития отношений с СССР, особенно после начала американо-иранского кризиса, вспыхнула с новой силой, стала окрашиваться в еще более националистические, а подчас и шовинистические тона. После введения по просьбе афганского правительства ограниченного контингента советских войск в Афганистан наступление правых сил на разрядку усилилось. Администрация Картера под предлогом событий в Афганистане отказалась от ратификации Договора ОСВ-2, который к тому времени был уже и так практически заблокирован в сенате, пошла на свертывание торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с СССР. В результате к исходу 70-х годов США совершили поворот в сторону обострения международной напряженности и подрыва процесса разрядки. Этот поворот затронул концептуальную основу внешней политики Вашингтона, а также вылился в целый ряд практических действий США на международной арене.

Говоря об изменениях концептуального плана, необходимо отметить ряд моментов.

Во-первых, во внешней политике США более резкий акцент был сделан на использование методов силового давления на другие государства, и прежде всего на Советский Союз. «Соединенные Штаты, — говорил в феврале 1980 года президент Картер, — действуют, опираясь на силу, с позиции силы. Эту силу должны признавать и наши союзники, и потенциальные противники»³¹.

Во-вторых, вновь подчеркивался глобальный характер интересов и притязаний Вашингтона.

В-третьих, взаимодействие с СССР в сдерживании гонки вооружений переместилось на одно из последних мест во внешнеполитических приоритетах США, предпринимались новые попытки «увязки» каких-либо конструктивных шагов с «поведением» СССР на международной арене, в частности с требованием вывести ограниченный советский

воинский контингент из Афганистана. Как отмечалось в исследовании о внешнеполитических приоритетах США начала 80-х годов, подготовленном Американским предпринимательским институтом, «после определенного периода, когда различные аспекты американо-советских отношений рассматривались каждый в отдельности, эти отношения вновь тесно увязаны с внешней политикой СССР»³². «Увязка» в ее новой трактовке практически вела к блокированию каких-либо позитивных сдвигов в советско-американских отношениях.

В контексте этих общих внешнеполитических установок Вашингтон начал предпринимать акции, направленные на восстановление международных позиций США, консолидацию сил мирового империализма и одновременно на усиление борьбы против СССР и других социалистических стран. Иными словами, была поставлена задача изменить в пользу США, Запада в целом сложившееся в силу объективных условий соотношение сил на международной арене.

Особое место в борьбе против социализма вновь стало отводиться военной силе, новому ее наращиванию в 80-е годы, попыткам экономически «измотать» Советский Союз, навязав нашей стране все более высокие темпы гонки вооружений во все более широких масштабах. В сентябре 1979 года президент Картер подписал директиву № 50, в которой подчеркивалось, что Соединенные Штаты не должны вступать в новые переговоры по различным аспектам ограничения гонки вооружений до тех пор, пока не убедятся, что такие переговоры не затруднят осуществление уже принятых военных программ. В декабре президент изложил основы пятилетней военной программы, в соответствии с которой планировалось увеличивать в течение последующих пяти лет военные расходы примерно на 4,6% ежегодно (в стабильных ценах с поправкой на инфляцию), что, по словам Г. Брауна, должно было в итоге означать реальное увеличение военных расходов за этот период примерно на 115 млрд. долл.

Наряду с этим Вашингтон прилагал настойчивые усилия в целях укрепления военного потенциала НАТО, что нашло свое выражение в принятии долгосрочной программы перевооружения этого военного блока, а также в принятии советом НАТО в декабре 1979 года решения о размещении на территории ряда стран Западной Европы 572 американских ракет средней дальности. Одновременно США начали активизировать военное сотрудничество с

Японией, изыскивать возможности укрепления своих военных позиций в развивающихся странах, особенно на Ближнем Востоке, включая создание новых военных баз.

Интенсификация военных приготовлений Соединенными Штатами была нацелена прежде всего на усиление влияния США в районах, объявленных Вашингтоном «жизненно важными» с точки зрения своих военно-стратегических, политических и экономических интересов. При этом ставка на применение военной силы на «периферии» в сочетании с изменением стратегического баланса в пользу США должна была, по мнению вашингтонских стратегов, сдерживать рост влияния СССР, его миролюбивой политики на международной арене, и прежде всего в развивающемся мире. В этом же плане можно рассматривать и провозглашение осенью 1980 года «новой ядерной стратегии США», которая предусматривала возможность использования ядерного потенциала Соединенных Штатов для достижения империалистических внешнеполитических целей.

Все более антикоммунистическую, антисоветскую направленность приобретала и восточноевропейская политика Вашингтона: активизировались его стремления вбить клин между СССР и другими странами социализма путем игры на временных экономических трудностях этих стран, участились попытки вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела социалистических государств. Так, намерения Вашингтона путем поддержки контрреволюционных сил в Польше заставить эту братскую страну свернуть с пути социализма продолжают длинный перечень подобных попыток в прошлом. Одновременно прилагались активные усилия с целью дискредитировать растущую привлекательность идей социализма и коммунизма путем развертывания разного рода пропагандистских кампаний в духе «холодной войны», в частности провокационной кампании в «защиту прав человека», а также муссирования мифа о «советской военной угрозе». Особого накала антисоветская истерия достигла после событий в Афганистане.

Наконец, Вашингтон пошел на резкое свертывание программ двустороннего советско-американского сотрудничества, прежде всего в торгово-экономической области. Это нашло выражение во введении в тот период эмбарго на поставки нашей стране зерна, фосфатных и других удобрений, в установлении более «жесткого» контроля над экспортом в Советский Союз сложного технологического и наукоемкого оборудования. Решение администрации Картера о применении против Советского Союза экономиче-

ских «санкций» представляло собой логическое продолжение Вашингтоном курса на использование торгово-экономических связей в качестве инструмента нажима в целях достижения определенных внешнеполитических целей Соединенных Штатов в отношениях с социалистическими странами.

Одной из причин такой политики Белого дома было ничем не оправданное убеждение в том, что СССР заинтересован в торговле с США в гораздо большей степени, чем США — в торговле с СССР. Однако попытки оказать давление на Советский Союз, нанести ущерб его экономике не принесли желаемых результатов. О провале подобных попыток говорят статистические данные: за первые три года десятой пятилетки в СССР было изготовлено промышленного оборудования на сумму 130,3 млрд. рублей, а закуплено в США — на 1,2 млрд.; урожай зерна в Советском Союзе составил 657 млн. т, а импорт из США — 32,5 млн.³³

Оценивая негативные явления в политике США в отношении торговли с СССР, XXVI съезд КПСС заявил: «Не наша вина в том, что, например, с США торговля сокращается или переживает застой. Это результат политики Соединенных Штатов, направленной на использование торговли в неблагоприятных политических целях, чуждых интересам равноправного международного сотрудничества. Что касается Советского Союза, то мы готовы развивать экономические отношения также и с Соединенными Штатами на равноправной и взаимовыгодной основе»³⁴.

Таким образом, Соединенные Штаты вступали в 80-е годы с весьма агрессивной внешнеполитической доктриной, предусматривавшей среди прочего больший, чем прежде, упор на военную силу, вплоть до ограниченного использования вооруженных сил в локальных конфликтах, а также конфронтацию с Советским Союзом по всем направлениям двусторонних отношений. Со второй половины 70-х годов ими был начат новый виток в гонке стратегических и обычных вооружений. Правящие круги США постарались смодулировать общественное мнение в пользу более «жесткого» и «активного» внешнеполитического курса.

Некоторые общие особенности и составные элементы американских концепций отношений с СССР на рубеже 70—80-х годов

Одна из главных особенностей внешнеполитического курса конца 70 — начала 80-х годов состояла, как уже отмечалось, в антисоветизме. Отдельные группировки американских правящих кругов, занимавшие по другим вопросам подчас различные и даже непримиримые позиции, были едины в антисоветской направленности своих внешнеполитических взглядов. При этом следует учесть, что, поскольку в антисоветских кампаниях задействованы привычные для американцев и «хорошо разработанные» в идейно-пропагандистском плане лозунги и стереотипы, для руководящих политических деятелей антисоветская платформа не несет практически никакого политического риска.

Характерной особенностью этих настроений являлась также их очевидная националистическая, а подчас и шовинистическая, окраска. В этом они имели определенное сходство с настроениями правящих кругов США в период «холодной войны». Однако подоплека нового всплеска национализма несколько иная, поскольку он связан не столько с упоением имперскими возможностями, что было характерно для 40—50-х годов, а с ощущением растущей уязвимости США в мире, относительного ослабления их международных позиций.

Содержание сформировавшихся в США на рубеже 70—80-х годов теоретических подходов к внешней политике, их основные компоненты достаточно четко прослеживались в платформах демократической и республиканской партий на выборах 1980 года, в предвыборных выступлениях Р. Рейгана и политиков из его непосредственного окружения, в резолюциях конгресса США, в работах на эту тему, подготовленных в ведущих исследовательских центрах и организациях американского истеблишмента в конце 70-х годов.

Главное, что характерно для всех подходов к основам внешнеполитической стратегии США в тот период, в том числе и в сфере отношений с СССР,— весьма твердое убеждение, что принятые администрацией Картера шаги оказались «недостаточными» для того, чтобы в должной мере приостановить ослабление мировых позиций США, сокращение их возможностей влиять на развитие обстановки в современном мире, чтобы нейтрализовать возникшие «угрозы» основным «жизненно важным интересам» Амери-

ки. В предвыборной платформе республиканской партии, в частности, отмечалось, что внутривластные и внешнеполитические трудности и неудачи США в конце 70-х годов — это не только проявления «международного унижения» США, но и симптомы «продолжающегося сужения экономических позиций и международного влияния Соединенных Штатов». «Если подобного рода тенденции, — говорилось далее в этом документе, — будут продолжаться, то 80-е годы могут стать наиболее опасным периодом после второй мировой войны»³⁵. Элементы таких оценок и суждений содержались и в ряде исследований по проблемам внешней политики США в 80-е годы, подготовленных такими влиятельными «мозговыми центрами» внешнеполитической элиты, как Брукингский институт, Американский предпринимательский институт и др.³⁶

Конечно, между отдельными группировками правящих кругов США сохранялись различия в оценке причин внешнеполитических трудностей, с которыми США столкнулись в 70-е годы, а также в оценке возможностей Соединенных Штатов преодолеть их. Тем не менее общее мнение состояло в том, что нужны активные дополнительные усилия по укреплению американских позиций в мире, а также по усилению борьбы с СССР путем мобилизации всех имеющихся в распоряжении США инструментов. Можно, пожалуй, согласиться с выводами тех американских специалистов, которые считали, что в ходе предвыборной кампании 1980 года «обе главные партии, по сути дела, предлагали разновидности своего рода возвращения к политике сдерживания времен „холодной войны“»³⁷.

При анализе того общего, что в значительной мере объединяло практически все группировки правящего класса США, особенно обращал на себя внимание возросший упор на военную силу как главный инструмент политического влияния США в мире при полностью сохранявшемся понимании значимости невоенных рычагов. За исключением некоторых либерально настроенных деятелей, ряда антивоенных общественно-политических организаций и некоторых научных центров, в конце 70-х годов в США господствовали убеждения в том, что стране необходимо наращивать военные расходы темпами, превышающими темпы роста инфляции, то есть обеспечивать реальный рост финансовой базы Пентагона.

Критика политики Картера справа была весьма острой и хорошо организованной. В вину президенту ставились в начальный период его правления «недостаточный» уровень

военных усилий по сравнению с теми, которые планировались Фордом, а позднее — «односторонний», по мнению реакционных кругов, отказ от производства стратегического бомбардировщика Б-1, сокращение военно-морских программ, уход от окончательного решения о принятии на вооружение нейтронной боеголовки и т. д. Большинство опросов общественного мнения, проводившихся в тот период, показывало возросшее внимание американцев к вопросам «национальной обороны», военной готовности и т. д., чему немало способствовали шумные антисоветские кампании, развернутые буржуазной печатью и другими средствами массовой информации, деятельность правых, консервативных кругов в США.

Не удивительно поэтому, что в ходе предвыборной кампании 1980 года, да и в последующий период позиции как демократов, так и республиканцев по вопросу о необходимости совершенствования и развития вооруженных сил общего назначения, возможностей переброски их в различные регионы и т. д. были весьма схожи. На самых разных уровнях поднимался вопрос о личном составе американской армии, необходимости решения проблемы набора в нее квалифицированных специалистов, а также целесообразности пересмотра концепции ведения полутора войн, на которую до начала 80-х годов ориентировались американские вооруженные силы, в сторону учета возможности возникновения конфликтов одновременно в трех или четырех различных районах мира, где могут быть затронуты, по мнению вашингтонских стратегов, интересы США. «Для того чтобы справиться с возросшей ответственностью и не ослабить наши силы в одном регионе ради того, чтобы решать проблемы в другом, мы должны иметь более крупные, лучше оснащенные и улучшенные вооруженные силы, включая большее число солдат»³⁸, — говорилось в исследовании Совета по международным отношениям, изданном в 1981 году.

Не было каких-либо существенных расхождений и в том, что, если того потребует обстановка, Соединенные Штаты должны пойти на непосредственное применение военной силы, особенно в развивающихся странах. Для мышления американского господствующего класса конца 70 — начала 80-х годов, как уже отмечалось, было характерно и заметно усилившееся стремление добиться военного превосходства над СССР как на стратегическом, так и особенно на региональных уровнях.

Возросшая зависимость США от внешнего мира, воспринимавшаяся правыми кругами как тормоз на пути обеспе-

чения империалистических интересов США в мире, в том числе и в противоборстве с СССР содействовала достижению практически полного единства мнений в Вашингтоне относительно необходимости обеспечения беспрепятственного доступа к важнейшим заграничным рынкам и источникам сырья и топлива, особенно в развивающихся странах, а в перспективе и ослабления зависимости от внешних источников энергии. Однако имевшаяся общность взглядов по этой проблеме подрывалась своекорыстными интересами могущественных нефтяных монополий, контролирующих поставки нефти в США и другие страны Запада из нефтедобывающих стран.

Важным аспектом внешнеполитических концепций являлось и общее убеждение в необходимости преодоления внутренних экономических проблем страны, прежде всего инфляции и безработицы, восстановления жизнеспособности американской экономики в качестве базы внешней политики США, укрепления устоев американского капитализма. Не случайно эти проблемы практически всеми характеризовались как наиболее неотложные национальные проблемы США. «Мы, — констатировали составители программы республиканской партии, — рассматриваем инфляцию и ее воздействие на положение с рабочими местами в качестве наиболее серьезной внутренней угрозы, возникшей сегодня перед нашей страной»³⁹.

Составной частью концепций являлось и признание необходимости продолжения идеологического наступления на СССР, силы социализма в целом, национально-освободительное движение. В платформах обеих партий содержались призывы к тому, чтобы политика США носила «принципиальный» характер, отражала традиционные моральные «ценности» американского буржуазного общества и т. п. Различие состояло лишь в том, что в платформе демократов упор делался на так называемую «защиту прав человека», а в платформе республиканцев — на обеспечение американского «лидерства» в мире, на борьбу с коммунизмом, трактуемую в качестве «первостепенной моральной задачи» США.

Охарактеризованные выше элементы внешнеполитических настроений свидетельствовали о том, что американские теоретики стремились предложить рецепты, преследующие своей целью прежде всего максимальное накопление и расширение инструментов внешнеполитического давления, для того, чтобы не только сохранить нынешнее глобальное и региональное соотношение сил, но и по возможности изменить

его в пользу США, Запада в целом, ослабить внутренние устои социализма. В этом, пожалуй, состояло одно из важнейших отличий американских концепций конца 70 — начала 80-х годов от концепций начала 70-х годов, ставивших своей целью прежде всего не допустить дальнейшего ослабления позиций США в мире. Задача «сдержанности» СССР, осложнить его международное положение поставлена во главу угла современной американской внешней политики.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что американские концепции, если не считать позиций крайне правых кругов, все-таки не исключали понимания того, что между СССР и США продолжают сохраняться общие или пересекающиеся интересы, связанные прежде всего с устранением опасности ядерной войны, предотвращением эскалации локальных конфликтов, чреватых угрозой разрастания до масштабов всеобщей войны, ограничением распространения ядерного оружия. Как признавал влиятельный американский сенатор С. Нанн, придерживающийся центристско-консервативных позиций, «сейчас, когда опасность в мире усиливается в связи с наращиванием ядерного оружия и систем доставки, у Соединенных Штатов и Советского Союза, а также у других ядерных держав есть все больше оснований сотрудничать в целях предотвращения ядерной войны»⁴⁰. Отсюда делался вывод о необходимости продолжения в той или иной форме диалога с СССР.

Таким образом, наиболее важные элементы подходов в США к развитию отношений с Советским Союзом на рубеже 70 — 80-х годов, по сути дела, представляли собой консервативную концепцию «ограниченного сдерживания» СССР, которая, как признавалось, подразумевала усиление борьбы с Советской страной по всем направлениям. В отличие от политики «сдерживания» СССР 40—50-х годов, «ограниченное сдерживание» должно, по мнению, в частности, Р. Такера, означать «возможность компромиссов и уступок в сферах соперничества, что ранее исключалось; такая политика, если хотят, чтобы она была разумной, должна (там, где это возможно) избегать действий, которые могли бы вызвать резкое обострение отношений с СССР и сделать практически невозможным улучшение отношений в будущем». По оценке Такера, попытки вернуться полностью к методам политики 50-х годов в условиях сужения американских возможностей влиять на развитие мировой обстановки неизбежно бы провалились, осложнили бы отношения с СССР, усилили разногласия с союзниками, ослабили военный блок НАТО. «В современных условиях, — отмечает

он, — возвращение к глобальному сдерживанию (если бы это было серьезным намерением) наверняка привело бы США на наиболее опасный путь в отношениях с Советским Союзом. Ведь эта политика в действительности являла бы собой сигнал Москве о том, что стрелка часов должна быть повернута как минимум на 15 лет назад, что США более не рассматривают СССР в качестве глобальной силы»⁴¹.

Именно эти взгляды среди всех прочих настроений американских политических кругов оказали наиболее существенное влияние на внешнеполитический курс Вашингтона на рубеже 70—80-х годов. Но, разумеется, продолжали сохраняться и оттенки во мнениях различных группировок. Реакционным силам поворот вправо в политике США в конце 70-х годов казался «недостаточным». Они призывали к более крупномасштабному перевооружению США, восстановлению военного превосходства над СССР, непосредственному применению военной силы в районе Персидского залива и к другим «решительным мерам». Выражая кредо правых сил, небезызвестный советолог Р. Пайпс прямо говорил, что «советские руководители должны сделать выбор: или мирное изменение их коммунистической системы в направлении, выгодном Западу, или война»⁴².

Таким образом, крайне правые деятели пытались возродить старые идеи политики «сдерживания» Советского Союза в их классическом варианте — идеи нагнетания напряженности, мобилизации всех враждебных Советскому Союзу сил в мире с целью подрыва социалистического строя в нашей стране. «Они, — отмечает американский политолог Б. Блэкман, — полагают, что США должны стремиться изменить советское общество и с этой целью поддерживать напряженность в отношениях с Советским правительством. Они доказывают, что, будучи изолированным, Советское государство постепенно разрушится под грузом своих собственных внутренних проблем... Это означает, что США должны стремиться возвести стену непримиримой враждебности вокруг СССР, образовать своего рода политико-военный союз совместно с Западной Европой, Японией и некоторыми странами третьего мира»⁴³.

Что касается позиции сторонников нормализации отношений с СССР, то они высказывались за более осторожный и взвешенный подход к вопросу определения основных задач внешней политики США в 80-е годы, оценке американских возможностей влиять на развитие мировых событий в желательном для них направлении, призывали извлечь необходимые уроки из тех серьезных неудач, с которыми США

столкнулись на мировой арене в 70-е годы, и прежде всего из поражений американской внешней политики во Вьетнаме и Иране. У них вызывали глубокое сомнение попытки правящих кругов США диктовать свою волю Советскому Союзу, вернуться к новой «глобальной холодной войне», стремления к достижению военного превосходства над СССР подрыву внутренних устоев социализма в нашей стране «Американское превосходство, — писали в этой связи авторы исследования «Советско-американские отношения в 80-е годы», — отошло в прошлое. Доказывать, что оно нужно или полагать, что оно тем или иным образом служило бы базой для того или иного изменения военной стратегии или стратегии в области контроля над вооружениями, означало бы предаваться иллюзии, которая к тому же служила бы причиной для конфликтов с СССР в будущем. Аналогичная иллюзия — строить политику США на явном или подразумеваемом ожидании, что СССР изменит свою политическую систему; это являлось бы весьма серьезным непониманием действительного положения вещей». «Советский Союз, — подчеркивалось далее, — стал в 70-е годы глобальной державой и никакие благие пожелания не могут отменить этого факта»⁴⁴.

О том, что разрядка с СССР является наиболее разумной для США альтернативой, писал и Дж. Гэлбрейт: «Невзирая на существующие противоречия, надо объединить наши усилия и постараться вместе с Советским Союзом сделать все возможное, чтобы оба наши государства не пришли к так называемым «мрачным временам». Как раз в этом и сходятся наши интересы. Эти интересы в том, чтобы проводить политику контроля над вооружениями, поддерживать такие меры, которые бы уберегли мир от разрушения из-за сознательного решения или ввиду просчета, по злой воле или по чистой случайности. Это и есть та самая сфера взаимной заинтересованности, к которой стремятся все американцы вне зависимости от их политических убеждений. Нам необходимо, несмотря на различия в нашей политике, избавиться от мысли о том, что можно как-то защитить или спасти нашу страну в случае ядерной войны»⁴⁵.

Сторонники определенной нормализации отношений с СССР делали вывод о целесообразности выработки «двухколейной политики» в отношении СССР, которая должна исходить из противодействия СССР по некоторым аспектам в международно-политической области, но вместе с тем предусматривала бы определенные шаги по смягчению нынешней напряженности в советско-американских отношениях

восстановлению сотрудничества между двумя странами в ряде областей. Некоторые теоретики, в частности Р. Легволд, склонны именовать такой подход «сдерживанием без конфронтации». «Эффективная политика в отношении СССР, — писал он, — должна строиться по двум направлениям. Первое — это твердость, военная сила (без стремления достичь превосходства), готовность к действиям, обеспечение поддержки этих действий со стороны общественности. Второе — это сотрудничество, позиция протянутой руки, возобновление интереса к совместному решению проблем, нежели к противопоставлению одних проблем другим»⁴⁶.

В плане же восстановления разрядки в советско-американских отношениях ими выдвигалась идея о необходимости продолжения переговоров по ОСВ, поиска взаимоприемлемых договоренностей с СССР на переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе, на переговорах по другим аспектам ограничения гонки вооружений, а также активизации каналов официальных и неофициальных консультаций по острым международным проблемам для того, чтобы избежать неправильного понимания сторонами позиций и намерений друг друга. Наконец, проводилась мысль о желательности выработки приемлемых для обеих сторон договоренностей, которые охватывали бы отдельные вопросы, отдельные аспекты отношений, что могло бы помочь приблизиться к решению более сложных и трудных вопросов.

Сторонники таких взглядов, как уже отмечалось, находились в обороне и были не в состоянии оказывать сколько-нибудь существенное влияние на практические действия США на международной арене в конце 70-х годов. Однако, несмотря на то что в теории и практике внешней политики США в тот период на первое место был выдвинут фактор силы, значительная часть правящего класса Соединенных Штатов по-прежнему осознавала катастрофические последствия, в том числе и для США, ядерного конфликта с СССР.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ 80-Х ГОДОВ

За период пребывания у власти администрации Рейгана произошло дальнейшее ухудшение советско-американских отношений. В течение этого времени не был решен ни один из крупных вопросов, стоящих на повестке дня взаимоотношений между двумя странами: не наблюдалось никакого продвижения на советско-американских переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений, по ограничению ядерных вооружений в Европе, а также на переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. По вине США продолжали сворачиваться торгово-экономические и научно-технические связи. Несомненно, что дальнейшее ухудшение советско-американских отношений может подорвать остатки того позитивного, что было достигнуто в них в предшествующие годы.

Принимая 2 июня 1983 г. видных американских политических общественных деятелей Д. Гарримана и его супругу П. Гарриман, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов дал следующую оценку современному состоянию советско-американских отношений: «Сегодня у советских людей и американцев тоже есть общий враг — угроза войны, несравнимой по своим разрушительным последствиям с пережитой.

Казалось бы, сознание этой опасности и должно быть общим знаменателем, побуждающим государственных деятелей СССР и США к обоюдной сдержанности и способным стать основой общих усилий найти взаимоприемлемые договоренности, чтобы не произошло непоправимого. К сожа-

лению, ... такого ответственного подхода со стороны нынешней американской администрации мы не видим. Политика, преследующая цель достичь военного превосходства над Советским Союзом и диктовать ему свои условия, бесперспективна. Она лишь перечеркивает то позитивное, что было достигнуто ранее в отношениях между СССР и США, и подрывает основы доверия между ними. В результате сложилась обстановка, которая не может не вызывать тревогу»¹.

Озабоченность таким положением дел выражают и многие американские политические наблюдатели, полагающие, что 80-е годы будут иметь решающее значение для советско-американских отношений: их развитие пойдет или по пути нормализации, или по пути дальнейшего нарастания напряженности.

Истоки антисоветского курса администрации Рейгана

Главные причины ухудшения советско-американских отношений в начале 80-х годов коренятся в нежелании администрации Рейгана вернуть отношения с СССР на путь разрядки и нормализации, изыскать взаимоприемлемые решения неотложных проблем ограничения и сокращения вооружений, а также других острых международных вопросов. Конечно, никакая администрация в Вашингтоне не может полностью игнорировать реальности современного мира, не считаться с мощью Советского государства, воздействием на ход мирового развития его миролюбивой политики, выдвигаемых им конструктивных и далеко идущих инициатив, нацеленных на то, чтобы снять нынешний накал напряженности в мире, добиться конкретных сдвигов в деле обуздания гонки вооружений и укрепления международной безопасности. Но одно обстоятельство достаточно очевидно: истекший период пребывания у власти администрации Рейгана показал, что она не имеет и не стремится иметь какую-либо конструктивную программу развития отношений с Советским Союзом, всячески пытаясь прикрыть отсутствие доброй воли разного рода политическими и пропагандистскими маневрами.

Как уже отмечалось, внешнеполитическая стратегия нынешнего руководства Белого дома в отношении нашей страны, а также предпринимаемые им конкретные действия на

протяжении истекшего периода пребывания у власти Р. Рейгана в значительной мере связаны со сдвигом на рубеже 70—80-х годов в умонастроениях правящих кругов в США в целом в сторону антисоветизма. Однако, помимо этого, существенную роль здесь сыграл и приход к власти представителей наиболее воинственных группировок правящего класса США, политиков, стоящих на позициях ярого антисоветизма, имеющих весьма примитивные, но вместе с тем достаточно устойчивые представления о Советском Союзе, его политической системе, рассматривающих многие международные проблемы прежде всего и главным образом сквозь призму американо-советского противоборства. Ведь многие из тех, кто занимает сегодня важные государственные посты, в недавнем прошлом, по сути дела, отвергали разрядку как наиболее разумный путь строительства отношений с Советским Союзом.

Философия нынешнего американского руководства, антисоветские установки проводимого им внешнеполитического курса были с достаточной полнотой изложены в ряде исследований, подготовленных на рубеже 70—80-х годов в кругах республиканской партии, близких к администрации. Смысл всех этих материалов сводится к отнюдь не новым целям: путем усиления нажима на СССР по многим направлениям, и прежде всего всесторонне наращивая военную мощь США и блока НАТО, попытаться ослабить внешнеполитические позиции СССР, его союзников и друзей, подорвать внутривластные устои социализма, добиться от СССР односторонне выгодных США уступок.

Хотелось бы напомнить, что еще в ходе избирательной кампании 1980 года кандидат от республиканской партии Р. Рейган выступал под лозунгами «восстановления экономической и военной силы» США, «изменения неблагоприятных тенденций в стратегическом балансе США — СССР» и активной защиты «жизненно важных» интересов США в мире. В предвыборной платформе республиканской партии утверждалось, что «угроза» США, якобы исходящая со стороны СССР, является «большей, чем когда-либо, за всю двухсотлетнюю историю США», и выражалось убеждение республиканской партии, особенно ее правого крыла, в том, что «Соединенные Штаты могут вести переговоры с Советским Союзом лишь с позиции безусловной силы»².

О том, что аналогичными установками руководствуется нынешняя американская администрация, свидетельствуют выступления ее представителей на протяжении последних лет. Это подтверждают и просочившиеся в американскую

печатать сведения о проводившихся в 1981—1982 годах в госдепартаменте, СНБ, а также Пентагоне оценках современного соотношения сил в мире, результатами которых вашингтонские стратеги пытались обосновать «правомерность» отхода США от разрядки.

Администрация Рейгана, занимая позиции ярого антикоммунизма и антисоветизма, рассматривает СССР сквозь призму стереотипов времен «холодной войны». Так, отправной точкой при оценке тех или иных аспектов внешней политики СССР является утверждение, что с Советским Союзом якобы «невозможны конструктивные отношения» на том основании, будто бы советские ценности «не могут конкурировать» с западными, и поэтому даже сам факт существования последних рассматривается-де в СССР как «угроза его собственному строю, идеологии и коммунистической морали». При этом Советскому Союзу приписывают несвойственное ему стремление создать некое «всемирное социалистическое или коммунистическое государство» и т. д. Раздаются голоса, декларирующие, что СССР будто бы «не приемлет» принцип мирного сосуществования с капиталистическими странами и провозглашает его лишь для того, чтобы «усыпить бдительность» Запада, «подорвать» его единство и использовать благоприятные условия для «нанесения ущерба» его безопасности.

Подобного рода одиозные высказывания, навеянные стремлением руководителей нынешней администрации исказить подлинную направленность советской внешней политики, соответствуют одному из ключевых направлений реализации современной стратегии Вашингтона, ориентирующей Соединенные Штаты на конфронтацию с Советским Союзом. Вывод о том, что СССР якобы «не признает» принципа мирного сосуществования, преследует цель снять с Соединенных Штатов ответственность за отказ от политики сотрудничества, переложить ее на Советский Союз. Этой же цели отвечает и извращенная трактовка нынешними лидерами США послевоенной истории советско-американских отношений, их попытки нарисовать такую картину, которая наводила бы на мысль, что политика «с позиции силы» — единственно разумный курс в отношениях с Советским Союзом. Одновременно бездоказательно утверждается, что разрядка «выгодна лишь СССР».

С голословными обвинениями против Советского Союза постоянно выступает и сам президент Рейган. Еще накануне вступления в должность он сделал заявление, в кото-

ром утверждал, что «за всеми беспорядками, происходящими в мире, стоит СССР»³. Провозглашенный им в последующий период «крестовый поход» против коммунизма, попытки представить СССР в качестве «империи зла» и т. п. свидетельствуют о том, что в Вашингтоне продолжают придерживаться крайне предвзятых и искаженных стереотипов. Очередным подтверждением такой позиции Белого дома стала пресс-конференция Рейгана 20 января 1983 г. Отвечая на вопрос о доверии к Советскому Союзу, Рейган сослался на свою пресс-конференцию в январе 1981 года, когда он утверждал, что советские руководители якобы «сохраняют за собой право нарушать обещания, менять свой курс, быть нечестными и т. д., если это содействует успеху дела социализма». «На днях,— продолжал он,— один из вас писал об этом и цитировал десять заповедей Ленина, которые он опубликовал как десять ... руководящих принципов коммунизма. В этом они все, эти обещания, как корочка пирога: их дают для того, чтобы сломать»⁴. Позднее выяснилось, что «десять заповедей», приписываемых В. И. Ленину, появились на свет в пропагандистской фальшивке, выпущенной гитлеровцами в годы второй мировой войны.

Характеризуя столь одиозный подход администрации Рейгана к отношениям с СССР, акад. Г. А. Арбатов отмечал: «Многие люди, находящиеся сейчас в Америке в высших эшелонах власти, воспринимают мир, возникающие проблемы и события, саму политику в чисто пропагандистских представлениях. Я имею в виду не только слепую, совершенно непримиримую ненависть ряда американских руководителей к Советскому Союзу и не только постоянно затеваемые ими крайне шумные и лживые пропагандистские кампании. Речь идет еще и о том, что неприятные для правителей США события сплошь и рядом воспринимаются как результаты чьей-то зловредной пропаганды. А ответ на эти события, естественно, дается тоже в виде очередной пропагандистской кампании»⁵.

Тот факт, что официальный Вашингтон не отказывается от примитивных антисоветских стереотипов, широко признается и американскими специалистами. Можно в этой связи привести оценку директора Института международных исследований при Колумбийском университете С. Биалера, высказанную им в статье «Рейган и Россия», опубликованной авторитетным в США журналом «Форин афферс». «Несмотря на те или иные нововведения и приспособления, и внутренняя, и внешняя политика администрации Рейгана, как и его избирательная кампания, продолжают сохранять чер-

ты идеологического «крестового похода». В своей внешней политике президент Р. Рейган подчинил все решения конфликту между Востоком и Западом в качестве центрального направления внешнеполитических усилий США. Пребывание его у власти показывает, что подход президента к СССР в меньшей степени отражает какой-то комплексный и последовательный долгосрочный политический курс, нежели общую идеологическую ориентацию, соединенную с некоторыми конкретными и противоречивыми элементами политики. Результатом такого подхода, по крайней мере в краткосрочном плане, явилось резкое ухудшение американско-советских отношений до уровня серьезной новой конфронтации и взаимных подозрений»⁶.

Продолжая придерживаться своих одиозных оценок советской внешней политики, Вашингтон в то же время вынужден считаться с другими факторами мировой и внутренней политики, которые оказывают определенное влияние на его подход к отношениям с СССР. Например, сменив тактику и попытавшись представить дело так, будто он всегда стоял на стороне миролюбивых сил, разделял их чувство озабоченности по поводу угрозы ядерной войны, президент США, как известно, в своем выступлении в колледже города Юрика 9 мая 1982 г. объявил о готовности Соединенных Штатов к возобновлению переговоров с СССР по ограничению и сокращению стратегических вооружений и, как могло бы показаться с первого взгляда, несколько изменил свои представления о позиции советской стороны. «Я не сомневаюсь,— заявил он,— что советский народ и ...советские руководители глубоко заинтересованы в предотвращении использования ядерного оружия. Советский Союз познал разрушения в ходе тотальной неядерной войны и сознает, что ядерная война будет еще более ужасной»⁷.

Однако речь шла не о действительных переменах во взглядах президента, а о пропагандистском прикрытии, попытках придать видимость конструктивности американскому подходу к переговорам, предложениям американской стороны о «существенном сокращении» стратегических систем, ставящим своей целью нанести ущерб безопасности СССР. Да и в самой речи в Юрике президент предпослал вышеприведенному высказыванию о глубокой заинтересованности СССР в «предотвращении использования ядерного оружия» такие измышления о характере советской политической системы, о его некоей «агрессивности», что неискренность подобной оценки становится совершенно очевидной.

О том, что несколько меняющийся время от времени тон

американских официальных заявлений не является следствием перемен во взглядах и убеждениях руководителей США, а скорее отражает необходимость политического маневрирования под давлением тех факторов, с которыми они считают необходимым считаться, можно также судить, сопоставляя заранее подготовленные речи официальных лиц с их пресс-конференциями или с теми разделами их выступлений, где они отходят от текста. Такую работу провел, в частности, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Л. Гелб, проанализировав выступления Р. Рейгана весной 1982 года. «Его по-прежнему тянет к конфронтациям, и он склонен видеть мир в черно-белых красках, — пишет Гелб. — Это видно, когда он говорит без подготовки, экспромтом»⁸.

Кроме того, Вашингтон, пытаясь представить себя сторонником улучшения отношений с СССР и одновременно создать впечатление, что нормализация отношений якобы «упирается в поведение» СССР, выдвигает целый список неприемлемых для нашей страны требований в качестве предварительного условия установления «более стабильных» советско-американских отношений. Так, в своем выступлении 8 января 1983 г. президент Рейган утверждал, что США не стремятся лишить Советский Союз «статуса великой державы» или «ущемить его законные национальные интересы», однако выдвинул при этом целый перечень претензий, касающихся внешней и внутренней политики СССР, выполнение которых, по его утверждению, якобы помогло бы «урегулировать основные проблемы и улучшить отношения»⁹.

Даже некоторые американские специалисты вынуждены признать, что заверения Белого дома в стремлении к нормализации отношений с СССР не имеют ничего общего с его истинными намерениями. Силовой, «жесткий» подход Вашингтона, по их мнению, есть не что иное, как попытка «поставить Советский Союз перед выбором: либо столкнуться с конфронтацией, либо капитулировать»¹⁰. В соответствии с такой установкой США используют практически любой повод, любую международно-политическую проблему для того, чтобы попытаться диктовать свою волю, не допустить позитивных сдвигов в советско-американских отношениях.

Оценивая эти негативные тенденции в политике США, товарищ Ю. В. Андропов говорил на Пленуме ЦК КПСС в ноябре 1982 года: «В сохранении мира и разрядки одинаково заинтересованы все. Поэтому по меньшей мере несерьезно звучат заявления, в которых готовность к нормализации отношений связывается с требованием, чтобы Советский

Союз платил за это какими-то предварительными уступками в самых разных областях. На такое мы не пойдем. Да нам, собственно, и отменять нечего: санкций ни против кого мы не вводили, от подписанных договоров и соглашений не отказывались, начатых переговоров не прерывали. Еще раз хочу подчеркнуть — Советский Союз за соглашение, но искать его надо на основе взаимности и равноправия»¹¹.

Основные проявления антисоветской линии Вашингтона

Как показывает опыт истекших лет, предпринятые администрацией Рейгана практические действия, внешняя политика Вашингтона сориентированы на достижение следующих целей:

во-первых, изменить общий баланс сил в мире в пользу США (особенно американо-советский военный баланс) путем резкой интенсификации гонки вооружений и усиления позиций США и их союзников на региональном уровне, и прежде всего в Западной Европе;

во-вторых, используя всестороннее наращивание военной мощи США и блока НАТО, ограничение торговых связей с СССР, расширение форм и методов идеологической борьбы, попытаться затормозить реализацию планов советского мирного строительства, ослабить устои социализма, а также внешнеполитические позиции Советского Союза;

в-третьих, подорвать престиж СССР в мире, породить недоверие к его внешней политике и к вносимым им предложениям по вопросам ограничения гонки вооружений и укрепления международной безопасности;

в-четвертых, помешать дальнейшему развитию сотрудничества СССР с западноевропейскими капиталистическими странами, в частности в экономической сфере, которое не устраивает Вашингтон прежде всего потому, что оно повышает заинтересованность этих стран в поддержании нормальных отношений с СССР, сохранении и расширении разрядки на европейском континенте;

и, наконец, в-пятых, подорвать позиции СССР, солидарных с ним сил в «стратегически важных для США районах» (на Ближнем Востоке, а также в Латинской Америке, в частности в зоне Карибского бассейна) в основном путем расширения политической, военной и экономической поддержки прозападным режимам в развивающихся странах и одновременно усиления нажима на развивающиеся стра-

ны прогрессивной ориентации, имеющие с СССР тесные связи.

«Агрессивные устремления империализма, — подчеркивал в своем докладе 22 апреля 1983 г. «Ленинизм — живое творческое учение, верное руководство к действию» член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, — направлены в первую очередь против Советского Союза, всего социалистического содружества. Экономические санкции и психологическая война, попытки организовать «крестовый поход» против коммунизма, вмешательство во внутренние дела социалистических государств вплоть до вскармливания контрреволюционной «пятой колонны», как, например, в Польше, — все это реальная действительность, неопровержимые факты.

Империалистическая реакция, как это было уже не раз, жаждет переиграть заново историю, потеснить мировой социализм, затормозить освободительное движение народов. По сути дела, социализму ставится ультиматум — если он не сдаст своих позиций, то развитие пойдет по наклонной плоскости к войне. Но альтернатива: либо подчинение диктату империализма в мировом масштабе, либо мировая война — безумна и чудовишна в самой своей основе»¹².

Исключительно антисоветская направленность курса США объясняет тот факт, что на протяжении истекших лет Вашингтон не проявил какого-либо серьезного желания искать взаимоприемлемые решения ключевых проблем советско-американских отношений, не выработал какой-либо позитивной программы выправления ненормального положения дел в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Вместе с тем, будучи не в состоянии не считаться со стратегическими реальностями, с позицией многих стран Западной Европы, а также с растущей неудовлетворенностью общественности и определенной части правящих кругов в самих США нынешним «жестким» курсом Вашингтона, администрация была вынуждена против своей воли пойти на некоторые контакты в отдельных сферах взаимоотношений с СССР.

На протяжении 1981—1983 годов состоялся ряд советско-американских встреч на уровне министров иностранных дел, в ходе которых стороны обменялись мнениями по вопросам современного состояния отношений между двумя странами, принципиальных основ этих отношений, ограничения гонки вооружений, а также по другим проблемам международных отношений. На этих встречах, в частности, удалось согласовать сроки возобновления советско-амери-

канских переговоров по ограничению и сокращению стратегических вооружений и по ограничению ядерных вооружений в Европе. В принципиальном плане вопросы советско-американских отношений обсуждались и в ходе встречи 15 ноября 1982 г. в Москве товарища Ю. В. Андропова с вице-президентом Соединенных Штатов Дж. Бушем и государственным секретарем Дж. Шульцем. При этом Ю. В. Андропов подчеркнул, что Советский Союз, последовательно проводя политику мира, готов строить отношения с США на основе полного равенства, невмешательства, взаимного уважения в интересах народов обеих стран и оздоровления международной обстановки.

Однако американское руководство продолжает препятствовать налаживанию широкого, полномасштабного диалога между СССР и США на разных уровнях, в том числе и на высшем, как это предлагала советская сторона на XXVI съезде КПСС, а также в последующий период. В частности, Вашингтон не откликнулся позитивно на сделанное советскими руководителями в конце декабря 1982 года заявление о возможности организации и проведения советско-американской встречи в верхах при условии ее тщательной подготовки. В ответ на это президент Рейган выдвинул идею о проведении встречи с единственной целью подписания соглашения о ракетах средней дальности на основе абсолютно неприемлемого для СССР «нулевого варианта». Все это дает основания полагать, что Вашингтон не стремится смягчить напряженность в политической сфере отношений с СССР, придать им в целом конструктивный характер, пойти на какие-то компромиссные решения, особенно по вопросам ограничения гонки вооружений.

В ответах товарища Ю. В. Андропова на вопросы корреспондента «Правды» в этой связи подчеркивалось: «Мы считали и считаем, что встречи на высшем уровне имеют особое значение для решения сложных проблем. Это определяет наш серьезный подход к ним.

Для нас это не вопрос политической или пропагандистской игры. Встреча между руководителями СССР и США, нацеленная на нахождение взаимоприемлемых решений по актуальным проблемам, на развитие отношений между нашими странами, была бы полезной и для Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, для Европы и всего мира.

Когда же президент США обуславливает встречу согласием Советского Союза с предлагаемым им заведомо неприемлемым решением проблемы ядерных вооружений в

Европе, то это отнюдь не свидетельствует о серьезном подходе американского руководства ко всему этому вопросу. Об этом можно лишь сожалеть»¹³.

Усиливая взятый еще администрацией Картера курс на подрыв позиций СССР на мировой арене, Вашингтон проводит резко антисоветскую линию во всех сферах международной жизни. Так, развернув шумную антисоветскую кампанию в связи с польскими событиями, администрация стремилась извлечь из этих событий пропагандистский выигрыш, использовать их в качестве предлога для затягивания позитивного завершения встречи в Мадриде, а также в целях нажима на СССР в области двусторонних отношений. В частности, вопрос о Польше американская сторона пыталась поднять и на советско-американской встрече на уровне министров иностранных дел, состоявшейся в Женеве в конце января 1982 года.

Все более выраженный характер носят и попытки Вашингтона ослабить социалистическое содружество, вбить клин между СССР и другими странами социализма. События в Польше показывают, что Соединенные Штаты не отказываются от намерений оказать выгодное для империализма воздействие на развитие внутривнутриполитической обстановки в отдельных социалистических странах как путем использования «неофициальных каналов», так и путем попыток обуславливать экономическое сотрудничество разного рода политическими требованиями, принимать экономические санкции, как это имело место в отношении ПНР.

Администрация Рейгана отказывается от взаимодействия с СССР в решении острых международных проблем, в частности такой взрывоопасной, как ближневосточная. Вашингтон оставил без внимания неоднократные призывы СССР приложить совместные усилия двух стран в деле обуздания израильских агрессоров, решения ближневосточного конфликта на справедливой основе. Американская сторона на деле всячески противится решению политических проблем, возникающих вокруг Афганистана, расширяя военную помощь афганским контрреволюционерам, оказывая нажим на правительство Пакистана с целью воспрепятствовать афгано-пакистанскому диалогу. Согласно данным афганского правительства, сразу же после победы Апрельской революции в Афганистане ЦРУ стало создавать на территории Пакистана специальные лагеря для подготовки контрреволюционных банд и засылки их в соседнюю страну. За пять лет было создано более 100 таких лагерей. Если на их содержание за этот период США израсходовали 218 млн. долл., то

только на 1983 год они выделили 105 млн. Вместе с США афганскую контрреволюцию финансируют также и их союзники по НАТО.

Серьезно осложнила советско-американские отношения в начале 80-х годов линия США на безудержное наращивание своего военного потенциала. Администрация Рейгана заявила о намерении израсходовать за пятилетие с 1982 по 1986 год на военные цели как минимум 1,6 трлн. долл., хотя многие эксперты в США считают, что фактически эта сумма составит 2,2 трлн. 6 августа 1981 г. администрация приняла решение о полномасштабном производстве нейтронного оружия. По данным американской печати, уже начато производство около 1 тыс. артснарядов, которые могут быть оснащены нейтронными боеголовками. В марте 1982 года была объявлена программа наращивания химических вооружений. В частности, планируется увеличить в ближайшие годы арсенал химических боеприпасов с 3 млн. ед. до 5 млн. 2 октября 1982 г. была обнародована программа модернизации стратегических сил США, предусматривающая производство и развертывание «в наикратчайший срок» 100 бомбардировщиков Б-1, разработку нового «бомбардировщика — невидимки» («Стелс»), продолжение программы строительства подводных лодок «Трайидент», создание новой, более крупной и точной баллистической ракеты морского базирования и размещение крылатых ракет на существующих подводных лодках, совершенствование системы связи и контроля.

23 марта 1983 г. президент Рейган объявил о решении США приступить к созданию нового гигантского комплекса противоракетного оружия якобы сугубо оборонительного назначения, размещаемого на Земле и в космическом пространстве и обеспечивающего де-факто полную безопасность для Соединенных Штатов в случае глобального ядерного конфликта. В апреле 1983 года администрация приняла решение о производстве 100 новых межконтинентальных ракет наземного базирования «МХ» и о размещении их в специально укрепленных шахтах для существующих ракет «Минитмен».

Эти решения со всей очевидностью говорят о намерении США добиваться преимущества над СССР практически во всех сферах военного противостояния. Об этом же свидетельствует и разработанная Пентагоном и подписанная 22 марта 1982 г. министром обороны США К. Уайнбергером директива «Руководство в области обороны на 1984—1988 годы», в которой прямо говорится о том, что США должны

«выработать планы для нанесения поражения Советскому Союзу на любом уровне вооруженного конфликта», а также о целесообразности создания таких систем оружия, которые Советскому Союзу «трудно было бы нейтрализовывать и которые к тому же навязывали бы ему непропорционально высокий уровень затрат, открывали бы новые направления крупномасштабного военного соревнования и обесценивали бы предыдущие советские затраты»¹⁴. Директивой предусмотрено массивное наращивание обычных и модернизация ядерных вооружений, усиление подрывных операций и «психологической войны» против СССР и его союзников, использование в широких масштабах космоса в военных целях.

В январе 1983 года американская печать вновь опубликовала некоторые материалы об этом документе. По сведениям журналистов, в нем постулируется, что важнейшим элементом американской военной стратегии является эскалация конфликта с участием сил общего назначения до уровня ядерной войны. Утверждается, что США «имеют возможность» выиграть такую войну. Директива нацеливает вооруженные силы США на нанесение первого ядерного удара по объектам на территории СССР и стран Варшавского Договора, используя, в частности, ядерное оружие средней дальности в Европе. В документе содержится требование к министерству армии разработать и принять на вооружение новый усовершенствованный тип ядерной ракеты средней дальности для замены дислоцированных в западноевропейских странах ракет «Лэнс». Морской пехоте США вменяется в обязанность использовать самолеты «Харриер» в качестве носителей ядерного оружия, а министерству ВВС — начать уже в 1984 финансовом году постоянное патрулирование периметра границ СССР и стран Варшавского Договора с помощью самолетной системы АВАКС. В документе конкретно рассматривается возможность отказа США от переговоров с СССР по контролю над вооружениями, если они будут мешать осуществлению планов изменения соотношения военных сил в пользу США. Директива не исключает также и срыва действующего договора между двумя странами об ограничении систем противоракетной обороны¹⁵.

Администрация Рейгана сделала новые опасные шаги и в развитии «ядерной стратегии» США, взяв на вооружение так называемую концепцию «затяжной ядерной войны». Руководствуясь этой концепцией, Пентагон разработал в начале августа 1982 года в качестве специального приложения

к упоминавшемуся выше «Руководству в области обороны на 1984—1988 годы» секретный документ, который в американской прессе получил название «стратегического генерального плана» и который как раз и является развитием картеровской директивы № 59. Новый вариант «ядерной стратегии» США предусматривает возможность ведения ядерной войны продолжительностью не менее шести месяцев, а также «допустимый уровень» жертв в США в 20 млн. человек. В целях его реализации принимаются меры по модернизации систем военного командования, управления и связи, а также по укреплению гражданской обороны.

Такая общая ориентация современной американской военно-политической стратегии привела к тому, что вопросы ограничения вооружений оказались, по сути дела, на последнем месте в системе внешнеполитических приоритетов Вашингтона. Правда, нарастание антивоенного движения в США и Западной Европе, усиливающиеся протесты в стране против безудержного наращивания военных приготовлений, сохраняющиеся экономические трудности, озабоченность Вашингтона тем, что США предстали в мире как неконструктивная сила, отказывающаяся от переговоров по установлению контроля над гонкой вооружений, тем более на фоне конкретных позитивных инициатив СССР, побудили Вашингтон пойти после длительных проволочек на возобновление переговоров по ограничению ядерных вооружений в Европе, а затем и по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Продолжала функционировать и советско-американская Постоянная консультативная комиссия, созданная для содействия осуществлению целей и положений Договора об ограничении систем ПРО и Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, а также Соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны. Так, на проходившей с 9 ноября по 15 декабря 1982 г. специальной сессии этой комиссии стороны совместно рассмотрели Договор о ПРО после десятилетнего периода его действия, подтвердили свою приверженность целям и задачам Договора, процессу консультаций в рамках данной комиссии. В декабре 1982 года имели место советско-американские консультации по проблемам нераспространения ядерного оружия, в ходе которых состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов.

Однако в целом подход администрации Рейгана к ограничению и сокращению как ядерных, так и обычных

Вооружений носит сугубо негативный характер. В ноябре 1981 года Соединенные Штаты выдвинули односторонне выгодные США предложения на переговорах по ограничению ядерных вооружений в Европе, а в мае 1982 года — и на советско-американских переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Эти предложения направлены на одностороннее разоружение СССР, в то время как за США сохраняется право на модернизацию ядерных вооружений с целью повышения их возможностей уничтожать военные объекты противника и способности к «выживанию» на случай ядерной войны.

Нынешнее руководство в Белом доме не приложило никаких усилий для ратификации Договора ОСВ-2. Правда, весной 1982 года президент Рейган формально заявил о том, что США в общем будут придерживаться его положений. «На деле, однако, — подчеркивал А. А. Громыко, — американская сторона не делает секрета из того, что она будет придерживаться договора до тех пор, пока ее обязательства по этому договору не придут в противоречие с соответствующими практическими шагами правительства США по наращиванию стратегических вооружений, т. е. в противоречие с реальной политикой, с реальным состоянием вооружений Соединенных Штатов»¹⁶.

Летом 1982 года Р. Рейган объявил об отказе США участвовать в трехсторонних переговорах о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия, а также об отказе ввести в действие такие важные советско-американские документы, как Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия 1974 года, Договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях 1976 года и протокол к этому договору, мотивируя свой отказ «недостаточной разработанностью систем проверки» выполнения сторонами положений этих договоров. Американская администрация не проявляет желания договориться с СССР по проблемам запрещения химического оружия, а также отказывается возобновить переговоры по Индийскому океану, по проблемам ограничения поставок обычных вооружений, а также по ограничению военной деятельности в космосе. Негативный характер носили и «новые» предложения Запада (июнь 1982 г.) на переговорах в Вене о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Причем они были выдвинуты в тот момент, когда после долгих лет упорных усилий участники переговоров подошли вплотную к возможности начать работу непосредственно над текстом соглашения.

Ухудшению советско-американских отношений способствовала и неконструктивная позиция администрации Рейгана в отношении советских предложений и мирных инициатив в области ограничения вооружений, обеспечения международной безопасности в целом, выдвинутых в 1981—1983 годах. Администрация отвергла предложение СССР о моратории на размещение средств средней дальности на время ведения переговоров в Женеве, отклонила советский план поэтапного радикального сокращения ядерных вооружений в Европе, объявила «пропагандистским маневром» решение СССР сократить в одностороннем порядке некоторую часть советских ракет средней дальности, размещенных в европейской части Советского Союза, не раз поднимая при этом шумиху о якобы имеющих место «нарушениях» взятых Советским Союзом в одностороннем порядке обязательств. Президент Рейган отклонил и выдвинутое в декабре 1982 года нашей страной предложение о готовности СССР сохранить в Европе столько ракет средней дальности, сколько их имеют Англия и Франция при условии неразмещения там американских «Першингов» и крылатых ракет.

Выдвинутый же с большой помпой президентом в конце марта 1983 года так называемый «промежуточный вариант» на переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе неприемлем для Советского Союза, поскольку в нем не учитываются английские и французские средства средней дальности, многие сотни американских самолетов — носителей ядерного оружия, базирующихся в Западной Европе, а также содержится абсолютно необоснованное требование о ликвидации советских ракет средней дальности в азиатской части СССР. Характеризуя этот «вариант» как явную попытку добиться односторонних выгод, А. А. Громыко отмечал: «В целом, если сейчас НАТО имеет в Европе полуторное преимущество по ядерным боезарядам средней дальности, то в случае реализации «промежуточного варианта»... у НАТО стало бы почти в 2,5 раза больше таких боезарядов, чем у Советского Союза»¹⁷.

Американская администрация не откликнулась и на такую важную советскую инициативу, как принятие Советским Союзом в июне 1982 года одностороннего обязательства не применять первым ядерное оружие. Вашингтон отклонил и советское предложение заморозить вооружения стратегического назначения, прекратить процесс количественного наращивания, максимально ограничить их качественное совершенствование и тем самым обеспечить наибо-

лее благоприятные условия для достижения договоренности на переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений. США, другие страны НАТО уходят от ответа и на такую важную миролюбивую инициативу социалистических стран, как предложение (от 7 января 1983 г.) заключить между государствами — участниками Варшавского Договора и государствами — членами НАТО договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира.

Следовательно, так называемые «мирные инициативы» администрации Рейгана на деле есть попытки использовать переговоры с СССР в качестве пропагандистского прикрытия убыстренного наращивания вооружений, прежде всего стратегических, в целях сбить с толку широкие слои общественности, свалить вину на СССР за отсутствие прогресса в области контроля над вооружениями и разоружения, «подправить» образ Америки в мире, не допустить углубления противоречий с союзниками и одновременно прикрыть словесным «разоруженческим» камуфляжем антиразрядочную, резко милитаристскую позицию Вашингтона.

Примечательно, что это не в состоянии отрицать и американские политологи. Так, в докладе сотрудника американской ассоциации по контролю над вооружениями Дж. Порро, в котором анализируется подход администрации Рейгана к этой проблеме на протяжении истекшего периода пребывания ее у власти, говорится: «Главные фигуры в администрации, которые выступали против разрядки и контроля над вооружениями, не изменили своей точки зрения. Они вынуждены идти на компромисс, поскольку убедились в том, что обеспечить поддержку европейцами решения НАТО о модернизации ядерных средств средней дальности можно, лишь предпринимая какие-то шаги в области контроля над вооружениями... Однако многие из них идут на компромисс с огромной неохотой. Они по-прежнему видят главную задачу американской военной политики в том, чтобы добиться крупного наращивания сил США как в сфере ядерных, так и обычных вооружений...»¹⁸.

Значительно осложняют советско-американские отношения и попытки администрации Рейгана проводить «экономическую войну» против СССР, ограничивать американо-советские торгово-экономические и научно-технические связи, предпринимать целенаправленные усилия по разрушению той системы контактов, которая была создана в 70-е годы. Характеризуя общие принципы американской политики в сфере торговли с Советским Союзом, заместитель госсек-

ретаря США Л. Иглбергер утверждал 12 июля 1981 г., что задачей США является выработка такого подхода, который сводил бы к минимуму уязвимость Запада перед лицом некоего «давления» со стороны СССР, лишал бы Советский Союз наиболее современной технологии и товаров, максимально «расширял бы возможности для нажима со стороны США» и «не наносил бы ущерба американским производителям»¹⁹.

Правда, в апреле 1981 года администрация Рейгана отменила введенные предыдущим правительством ограничения на экспорт в СССР сельскохозяйственной продукции. 6 августа 1981 г. была достигнута договоренность о продлении на год соглашения от 25 октября 1975 г. относительно поставок зерна в СССР. Но эти шаги Белого дома были предприняты главным образом под давлением американских фермеров, понесших существенные убытки от введения эмбарго на экспорт зерна в Советский Союз, а также вследствие того, что оно не нанесло ущерба СССР и не было поддержано другими капиталистическими странами.

29 декабря 1981 г. под предлогом мнимой «причастности» СССР к введению в Польше военного положения США объявили о принятии очередных «санкций» против СССР. В частности, были приостановлены полеты самолетов Аэрофлота в США, отложены переговоры о новом советско-американском соглашении по морскому судоходству, осложнен порядок выдачи разрешений на продажу СССР некоторого оборудования для нефтяной и газовой промышленности, ужесточен режим захода советских судов в американские порты, отложены переговоры о новом долгосрочном соглашении о поставках зерна. Американская сторона отказалась продлить соглашения о сотрудничестве в области науки и техники, в исследовании космического пространства в мирных целях, а также в области энергетики, срок которых истекал в период с мая по июнь 1982 года.

При этом в Вашингтоне прилагали весьма активные усилия с целью подключить к своей антисоветской линии союзников по военному блоку НАТО, а также Японию. В июне 1982 года президент Рейган принял решение об экстерриториальном распространении «санкций» на европейские филиалы американских фирм и на европейские фирмы, производящие продукцию по американским лицензиям, которые в нарушение запрета США продолжали выполнять условия контрактов по поставкам оборудования для строительства газопровода Сибирь — Западная Европа. Однако этот шаг администрации натолкнулся на серь-

езное сопротивление западноевропейцев, в силу чего Р. Рейгану пришлось отменить в ноябре 1982 года так называемые «санкции». Вместе с тем Вашингтон продолжает добиваться от своих партнеров ужесточения условий кредитования сделок с СССР. Под давлением США в апреле 1982 года западноевропейские страны, а также Япония договорились относительно повышения на 0,25 — 0,5% годовых ставок по кредитам при экспорте в СССР.

Кроме того, Белый дом принял ряд мер с целью затруднить ознакомление советских ученых с американскими научными публикациями. Так, в сентябре 1982 года министерство обороны США запретило публикацию 100 научных работ американских ученых на состоявшейся в конце августа конференции в Сан-Диего по оптическим приборам, в которой принимали участие и советские представители. В том же месяце руководитель таможенного управления США сообщил о создании группы из 300 человек для усиления контроля над электронной промышленностью Калифорнии в целях предотвращения «утечек» новейшей технологии в СССР. На операцию, получившую название «Исход», было ассигновано 22 млн. долл. С октября 1981 по январь 1983 года таможенные власти США арестовали около 50 представителей различных фирм, которым было предъявлено обвинение в «нарушении» ограничений на экспорт в СССР²⁰.

Очередную попытку добиться от союзников введения новых ограничений на торговлю с СССР Вашингтон предпринял на состоявшемся в октябре 1982 года заседании КОКОМ — Координационного комитета НАТО по контролю над экспортом стратегических товаров в СССР. США представили дополнительный список, насчитывавший около 50 категорий товаров, которые, по мнению Вашингтона, должны быть запрещены к вывозу в Советский Союз. Более того, американская делегация настаивала на превращении КОКОМ в постоянный орган со своим аппаратом, который бы осуществлял строгий контроль за соблюдением эмбарго на экспорт запрещенных товаров. При этом Белый дом рассчитывал нанести ущерб экономическим интересам как СССР, так и своих западноевропейских конкурентов, одновременно подорвав сеть сложившихся взаимовыгодных экономических связей между Востоком и Западом, которые играют немаловажную роль в сохранении интереса стран Западной Европы к поддержанию нормальных отношений с СССР. Причем представители администрации США открыто заявляют о том, что эти меры преследуют цель

«возложить дополнительное бремя на экономику СССР и других стран — членов СЭВ, что уже само по себе окажет негативное влияние на перспективы развития экономических связей между Востоком и Западом»²¹.

Новым шагом в направлении сокращения торгово-экономических связей с СССР стало подписание Р. Рейганом в марте 1983 года директивы № 75, предусматривающей усиление экономического нажима на Советский Союз. Этот документ, подготовленный бывшим сотрудником аппарата СНБ Р. Пайпсом и изданный СНБ в качестве директивного решения по национальной безопасности, предоставляет президенту право, действуя по собственному усмотрению, аннулировать уже заключенные американскими фирмами торгово-экономические соглашения с советскими организациями, с тем чтобы усилить экономический нажим на СССР.

В апреле 1983 года президент Рейган внес в конгресс законопроект, предусматривающий введение торговых санкций против государств, которые «в нарушение американских распоряжений» поставляют в СССР современное технологическое оборудование. В случае принятия этого законопроекта американские власти смогут произвольно ограничивать импорт в США товаров из тех стран, которые, по мнению Вашингтона, слишком «мягко» ведут себя в отношении Советского Союза. Недаром американская печать называет вдохновителями этой акции ставленников в правительстве калифорнийской монополии «Бектел». Кроме патологической ненависти к СССР ими движут, видимо, и весьма «земные» мотивы: «Бектел» является крупнейшим в США строителем нефте- и газопроводов и вынашивает рассчитанные на много лет вперед планы экспорта в Западную Европу и Японию газа с не эксплуатирующихся пока месторождений на Аляске. По сообщениям западной прессы, власти США уже официально предложили этим странам ввести новые ограничения на экспорт в СССР машин, оборудования и технологии, выходящие за рамки нынешних «запретных списков» КОКОМ, в частности на поставку оборудования для разведки, добычи и транспортировки нефти и газа. Планами Вашингтона предусматривается также запрет на экспорт компьютеров, биотехнологии, способов производства новых материалов и т. д.²²

В результате негативной позиции администрации заметно сократился объем советско-американского сотрудничества в научно-технической сфере. Американская сторона пошла на продление в декабре 1981 года лишь соглашений

о сотрудничестве с СССР в области исследования Мирового океана, охраны окружающей среды, медицинской науки и здравоохранения, разработки искусственного сердца, причем масштабы сотрудничества и в этих сферах заметно снизились. В частности, США сократили обмен информацией с СССР в области онкологии.

Ухудшению политической атмосферы в советско-американских отношениях заметно способствует и резкое усиление идеологического нажима на Советский Союз, другие страны социалистического содружества. Это находит свое проявление в организации и проведении разного рода антисоветских, антикоммунистических кампаний (о мнимой «причастности СССР к международному терроризму», о «советской военной угрозе»), в усилении радиопропаганды, в сохранении на вооружении, хотя и в несколько менее одиозных формах, лозунга «защиты прав человека» в СССР и, наконец, в высоком накале грубой антисоветской риторики.

В феврале 1983 года в Вашингтоне была провозглашена пресловутая «программа демократии и публичной дипломатии», целью которой является активизация пропагандистско-подрывной деятельности против Советского Союза, других социалистических стран. По замыслу американской администрации, эта программа должна способствовать «эволюции» социалистических стран в сторону пресловутой «либерализации». Иными словами, выдвинуто не что иное, как программа подрыва основ социалистического строя.

Приведенный выше анализ тенденций политики администрации Рейгана в сфере отношений с СССР подтверждает вывод о том, что нынешнее американское руководство не только не стремится к какому-то существенному выравниванию отношений между СССР и США, но и, наоборот, проводит общую политическую линию, характеризующуюся устойчивым антисоветизмом, подрывом советско-американского сотрудничества, наращиванием гонки вооружений.

Несовместимость силового курса США с реальностями современной международной жизни

Несмотря на то что во внешней политике Белого дома на первое место были выдвинуты попытки восстановить «позицию силы» США в современной системе международных отношений, сегодня США не имеют абсолютной «свободы рук» для реализации своего гегемонистского внешнеполи-

тического курса. Развитие событий показывает, что попытки Вашингтона осуществить силовой курс на практике вступают в противоречие с объективными условиями современной международной действительности, что Соединенные Штаты попросту не располагают достаточными возможностями для возврата к прежней политике силы.

Важнейшую роль в сдерживании агрессивных устремлений американского империализма, безусловно, играют возросшая оборонная и экономическая мощь СССР, его последовательная и целеустремленная борьба за сохранение мира, предотвращение ядерной войны. Мирные инициативы, прозвучавшие с трибуны XXVI съезда КПСС, а также выдвинутые нашей страной в последующий период, открывают все пути для конструктивного решения неотложных задач современности, создают реальные возможности для активного диалога с США по всем проблемам двусторонних и международных отношений.

Сдерживающее влияние на политику Вашингтона оказывает также обострение противоречий в империалистическом лагере, в том числе и по вопросу отношений между Востоком и Западом. Разрядка, сотрудничество между европейскими государствами, как социалистическими, так и капиталистическими, пустили в 70-е годы глубокие корни, принесли конкретные и осязаемые плоды для всех народов Европы. Развитие торгово-экономических и научно-технических связей западноевропейских государств с СССР, другими странами социалистического содружества является взаимовыгодным, связано с расширением рынка сбыта товаров для капиталистических стран, более полной загрузкой их производственных мощностей, а значит со снижением уровня безработицы. Согласно имеющимся данным, выполнение советских заказов промышленностью ФРГ создает до 500 тыс. дополнительных рабочих мест, промышленностью Франции — 150—250 тыс., а промышленностью всех стран Западной Европы — около 1 млн. рабочих мест²³. Вот почему многие трезво мыслящие западноевропейцы отрицательно относятся к разного рода идеям использовать торгово-экономические связи как некий «кран», который следует поворачивать в зависимости от капризов США и вашингтонской трактовки политической обстановки.

Попытки Вашингтона подключить союзников к своей антисоветской линии оборачиваются заметным ростом антиамериканских настроений в странах Западной Европы, вносят дополнительные трения в отношения США с этими странами. Выражая обеспокоенность по поводу данной тен-

денции, Р. Осгуд пишет: «Тот факт, что нынешний кризис (в НАТО.— П. П.) отражает фундаментально расходящиеся подходы к отношениям Восток—Запад и что он имеет место в обстановке, когда США потеряли экономическое и военное превосходство, а следовательно, большую степень доверия своих союзников и возможности влиять на них по сравнению с периодом до начала 70-х годов, придает этому кризису большую серьезность»²⁴.

Правда, Вашингтону удается в ряде случаев, прибегая к методу запугивания западноевропейцев мнимой «советской военной угрозой», навязать им свою точку зрения. Но большинство государств Западной Европы осознают угрозу и возможные последствия ядерной войны для европейского континента, отдают себе отчет в том, что усиление гонки вооружений может подорвать относительно усилившиеся экономические позиции этой группы государств по отношению к США. События последних лет показали, что западноевропейские страны в целом проявляют заинтересованность в продолжении разрядки и развитии сотрудничества с СССР по многим направлениям.

Немаловажную роль в сдерживании Вашингтона играет и оппозиция милитаристскому курсу администрации Рейгана в самих США. Большинство рядовых американцев выражает растущее беспокойство по поводу того, что такой курс, характеризующийся ставкой на грубую силу, серьезно осложнил обстановку в мире, привел к ухудшению отношений с СССР, усилил опасность возникновения ядерного конфликта. Это беспокойство вылилось в мощное антиядерное, антивоенное движение в стране, в котором участвуют и те из американцев, кто традиционно стоял в стороне от политики, в частности врачи, ученые, религиозные деятели.

Объясняя причины появления этого движения, сенатор А. Крэнстон говорил: «Рональд Рейган пугает людей. Людей тревожит его риторика. Призывы к огромному увеличению военных расходов удивляют нас, так же как и абсурдные заявления членов администрации о том, что в ядерной войне можно выжить, если иметь лопату и быстро вырыть укрытие. Не признать ситуацию и не попытаться с ней справиться — это форма болезни. Но люди начинают выздоравливать от этой болезни и бороться с ней»²⁵. Известный американский ученый М. Голдберг, в свою очередь, отмечал: «Инициативы по замораживанию вооружений — попытка людей что-то сделать, привлечь внимание своих лидеров, сказать, что мы должны положить конец тому безумию, которое продолжалось последние 35 лет. Замораживание во-

оружий не является конечной целью. Это начало, за которым немедленно должно последовать упорядоченное, разумное и поддающееся проверке сокращение ядерных вооружений, а также шаги по предотвращению дальнейшего распространения ядерного оружия»²⁶.

Движение американцев за мир, против угрозы ядерной войны, несмотря на препятствия, чинимые официальным Вашингтоном, продолжает шириться. Так, например, в октябре 1982 года в Вашингтоне было объявлено о создании антивоенной коалиции «Граждане против ядерной войны», в состав которой вошли представители нескольких десятков общественных, профессиональных, молодежных, религиозных организаций, объединяющих около 20 млн. человек. В начале 1983 года с требованиями положить конец гонке ядерных вооружений выступило Американское физическое объединение, насчитывающее в своих рядах 32 тыс. ученых-физиков, которое впервые сочло необходимым заявить, что раскручивание маховика гонки вооружений представляет собой «беспрецедентную угрозу для человечества». Американские физики призвали президента и конгресс США, а также правительства других стран приложить все силы для ограничения и последующего сокращения стратегических ядерных вооружений. Кроме того, они высказались за соблюдение всех существующих соглашений по ограничению вооружений, включая Договор ОСВ-2, а также за запрещение любых испытаний ядерного оружия²⁷.

Не смогла остаться в стороне от обсуждения вопросов ограничения гонки вооружений и католическая церковь США, объединяющая свыше 50 млн. человек. Весьма показательным явилось утверждение в мае 1983 года специальным заседанием конференции католических епископов пастырского послания о войне и мире. В нем говорится о необходимости «открыто противостоять» риторическим заявлениям о возможности «победить» в ядерных войнах, «выживания» при обмене ядерными ударами, стратегии «затяжной ядерной войны». В послании также содержится призыв к незамедлительной выработке соглашений по прекращению разработки, производства, и развертывания новых систем ядерного оружия, принятию Соединенными Штатами обязательства не применять его первыми²⁸.

Нынешний откровенно милитаристский курс вашингтонской администрации и его возможные последствия вызывают определенное беспокойство и в правящих кругах США. В частности, в американском конгрессе стали несколько меняться настроения в пользу заключения соглашений с СССР

в области ограничения и сокращения стратегических вооружений, а также некоторого сокращения военных расходов. Известно, что резолюция сенаторов Кеннеди и Хэтфилда о замораживании ядерных арсеналов СССР и США, которая была отклонена в августе 1982 года в палате представителей большинством лишь в два голоса, в начале марта 1983 года была вновь внесена на рассмотрение палаты. После двух с лишним месяцев дебатов, несмотря на огромное давление администрации и сопротивление противников ограничения вооружений в самом конгрессе, резолюция была одобрена 5 мая 1983 г. большинством голосов членов палаты представителей. Причем ее основное положение — призыв к «взаимному, поддающемуся проверке» замораживанию всех видов ядерного оружия США и СССР и к достижению договоренности о сокращении ядерных арсеналов — удалось сохранить²⁹.

Другим показателем настроений американских законодателей является тот факт, что 24 марта 1983 г. палата представителей 229 голосами против 196 одобрила «альтернативный» проект федерального бюджета на 1984 финансовый год, разработанный демократической партией. Главной отличительной чертой «альтернативного» проекта является сокращение темпов наращивания военных расходов до 4% по сравнению с 10%, запланированными администрацией Рейгана. Голосование было проведено вопреки интенсивной обработке законодателей членами администрации и лично президентом, который обзванивал членов палаты представителей от обеих партий, убеждая их отклонить «альтернативный» бюджет.

Обращает на себя также внимание подготовленный демократическим кокусом палаты представителей документ «Путь к восстановлению возможностей», главным образом в той его части, которая посвящена внешней политике и политике «национальной безопасности». Принятие этого документа является отражением ведущейся в США дискуссии по вопросам будущей внешней политики и военной стратегии страны, и прежде всего по вопросам предотвращения ядерной войны. В документе демократического кокуса предлагается сделать больший акцент на достижение договоренностей, ограничивающих и сокращающих ядерные арсеналы СССР и США. В нем следующим образом формулируется программа соответствующих переговоров с Советским Союзом. «Мы приветствуем и поддерживаем национальное движение за контроль над ядерными вооружениями и предотвращение их использования, включая националь-

ную кампанию за замораживание ядерных вооружений, которые выражают сильное желание американского народа предотвратить войну и обратить вспять гонку вооружений. Мы считаем, что Соединенные Штаты должны стремиться к серьезным переговорам о контроле над стратегическими вооружениями, сохраняя при этом общее равенство с Советским Союзом»³⁰.

На переговорах с СССР предлагается договориться о замораживании испытаний, производства и развертывания ядерного оружия и средств его доставки; строгом соблюдении всех подписанных в 70-е годы договоров по контролю над вооружениями; расширению механизма предотвращения возникновения ядерной войны в результате случайности, включая установление срочных линий связи между всеми без исключения ядерными государствами; усилению режима нераспространения ядерного оружия; заключении поддающегося проверке договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия; сокращении ядерных арсеналов, обычных вооружений и вооруженных сил в Европе, а также разработке более широких мер доверия; участии в переговорах о сокращении ядерных вооружений всех остальных ядерных государств³¹.

Наконец, нельзя не упомянуть и о письме бывших министров финансов США — Дж. Коннэли, У. Саймона, М. Блюментала, Д. Диллона, Г. Фаулера — и бывшего министра торговли США П. Питерсона, направленном в марте 1983 года президенту США Р. Рейгану. В этом письме бывшие государственные деятели отметили, что предложенное администрацией увеличение военных расходов не имеет под собой реалистической и конструктивной основы. Они поставили под сомнение концепцию «горизонтальной эскалации», в соответствии с которой США должны быть готовы вступить в боевые действия с СССР в любой точке земного шара, подвергли критике программы строительства стратегических бомбардировщиков Б-1 и «Стеллс», крылатых ракет воздушного базирования и других систем вооружений, а также указали, что, по их мнению, ежегодная экономия средств за счет ликвидации или сокращения дорогостоящих и малоэффективных военных программ могла бы составить 25 млрд. долл.

Появление таких настроений среди американцев весьма примечательно. Это свидетельствует о нарастании в США сомнений относительно целесообразности проведения внешнеполитического курса, характеризующегося патологической ненавистью к Советскому Союзу, нагнетанием напря-

женности в советско-американских отношениях, всемерным наращиванием вооружений, в условиях ухудшения международной обстановки, углубляющихся социально-экономических проблем внутри страны. Как отмечал, в частности, С. Биалер, «создатели политики Рейгана путают эскалацию риторики с силой и игнорируют реальности экономической ситуации в США и Западной Европе, состояние отношений с западноевропейскими союзниками и настроения общественности внутри США и в Западной Европе.. В долгосрочном плане политика Рейгана, если она не будет серьезно приспособлена к реальностям, потерпит неудачу, последствия чего будут более катастрофическими для интересов США... Остается один вопрос, на который лица, формирующие внешнюю политику США, должны дать вразумительный ответ: возможны ли мир и регулируемое соревнование с СССР без значительных перемен в советской системе? Большинство американских специалистов по СССР заявили бы: «Да, возможны». Но согласились бы с этим президент Рейган и его советники?»³².

Выражая точку зрения реалистически мыслящих американцев, их озабоченность по поводу постоянного нагнетания напряженности между двумя великими державами, конгрессмен П. Саймон говорил осенью 1982 года: «Никогда еще необходимость взаимопонимания между Советским Союзом и Соединенными Штатами не была столь острой, как сейчас. Нужны постоянные усилия для ослабления нынешней международной напряженности, для чего необходимы взаимопонимание и контакты между нашими двумя странами. Отсутствие нормальных отношений может быть чревато развязыванием войны... Отказ от таких контактов, а также от переговоров не является проявлением твердости. Это скорее проявление недальновидности»³³.

Воздействие названных выше факторов может возрасть и в дальнейшем, по мере осознания как в мире, так и внутри Соединенных Штатов опасностей, связанных с дестабилизацией международной обстановки, постепенно усиливая влияние тех сил в США, которые выступают за более умеренный и реалистический курс в отношении нашей страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение в сжатой форме полувекового опыта развития советско-американских отношений позволяет сделать следующие основные выводы.

Во-первых, история убедительно свидетельствует о том, что поддержание нормальных отношений между СССР и США, развитие взаимовыгодного сотрудничества в различных областях вполне возможно, отвечает не только интересам двух стран, но и оборачивается благом для всего человечества. Это доказывает несостоятельность суждений всякого рода реакционеров в США, пытающихся доказать якобы «невозможность» мирных отношений между двумя странами, посеять семена вражды и недоверия к нашей стране.

Во-вторых, исторический опыт учит не упускать любую возможность для налаживания сотрудничества и взаимодействия, бережно относиться к тем результатам, которые достигались ценой столь больших усилий обеих сторон — будь то в годы второй мировой войны или в 70-е годы. Пренебрежение к накопленному опыту, попрание американской стороной подписанных соглашений, в частности Договора ОСВ-2, является одним из источников тех трудностей, с которыми сталкивалось и сталкивается развитие советско-американских отношений, в том числе и в начале 80-х годов.

В-третьих, факты истории показывают полную несостоятельность политики силы в отношении нашей страны, всякого рода попыток разрушить социалистический строй в СССР. Рецидивы политики «с позиции силы», как это имело место в начале 80-х годов, влекли за собой осложнения в советско-американских отношениях, международной обстановке в целом, оборачивались негативными последствиями для интересов самих Соединенных Штатов.

В-четвертых, нормализация советско-американских отношений, как подтверждает исторический опыт, возможна лишь на основе оправдавших себя принципов мирного сосуществования, в частности равенства и одинаковой безопасности, взаимного учета интересов друг друга, невмешательства во внутренние дела. Всякие попытки США выдвигать предварительные условия, требовать, чтобы другая сторона ради нормализации отношений изменила свою внутреннюю или внешнюю политику, а тем более предъявлять ультиматумы прямо противоречат задаче поддержания нормальных отношений между нашими странами. Как неоднократно подчеркивали руководители КПСС и Советского государства, курс на мирное сосуществование и развитие отношений с Соединенными Штатами на основе равноправия и взаимной выгоды остается генеральной линией советской внешней политики.

Наконец, история убедительно показывает, что те или иные позитивные сдвиги в отношениях между нашими странами не происходили сами собой, они были результатом большой и целенаправленной работы, смелых и дальновидных политических решений. Только такой подход может содействовать решению тех сложных проблем, которые стоят на повестке дня советско-американских отношений в наступившем десятилетии.

Сегодня во всей полноте предстает необходимость принятия срочных, безотлагательных мер для того, чтобы остановить сползание человечества к ядерной катастрофе. Сейчас нет и не может быть более важной задачи. Именно реализации этой задачи и подчинены конкретные инициативы и предложения нашей страны, последовательно выступающей за нормализацию отношений с Соединенными Штатами, полагая, что в современных условиях нет иной разумной альтернативы. Как неоднократно подчеркивалось в выступлениях советских руководителей, СССР в любой момент готов договориться на взаимной основе о замораживании ядерных арсеналов Советского Союза и США, выступает за быстрое и результативное завершение советско-американских переговоров по ограничению ядерных вооружений в Европе и по ограничению и сокращению стратегических вооружений.

«Мы, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов 3 мая 1983 г., — исходим из того, что историческое соревнование двух общественных систем, борьба идей — явление вполне закономерное, вытекающее из само-

го факта существования социализма и капитализма. Но мы решительно против того, чтобы это историческое противоборство направлялось к свертыванию мирного сотрудничества и тем более переводилось в плоскость ядерной войны.

В условиях, когда всему человечеству угрожает ядерная катастрофа, долг всех, кто имеет отношение к принятию политических решений, превыше всего поставить заботу о сохранении мира. Не пора ли и американским руководителям проявить больше политической сдержанности, ответственности и благоразумия?»¹

Тот, кто хочет использовать переговоры, чтобы обеспечить себе военно-стратегическое превосходство над Советским Союзом, допускает опасный просчет. Советский Союз никогда не окажется безоружным перед лицом любой угрозы. Однако еще не поздно остановить опасное обострение обстановки. Интересы всех народов, независимо от того, в каком районе мира, в условиях какой социально-экономической системы они живут, требуют решения неотложных задач ограничения и сокращения вооружений, и прежде всего ядерных, возврата на путь разрядки.

Принимая 18 августа 1983 года в Кремле группу американских сенаторов, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов охарактеризовал современное состояние советско-американских отношений как напряженное практически во всех областях. «Таковыми,— подчеркнул Ю. В. Андропов,— они оказались не по выбору советской стороны. Советский Союз хотел бы иметь с Соединенными Штатами такой уровень согласия, который обеспечивал бы нормальные, стабильные, добрые отношения, ко взаимной выгоде обеих сторон и к великой пользе для дела всеобщего мира. Если же кто-то рассчитывает в обстановке напряженности, в «игре без правил» добиться превосходства над СССР, то это опасный просчет.»²

Дальнейшее развитие обстановки в мире, в том числе в советско-американских отношениях, возможности приостановления опасной для человечества гонки вооружений будут во многом зависеть от того, удастся ли достичь взаимоприемлемого соглашения на переговорах между СССР и США в Женеве по ограничению ядерных вооружений в Европе. В целях облегчения достижения такой договоренности Советский Союз заявил в конце августа 1983 года о своей готовности сделать еще один крупный шаг: в случае достижения взаимоприемлемого соглашения, включая отказ США от развертывания в Европе новых ракет, Советский

Союз при сокращении своих ракет средней дальности в европейской части страны до уровня, равного числу ракет у Англии и Франции, ликвидировал бы все сокращаемые ракеты, в том числе и значительное количество самых современных ракет, известных на Западе под названием СС-20.

Однако американская сторона пока не проявила реальной заинтересованности в достижении договоренности с Советским Союзом о радикальном понижении ядерного противостояния на европейском континенте. Чем ближе сроки развертывания американских ракет средней дальности в Западной Европе, тем яснее становится, что основные политические, дипломатические и пропагандистские усилия Вашингтона направлены на реализацию планов создания нового ракетно-ядерного плацдарма НАТО вблизи границ социалистического содружества. Об этом, в частности, свидетельствует и упорное нежелание администрации Рейгана учитывать ядерные средства Англии и Франции в общем балансе ядерного оружия военного блока НАТО. «Выводом этих средств за скобки переговоров,— отмечалось на пресс-конференции в Москве 14 сентября 1983 г.,— блок НАТО рассчитывает добиться в первую очередь военных преимуществ. На этом фактически построена вся позиция США на переговорах. Если эти ракеты на переговорах учесть, тогда ничего не остается ни от «нулевого варианта», ни от «промежуточного решения» США, ни от рассуждений о «ракетной монополии» СССР. Цель США явно состоит в том, чтобы затянуть переговоры и разместить, ссылаясь на нескговорчивость Советского Союза, свои ракеты в Западной Европе»³.

Утверждения Вашингтона о невозможности включения ядерного потенциала Англии и Франции в общий баланс НАТО оспариваются и рядом политиков и экспертов как в Западной Европе, так и в самих США. Так, в подготовленном в августе 1983 года докладе по военно-политическим проблемам исследовательской службы конгресса США говорилось, что английские ядерные силы в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств» будут находиться под полным контролем объединенного командования НАТО. Что же касается Франции, то ее подпись стоит под уставом НАТО, «в соответствии с которым она должна действовать в случае возникновения вооруженного конфликта совместно с другими государствами-членами НАТО». Таким образом, «договорное обязательство, которое взял на себя Париж, имеет для него такую же силу, как и для других натовских стран»⁴.

Неконструктивную позицию заняла администрация Рейгана и в отношении проблемы предотвращения распространения гонки вооружений на космическое пространство. Как известно, 22 августа 1983 года СССР внес на рассмотрение очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект Договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли. Этот проект предусматривает полное запрещение испытаний любого оружия космического базирования, полный отказ государств от создания новых противоспутниковых систем, а также ликвидацию уже имеющихся. Кроме того, Советский Союз ввел односторонний мораторий на вывод в космос каких-либо видов противоспутникового оружия, пока другие страны, в том числе и США, будут воздерживаться от вывода его в космос. Однако Соединенные Штаты не только не поддержали это важное предложение СССР, но и попытались извратить его содержание, фальсифицировать цели, которые преследовала советская сторона, выдвигая эту инициативу. В опубликованном государственным департаментом США заявлении по поводу советского проекта говорилось, что Соединенным Штатам якобы «неизвестен» точный смысл советских предложений, что одним из основных недостатков советского проекта является «недостаточность» средств проверки. Между тем в советском проекте договора указаны конкретные методы проверки его выполнения, включающие как национальные технические средства контроля, так и соответствующие международные процедуры.

Ведущаяся Пентагоном ускоренная разработка систем космического оружия, в том числе и тех, которые предлагается запретить в советском проекте договора, создает новую угрозу международной безопасности.

Администрация Рейгана использовала инцидент с южнокорейским самолетом, преднамеренно нарушившим в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 г. воздушное пространство СССР, в качестве предлога для отказа от налаживания сотрудничества с СССР в экономической области, а также в сферах культуры и научных обменов. Нынешним руководством США развернута небывалая по своему цинизму и масштабам антисоветская кампания. Это делается для того, чтобы бросить тень на миролюбивую политику СССР, еще больше обострить международную обстановку, торпедировать переговоры по ограничению вооружений.

Внешнеполитический курс администрации Рейгана, направленный на подрыв и ликвидацию завоеваний разрядки, жесткую силовую конфронтацию с Советским Союзом под-

вергается критике со стороны значительной части американской общественности и некоторых представителей правящих кругов США, призывающих к нормализации советско-американских отношений.

Нельзя пройти мимо того факта, что в 1983 году стало намечаться некоторое расширение неправительственных контактов между СССР и США: в феврале в Москве проходила встреча рабочих групп экспертов ассоциаций содействия ООН в СССР и США по проблемам разоружения; в июне в Ленинграде состоялась советско-американская конференция работников печати; в июле СССР посетила делегация членов палаты представителей конгресса США, а в августе — делегация американских сенаторов.

Что касается Советского государства, то, как подчеркивал Ю. В. Андропов в своем заявлении от 29 сентября 1983 г.: «СССР желает жить в мире со всеми странами, в том числе с США. Он не вынашивает агрессивных планов, никому не навязывает гонку вооружений, никому не навязывает своих социальных порядков.

Наши помыслы и устремления воплощаются в конкретных предложениях, направленных на то, чтобы добиться решающего поворота к лучшему в международной обстановке. Советский Союз будет и впредь делать все возможное, чтобы отстоять мир на земле».

Введение

- ¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 23.
- ² Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 21.
- ³ Правда, 1983, 3 апр.

Глава 1

- ¹ Kennan G. The Nuclear Delusion. Soviet-American Relations in Atomic Age. N. Y., 1982, p. 19—20.
- ² Документы внешней политики СССР, т. XVI. М., 1970, с. 786.
- ³ Dulles F. The Road to Teheran. The Story of Russia and America. 1781—1943. Princeton, 1944, p. 168.
- ⁴ Time, 1982, Nov. 22, p. 31.
- ⁵ См. Gaddis J. Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive History. N. Y., 1978, p. 76.
- ⁶ Цит. по: Ганелин Р. Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975, с. 56—58.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 209.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 145.
- ⁹ Документы внешней политики СССР, т. II. М., 1958, с. 602—603.
- ¹⁰ The Bolshevick Revolution. It's Impact on American Radicals, Liberals and Labor. A Documentary Study by Ph. S. Foner. N. Y., 1967, p. 201—202.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Gaddis J. Op. cit., p. 87.
- ¹³ См. Документы внешней политики СССР, т. III. М., 1959, с. 669.
- ¹⁴ Гвишиани Л. А. Советская Россия и США (1917—1920). М., 1970, с. 295.
- ¹⁵ Фураев В. К. Советско-американские отношения. 1917—1939. М., 1964, с. 39.
- ¹⁶ Документы внешней политики СССР, т. III, с. 176—177.
- ¹⁷ Ленин В. И. Интервью с Л. Брайант. — Ленинский сборник. XXXVII, с. 254.
- ¹⁸ См. Документы внешней политики СССР, т. IV. М., 1960, с. 10.
- ¹⁹ Там же, с. 11.
- ²⁰ Gaddis J. Op. cit., p. 97.
- ²¹ Гвишиани Л. А. Указ. соч., с. 313.
- ²² Документы внешней политики СССР, т. VI. М., 1962, с. 629.
- ²³ Там же.

- 24 Цит. по: Цветков Г. Н. Шестнадцать лет непризнания. Киев, 1971, с. 126.
- 25 Документы внешней политики СССР, т. XIV. М., 1968, с. 524—525.
- 26 Gaddis J. Op. cit., p. 89.
- 27 Harriman A. Peace with Russia. N. Y., 1959, p. 2.
- 28 Цит. по: Вельтов Н. Успехи социализма в СССР и их влияние на США. М., 1971. с. 34.
- 29 Schuman F. American Policy Towards Russia since 1917. N. Y., 1928, p. 334.
- 30 История внешней политики СССР. 1917—1980, т. I. М., 1980, с. 294.
- 31 США: Экономика. Политика. Идеология, 1982, № 1, с. 28.
- 32 Gaddis J. Op. cit., p. 102.
- 33 См. СССР — США: экономические отношения. Проблемы и возможности. М., 1976, с. 69—70.
- 34 Цит. по: Вельтов Н. Указ. соч., с. 35.
- 35 СССР — США: экономические отношения. Проблемы и возможности, с. 79.
- 36 См. Сташевский Д. Н. Прогрессивные силы в борьбе за признание Советского государства. 1917—1933. Киев, 1969; Фураев В. К. Указ. соч., с. 226.
- 37 Gaddis J. Op. cit., p. 98.
- 38 Документы внешней политики СССР, т. XVI, с. 564.
- 39 Там же.
- 40 Там же, с. 641.
- 41 Там же, с. 643.
- 42 История внешней политики СССР. 1917—1980, т. I, с. 295—296.
- 43 Цит. по: Filene P. Americans and the Soviet Experiment. 1917—1933. Cambridge, 1967, p. 207—208.
- 44 США: Экономика. Политика. Идеология, 1982, № 1, с. 73.
- 45 Яковлев Н. Н. Новейшая история США. 1917—1960. М., 1961, с. 232.
- 46 Цит. по: История внешней политики СССР. 1917—1980, т. I, с. 316.
- 47 Stoessinger J. Nations in Darkness: China, Russia and America. N. Y., 1971, p. 145.
- 48 Gaddis J. Op. cit., p. 105.
- 49 Ibid., p. 107.
- 50 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 1. М., 1958, с. 547.
- 51 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. I, М., 1946, с. 141.
- 52 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 2. М., 1958, с. 431—432.
- 53 См. Quigley C. Tragedy and Hope. A History of the World in Our Time. N. Y., 1966, p. 761.
- 54 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 2, с. 613.
- 55 Правда, 1983, 3 апр.
- 56 Los Angeles Times, 1982, Jan. 23.

Глава 2

- 1 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 2, с. 661, 663.
- 2 Kennan G. Memoirs. 1925—1950, vol. I. Boston—Toronto, 1967, p. 594.
- 3 Kennan G. American Diplomacy. 1900—1950. L., 1962, p. 124.
- 4 Цит. по: Williams W. The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1962, p. 168.
- 5 Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968, с. 8.

- 6 См. Containment: Documents on American Policy and Strategy. 1945—1950. Ed. by T. Etzhold, J. Gaddis. N. Y., 1978, p. 85.
- 7 Foreign Relations of the United States (FRUS), 1950, vol. 1. (далее National Security and Foreign Economic Policy. Wash., 1977, p. 240—241.
- 8 Ibid., p. 242—253.
- 9 Ibid., p. 304—306.
- 10 СССР — США: экономические отношения. Проблемы и возможности, с. 100.
- 11 FRUS, 1950, vol. 1, p. 310.
- 12 Dulles J. War or Peace. N. Y., 1957, p. 151.
- 13 Eisenhower D. The White House years. Waging Peace. 1956—1961. N. Y., 1965, p. 226.
- 14 Horowitz D. The Free World Colossus. N. Y., 1965, p. 302.
- 15 Цит. по: Американцы размышляют, американцы критикуют. М., 1967, с. 78—79.
- 16 Kennan G. Memoirs. 1950—1963, vol. II. Boston, 1972, p. 143.
- 17 Цит. по: Schlesinger A. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston, 1965, p. 391.
- 18 См. United States Foreign Policy in USSR and Eastern Europe. The Russia Institute. Columbia University. A Study prepared at the request of the Committee on Foreign Relations. Wash., 1960, p. 54, 55, 59, 74.
- 19 Kennedy J. The Strategy of Peace. N. Y., 1960, p. 11—12.
- 20 Цит. по: Sorensen T. Kennedy. N. Y., 1966, p. 227.
- 21 См. Громыко А. А. 1036 дней президента Кеннеди. М., 1968, с. 176.
- 22 См. Внешняя политика Советского Союза, 1961, М., 1962, с. 359—362.
- 23 Громыко А. А. Карибский кризис. — Вопросы истории, 1971, № 8, с. 124—125.
- 24 См. Time, 1982, Sept. 27, p. 22.
- 25 Sorensen T. Op. cit., p. 839.
- 26 Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, с. 26.

Глава 3

- 1 Материалы XXIV съезда КПСС, с. 28.
- 2 U. S. Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States. May 3, 1973. Wash., 1973, p. 4.
- 3 The Memoirs of Richard Nixon.. N. Y., 1978, p. 344.
- 4 U. S. Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. A Report by President Nixon to the Congress. Febr. 18, 1970. Wash., 1970, p. 99.
- 5 U. S. Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States. May 3, 1973, p. 36.
- 6 Правда, 1972, 30 мая.
- 7 The Department of State Bulletin, 1976, May 3, p. 579.
- 8 Современная дипломатия буржуазных государств. М., 1981, с. 56.
- 9 История внешней политики СССР. 1917—1980, т. II. М., 1981, с. 489.
- 10 Цит. по: СССР — США: экономические отношения. Проблемы и возможности с. 211.
- 11 Внешняя торговля СССР, 1970, М., 1971, с. 12; Внешняя торговля СССР, 1979. М., 1980, с. 14.
- 12 East-West Commercial Policy: a Congressional Dialogue with the Reagan Administration. A Study Prepared for the Use of the Joint Committee, Congress of the United States. Wash., 1982, p. 4—5.

- ¹³ Foreign Affairs, 1980/81, Winter, p. 245.
- ¹⁴ The New York Times, 1980, March 24.
- ¹⁵ Современная дипломатия буржуазных государств, с. 59.
- ¹⁶ См. Ford G. A Time to Heal. N. Y., 1980, p. 385.
- ¹⁷ Foreign Policy, Fall 1979, p. 47.
- ¹⁸ The Department of State Bulletin, 1977, June 13, p. 623.
- ¹⁹ Современная дипломатия буржуазных государств, с. 61.
- ²⁰ Foreign Policy, Fall 1978, p. 63.
- ²¹ Ibid., p. 64—65.
- ²² The Nation, 1978, Febr. 18, p. 169.
- ²³ См. Carter J. Keeping Faith. Memoirs of a President. N. Y., 1982, p. 82.
- ²⁴ Ibid., p. 149.
- ²⁵ Foreign Policy, Fall 1979, p. 169.
- ²⁶ См. Talbott S. Endgame. The Inside Story of SALT II. N. Y., 1979, p. 57.
- ²⁷ Weekly Compilation of Presidential Documents, 1977, Aug. 1, p. 1065.
- ²⁸ The Department of State Bulletin, 1978, July 26, p. 35.
- ²⁹ The New York Times, 1978, July 18.
- ³⁰ См. The SALT II Treaty. Hearings Before the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate, Part 5. Wash., 1979, p. 9, 12, 34.
- ³¹ The New York Times, 1980, Febr. 17.
- ³² Foreign Policy Priorities for the President. Towards a Future Agenda. American Enterprise Institute for Public Policy Research. Wash., 1980, p. 5.
- ³³ История внешней политики СССР. 1917—1980, т. II, с. 607.
- ³⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 123.
- ³⁵ Congressional Record, 1980, Sept. 21, S 6230.
- ³⁶ См., например, The Soviet Challenge: A Policy Framework for the 1980's. The Commission on U. S. — Soviet Relations. Sponsored by the Council on Foreign Relations. N. Y., 1981. Это исследование подготовлено комиссией по американско-советским отношениям, которая была сформирована осенью 1980 года Советом по международным отношениям с целью выработки рекомендаций по этому вопросу для новой администрации в Вашингтоне. Конечно, выводы комиссии являются своего рода компромиссным изложением современных подходов правящих групп США к отношениям с СССР, но все же консервативный налет в них преобладает. Далекое не последнюю роль в этом сыграл и тот факт, что первый вариант доклада, как это ясно из вступления, написан Х. Сонненфельдом.
- ³⁷ AEI Foreign Policy and Defence Review, 1980, Oct., p. 12.
- ³⁸ The Soviet Challenge: A Policy Framework for the 1980's. The Commission on U. S. — Soviet Relations. Sponsored by the Council on Foreign Relations, p. 3.
- ³⁹ Congressional Record, 1980, Sept. 21, S 6233.
- ⁴⁰ The Washington Post, 1981, Nov. 12.
- ⁴¹ Foreign Affairs, Fall 1980, p. 547.
- ⁴² International Security, vol. 5, 1981, Spring, No 4, p. 89.
- ⁴³ Foreign Affairs, 1980/81, Winter, p. 103.
- ⁴⁴ Caldwell L., Diebold J. The Soviet-American Relations in the 80's. Council on Foreign Relations. N. Y., 1980, p. 198.
- ⁴⁵ East-West Outlook, American Committee on East-West Accord, 1981, May/June, p. 4.
- ⁴⁶ Foreign Policy, Fall 1980, p. 103.

- ¹ Правда, 1983, 3 июня.
- ² Congressional Record, 1980, Sept. 21.
- ³ The New York Times Magazine, 1980, Nov. 16, p. 172.
- ⁴ Цит. по: Правда, 1983, 27 янв.
- ⁵ Правда, 1983, 17 марта.
- ⁶ Foreign Affairs, 1982/83, Winter, p. 249.
- ⁷ The New York Times, 1982, May 10.
- ⁸ The New York Times, 1982, June 17.
- ⁹ Правда, 1983, 12 янв.
- ¹⁰ Foreign Affairs, 1982/83, Winter, p. 261.
- ¹¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 22 ноября 1982 года. М., 1982, с. 20.
- ¹² Правда, 1983, 23 апр.
- ¹³ Правда, 1983, 2 февр.
- ¹⁴ The New York Times, 1982, May 30.
- ¹⁵ См. Правда, 1983, 18 янв.
- ¹⁶ Правда, 1983, 20 янв.
- ¹⁷ Правда, 1983, 3 апр.
- ¹⁸ Porro J. The Reagan Arms Control Policy: Year One. Wash., 1982, p. 15.
- ¹⁹ The Department of State Bulletin, 1981, July, p. 534.
- ²⁰ Правда, 1983, 7 янв.
- ²¹ East-West Commercial Policy: A Congressional Dialogue with the Reagan Administration. A Study Prepared for the Use of the Joint Economic Committee, Congress of the United States. Wash., 1982, p. 63.
- ²² См. Правда, 1983, 12 апр.
- ²³ См. Правда, 1983, 11 февр.
- ²⁴ America and the World, 1981, No 14, p. 483.
- ²⁵ Time, 1982, March 29, p. 16.
- ²⁶ Ibid., p. 17.
- ²⁷ См. Правда, 1983, 28 янв.
- ²⁸ См. Правда, 1983, 7 мая.
- ²⁹ См. Правда, 1983, 7 мая.
- ³⁰ Congressional Record, 1982, Sept. 23, S 120 898.
- ³¹ Ibid., S 11826.
- ³² Foreign Affairs, 1982/83, Winter, p. 257.
- ³³ Правда, 1982, 10 нояб.

Заключение

- ¹ Правда, 1983, 4 мая.
- ² Правда, 1983, 19 авг.
- ³ Правда, 1983, 15 сент.
- ⁴ Правда, 1983, 16 авг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
ГЛАВА 1. ОТ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	8
Антисоветизм — главный мотив политики непризнания	11
Установление дипломатических отношений — победа реализма и здравого смысла	20
Совместная борьба против фашизма	30
ГЛАВА 2. СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	35
Переход правящих кругов США к «холодной войне» и его причины	35
Основные установки политики «сдерживания»	38
Кризис «холодной войны» и первые шаги по нормализации отношений в 60-е годы	42
ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 70-е ГОДЫ: ОПЫТ И УРОКИ	54
Мирное сосуществование — единственная разумная основа отношений между СССР и США	55
Позитивный опыт советско-американского сотрудничества	59
Причины усиления антисоветизма во внешнеполитическом курсе США	69
Осложнение советско-американских отношений на рубеже 70—80-х годов	74
Некоторые общие особенности и составные элементы американских концепций отношений с СССР на рубеже 70—80-х годов	89
ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ	97
Истоки антисоветского курса администрации Рейгана	98
Основные проявления антисоветской линии Вашингтона	104
Несовместимость силового курса США с реальностями современной международной жизни	117
<i>Заключение</i>	124
<i>Примечания</i>	130

Павел Терентьевич Подлесный

**СССР — США:
50 ЛЕТ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

Редактор *Е. Ю. Прокудина*
Оформление художника *А. А. Пчелкина*
Художественный редактор *В. В. Сурков*
Технический редактор *Т. С. Орешкова*
Корректор *Н. А. Борисова*
Младшие редакторы *И. А. Агапьева, Т. Б. Романова*

ИБ № 968

Сдано в набор 22.06.83. Подписано в печать 28.10.83. А13685. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура «литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 7,36. Уч.-изд. л. 7,76. Тираж 22 000 экз. Заказ № 1756. Цена 50 коп. Изд. № 6И/83

Издательство
«Международные отношения»
107053, Москва, Садовая Спасская, 20

Типография № 8
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
101898, Москва, Хохловский пер., 7.

«Международные
отношения»

18 стр.